

Prix 8 Francs

№ 217 Janvier 1970

PÉRIODIQUE

ВОЗРОЖДЕНИЕ

«LA RENAISSANCE»

НЕЗАВИСИМЫЙ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 217

ЯНВАРЬ 1970 ГОДА

c/o. S. S. Obolensky

Chemin de la Côte-du-Moulin

78 — L'Etang-la-Ville

ВОЗРОЖДЕНИЕ

1970
№
217

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
ОТ ПРОШЛОГО К БУДУЩЕМУ. Редакционная статья	5
Ив. НОВГОРОД-СЕВЕРСКИЙ. Хрустальная Барышня	7
Валерий ПЕРЕЛЕШИН. Бурьян	11
Иг. АВТАМОНОВ. Невозвратный механизм. Рассказ	19
Николай АРСЕНЬЕВ. А. С. Хомяков и В. А. Кожевников	35
Темира ПАХМУСС. Дневник Зинаиды Николаевны Гиппиус « О Бывшем »	56
М. Ф. АНДРЕЕНКО. Заметки по вопросам современного искусства	79
И. ЧЕЛДОН. Демографический дефицит в СССР	95
В. Лешин. П. А. Столыпин и « Третий путь »	110
П. КОВАЛЕВСКИЙ. Проф. Г. В. Вернадский и его « История России »	118
В. СЕРГЕЕВИЧ. Инфернальное у Михаила Булгакова	121
Ю. КРУЗЕНШТЕРН-ПЕТЕРЕЦ. Памяти Княгини Белосельской-Белозерской	130
Л. ДОМИНИК. О зрелищах за декабрь	133
М. ГРИГОРОВСКИЙ. Марк Шагал в Grand Palais	143
Я. Н. ГОРБОВ. Литературные заметки: Родион Березов « Разлука »	145
Кн. С. ОБОЛЕНСКИЙ. На пороге 70-х годов	151

« LA RENAISSANCE »

ВОЗРОЖДЕНИЕ

**НЕЗАВИСИМЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТЕЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

Под редакцией

Кн. С. С. ОБОЛЕНСКОГО и Я. Н. ГОРБОВА

№ 217

ЯНВАРЬ 1970 ГОДА

c/o. S. S. Obolensky
Chemin de la Côte-du-Moulin
78 — L'Etang-la-Ville

VOZROJDENIE

« LA RENAISSANCE »

REVUE LITTÉRAIRE ET POLITIQUE

Comité de rédaction :

PRINCE S. OBOLENSKY ET J. GORBOF

N° 217

JANVIER 1970

c/o. S. S. Obolensky
Chemin de la Côte-du-Moulin
78 — L'Etang-la-Ville

ОТ РЕДАКЦИИ

Просим извинения у читателей за запоздавший выход в свет этого номера. Он вызван исключительно организационными затруднениями переходного периода в издательстве. Надеемся впредь выпускать «Возрождение» точно в середине каждого месяца.

Благодарим всех, откликнувшихся на призыв материально поддержать наш журнал, и просим всех наших друзей и сочувствующих продолжать это плодотворное усилие.

Всю переписку просят временно направлять по адресу :

Mr. S. Obolensky. Chemin de la Côte-du-Moulin
78 — L'Etang-la-Ville

Статьи непринятые к напечатанию не возвращаются, и Редакция не вступает в переписку по их поводу.

ОТ ПРОШЛОГО К БУДУЩЕМУ

Иностранцы гости, недавно побывавшие в самом официальном порядке в Советском Союзе и попутно ознакомившиеся с некоторыми из унаследованных им сокровищ, говорили потом приблизительно следующее :

— Россия была бы сегодня для всего мира культурно ведущей страной, не будь революции, или по крайней мере той революции, которая в России произошла.

Того, что не ускользает от более культурных и внимательных иностранных посетителей, не могут, конечно, не сознавать мыслящие люди самой современной России. И сознают действительно. Отголоски внутренних российских настроений, всё чаще проникающие за рубеж, об этом свидетельствуют. Еще было бы преувеличением утверждать, что современная Россия уже отдает себе вполне определенный отчет в том, каким путем она пойдет дальше. Россия — подлинная — находится еще в состоянии напряженнейших поисков. Но в этих поисках уже установлено, что путь в будущее так или иначе будет озарен тем исключительным блеском, который проявился во всех отраслях российской жизни в последние десятилетия перед катастрофой и в свою очередь был результатом всей истории России, противоречивой, мучительной и грандиозной.

Приведем только один пример и только из одной, но очень важной области. В одном из последних « Обзоров » мюнхенского Института по изучению СССР, Н. А. Теодорович отмечает, что уже и казенные советские издания, такие, как « Наука и Религия », вынуждены писать об « увлечении рядовых советских людей, воспитанников коммунистических школ, русской религиозно-философской литературой XIX и начала XX века ». Притом автор статьи, напечатанной в этом советском журнале, кандидат философских наук Семенкин, сам проявляет « большую осведомленность в отношении изданных за границей книг и статей ». И « кроме указанного автора, в ряде других советских изданий в последнее время тоже перечисляются центры российской диаспоры и говорится о ее деятельности ».

Верен и заключительный вывод Н. А. Теодоровича : изучение этой литературы даже такими людьми как Семенкин, ставящими себе целью ее « опровергнуть », уже таит в себе опасность для « и без того крайне зыбких позиций » партийной идеологии. А так как по словам всё того же Семенкина идейное наследие, сохраняемое в русском зарубежье, вообще проникает всяческими путями в Советский Союз, то и практические выводы вытекают сами собою.

Как в этой области, так и во всех иных, в современной России есть огромный «спрос» на всё культурное, всё историческое наследие в целом.

Итак, будем заботиться о том, чтоб из этого наследия не потерялось ничего; и будем твердо знать, что из него отсеется и перейдет в будущее то, что способно выдержать испытание временем и огнем нашей жестокой эпохи. Будем и сами помогать неизбежному и необходимому «пересмотру» всего этого достояния, тем более, что и российский блеск начала XX века сам уже возник путем «пересмотров»: «пересмотром» примитивно-утилитарной интеллигентской идеологии предыдущих десятилетий, «пересмотром» традиционного государственного уклада в Думской монархии.

Помещая в этом нашем номере очерк проф. Н. С. Арсеньева из истории православной русской мысли и, с другой стороны, приступая к печатанию до сих пор не изданного дневника Зинаиды Гиппиус времен ее совсем иных религиозно-философских исканий, мы прямо отвечаем тем особым запросам, о которых говорится в цитированной заметке Н. А. Теодоровича. То и другое вместе — наше наследие, наследие завтрашней России, и пересмотр в нем пройдет там, где пройти должен. Уже из печатаемой теперь вводной статьи Д-ра Темиры Пахмусс к дневнику Гиппиус «О Бывшем» непредвзятый читатель поймет, что из предреволюционных увлечений и отталкиваний замечательной русской поэтессы не выдержало огня, трагически опрометчиво вызванной, «той революции, которая произошла». И далее, — помещая, например, статью М. Ф. Андреевко о современном искусстве, мы надеемся содействовать в этой области восстановлению новаторской линии всё того же русского «Ренессанса» начала столетия, насильственно оборванной бездушною советской казенщиной, — а очерки И. Челдона о демографических последствиях марксо-ленинского эксперимента в нашей стране и с другой стороны, В. Лёшина о столыпинском «третьем пути» послужат, надеемся, материалами для выработки предстоящего социально-экономического и политического русского синтеза.

Свободное общество тем и отличается от тоталитарно закабаленного, что в нем проявляются разные взгляды, и редакция «Возрождения» стремится к тому, чтобы на наших страницах завязались плодотворные споры по серьезным вопросам. Мы просим также наших читателей как можно шире писать нам свою критику и свои пожелания относительно журнала, который должен быть и их собственным делом. Всё это — наш посильный вклад в русское будущее, в муках подготавливаемое на Русской земле.

«В»

ХРУСТАЛЬНАЯ БАРЫШНЯ

Чего только не увидишь во время войны!

На нашем вокзале продавал пленный немецкий солдат, с огромным вильгельмовским орлом на макушке железной каски, чудесные китайские фарфоровые статуэтки.

Спрашивают его :

— Где ты достал?

— Из имения самого императора Вильгельма!

— Как же ты осмелился?

— Реквизировал!

Скульптура вещь заманчивая, в особенности чем либо замечательная. Есть на нее любители. Какие-то люди, за пустяшные гроши, купили статуэтки.

Оказалось потом, что пленные по дороге статуэтки сами отливали.

Из чего только ни делают статуэтки. Поэт Лермонтов, в детстве, лепил из глины. Не солдатиков, а рыцарей и прекрасных дам средневековья, королей и принцесс.

Маленький Мишель Лермонтов, из маленького ящичка, в котором жил бабушкин котенок или какая-то птичка, соорудил подобие театра с роскошными декорациями и даже великолепным освещением, заставив своих необыкновенных героев играть средневековые трагедии.

В нашем мариинском остроге арестанты делали миниатюрные фигурки : доктора, цыгана и прочие персонажи из мякиша черного тюремного хлеба и разыгрывали на тюремных нарах « Петрушку ».

Тюремный священник, увидев это своеобразное театральное зрелище, просил их не кощунствовать над хлебом :

— Как можно? Хлеб дар Божий! Ну, уж лепите что либо священное и приносите мне. Я буду вашим сбытчиком и платить буду вам за труды авансом!

В канун Рождества, на святую великомученицу Евгению, когда моя мать была именинница и тоже мучилась в предрождественской суете и сутолоке предпраздничных уборок и приготовлений, пришли из острога арестанты, стуча по нашему ветхому полу арестантскими « котами ».

Котами называлась деревянная обувь, вроде французских « сабо », в которой тогда ходили арестанты. Эту обувь они прозывали « котами » за то, что она не пускает их, бедных по-

павшихся мышек, на волю. Очень стучат на ходу и предательски выдают этим.

В руках посетителей было два новеньких, пахнущих свежим деревом, сабо и внутри их были ясли, вылепленные из тюремного хлеба.

Из хлеба же были сделаны Божия Матерь, плотник Иосиф, конь и вол, а поодаль овечки, пастухи и караван волхвов со звездой путешествующих, как со светлым знаменем.

Арестанты обратились к моей матери и ей сказали :

— Пришли, Максимовна! Хоть мы и не волхвы, а все-таки принесли дары. Одни ясли тебе, а другие нашему батюшке острожному. Он куда-то запропал, может, удалился в какие палестины, а обещал нам авансик выплатить в виде звонкой монеты. Может, ты чево раскошелишься?

Мать угостила их, с уже красующегося рождественского стола, чем Бог послал, дала им немного денег и они пошли с миром к своим острожным пенатам.

Ссылная поповна Павловна, жившая у нас, упрекнула их за то, что они не прилепили ангелов, певших в рождественскую ночь самую божественную и дивную песню, так необходимую людям :

— Слава в вышних Богу
и на земли мир,
в человецех
благоволение!

Но арестанты озадаченно оправдывались :

— Да как их прилепишь? Держите их в мысленности, в душе и сердце. Прочнее будет!

До чего доходит скульптура! Один знаменитый французский художник изготовил свои произведения из каких-то металлических кружков, квадратиков, треугольников и замысловатых винтиков.

А наш южный сахарозаводчик, в книжке Ивана Сергеевича Шмелева, — называется « Степное чудо », — в подарок одному писателю народнику отлил сахарного мужика в натуральную величину, вес которого и определить было затруднительно, не прикинув на весы. А где достать весы для такого мужика?

Стоял сахарный мужик-статуй в писателевом кабинете, похожем на будуар, среди мягких кресел, над пышным письменным столом, украшенным экзотическими цветами, заморскими статуэтками и вычурными портретами почитательниц.

Писатель писал о колышущихся нивах, о вспаханных полях, но лишь забыл, как называется вот эта штучка : на ре-

мешке перекинута через плечо сеятеля, — своего рода крестьянский крест, из которого сеятель берет зерно и сеет.

— Милочка! Ты не знаешь, как это называется? Лукошко? — спросил он у прибежавшей на помощь супруги.

Супруга, не задумываясь, сразу же выпалила :

— Дружок! Никакое не лукошко. Теперь в поле по современному. Сеял он из инкубатора!

И супруга поспешила на кухню, там что-то подгорало.

Писатель в ее пустой след промямлил :

— А ты что нервничаешь? Не в духе? Инкубатор, так инкубатор. Так и напишу.

И писатель писал, сладкими глазками взирая на сахарного мужика.

Иногда, тайком, в писателев кабинет прошмыгивали, как мышки, писателевы детки, чтобы лизнуть мужика. То же делали и домочадцы. И даже приходившие полотеры, стуча тяжелыми щетками со здоровенными палками, по неосторожности, « невзначай », отломали у мужика бок. Рассыпавшиеся куски попрятали по сумкам и унесли домой долизывать.

Мужик стоял — стоял и обрушился всею своею тяжестью на письменный стол и писателеву лысую голову.

Так закончилось это степное чудо, страшная сказка о сладком барине и сахарном мужике-статuae.

Вскорости в нашу древнюю, похилившуюся хибарку, как на лазоревый лужок, прилетела птичкой, или нарядной бабочкой, совсем незнакомая нам барышня.

Прилетела с вокзала на извозчике и он стоял у нашей калитки возле своей понурой лошаденки, дожидался платы. Чтобы его отпустить, пришлось дать ему пятиалтанный.

Барышня сперва залепетала с нами по-французски, но видя наше недоумение перешла на русскую речь :

— Мне сейчас же нужно осторожно в постель. Я вся хрустальная и могу сломаться!

Глядя на ее легкие курортные одеяния и посмотрев в окно на уличные сугробы, мы подумали, что действительно можно превратиться в сосульку. Но оказалось дело серьезнее. Барышня блуждала испуганными, воспаленными глазами, у ней была температура и она производила впечатление ненормального человека. С нею в поезде что-то случилось.

Просила завесить окна, так как они могут потрескаться от мороза, закутать все хрупкие вещи и ее закутать, потому что она хрустальная и может разбиться.

Извозчика мы просили заехать в железнодорожный приемный покой и привезти оттуда фельдшера.

Фельдшер приехал не один, а с фельдшерницей, говорив-

шей по-французски с тамбовским наречием. Она бойко заговорила с больной по-французски и, после краткой беседы, взяла ее под свое попечение.

Фельдшер вернулся в больницу. а фельдшерица увезла больную на свою квартиру.

Больная не скоро, но все же поправилась и уехала в Америку, так как ее там ждал жених. Прошло много времени и мы от нее получили письмо. Она сообщала, что вышла замуж и они уехали из Нью-Йорка в полярные области. Ее муж и она были спутниками молодого ученого, изучающего заполярье. Она живет среди бурь и снегов, льдов и морозов, перестала быть хрустальной и не боится разбиться. Они были на Ледовитом океане, у нашего острова Жаннетта, о котором я ей послал стихотворение :

Остров Жаннетта

— На острове Жаннетта есть цветы? —
Спросила девушка с мечтательной улыбкой.
Бегут барашки в море зыбко.
А вот и золотая рыбка.
Цветком Жаннетты будешь ты!

Где есть любовь, там будут и цветы.
В названье ласковом Жаннетта
Уже весна, уже кусочек лета.
Душа как будто бы согрета.
Цветком Жаннетты будешь ты!

Через некоторое время мы получили статуэтку этого маленького скалистого острова в виде изящной барышни с приютившимся возле нее красивым трехмачтовым парусником лейтенанта Де-Лонга, первым увидавшего этот остров. Девушка изображающая остров и корабль Де-Лонга были окружены хрустальными розами. В сопроводительном письме была подпись : — Жаннетта!

Так звали эту милую и оригинальную барышню.

Ив. Новгород-Северский

Бурьян

Рассказ

I

Едва ли не каждый день попадают на глаза объявления, подобные этому. Тем обесцвеченным, нарочито невыразительным слогом, который приличествует случаю, оно извещало о том, что участок земли мерою во столько-то квадратных сажений, выкупленный, с постройками на нем : домом-особняком, фаршированным, по наружному обмеру столько-то квадратных сажений, сараем деревянным, крытым железом, летней кухней и проч., дешево продавался.

Ничего необычайного не было и в том, что на это объявление по указанному адресу шли люди разных званий и намерений, приходили, пытливо осматривали владенье, расспрашивали, записывали, восклицали « ну, это дорого по нынешним-то временам! » — и уходили.

Некоторые возвращались потом с женой, со знакомым инженером, который « большой дока по этим делам », смотрели снова — и снова задавали те же вопросы с сырости, о глубине фундамента, о сроке аренды. Более наблюдательные интересовались еще и тем, почему в саду было столько бурьяну.

А бурьяну было действительно много : начинаясь от парадного крыльца, выходявшего в сад, он подымался могучей стеной почти в челoveческий рост, и был густ, как щетка. Это было сплошное разгульное море стеблей и листьев; косматыми волнами стлались в нем кусты полыни, лебеды, репейника, чертополоха, крапивы... Обреченными островами казались среди этой травянистой стихии невысокие яблони и акации, и только один исполинский вяз гордо уходил к облакам, похожий на Тенерифский пик, растущий прямо из моря.

Каждую весну Сергей Павлович радовался молодой травке, к Благовещению высыпавшей как сыпь, по всей широкой груди участка. Сергей Павлович любил природу и, хотя был техником, мечтал в детстве стать сельским хозяином. Юная неокрепшая еще травка наполняла его сердце умилением, как всякая жизнь, пробивавшаяся сквозь враждебную толщу смерти и холода.

Но в начале лета Сергей Павлович уже хмурился : его огород заглохал, хирел так быстро, что становились необходимыми спешные меры, и тогда Сергей Павлович принимался яро-

стно истреблять наступающую стихию хлорофила, извивавшуюся вверх легионами стеблей, листьев и курчавых зеленых цвететий.

Срезанные, травы становились дряблыми и никлыми. Сваленные в большие кучи, они испускали сильный, пряный запах, который победоносно заполнял садовый воздух и отравлял легкие Сергея Павловича какой-то задумчивой ленью. Сергей Павлович знал, ведь, что стоит ему на три-четыре июльских дня согнуться над чертежами и счетной линейкой, как, выйдя, он уже не отыщет и следа своей моркови и гороха.

Зеленая кровь уже пропитала землю, уже оживила сонмы дремлющих в ней зародышей, уже влила в тело Сергея Павловича усталость и пассивность, чуть-чуть закружила ему голову. Лето, — душно, утомительно работать на воздухе, — и Сергей Павлович оставляет поле сражения, оставляет ежиться и тлеть под частыми ливнями горы зеленых трупов, предает жалкую фасоль в жертву грядущим мстителям-варварам.

Молодой человек уходил к своим книгам и чертежам, утомленный и счастливый, чувствуя себя немного убийцей или посетителем морга, и вслед ему облегченно и траурно вздыхал израненный бурьян.

Катя иногда тоже невольно вздыхала: она знала, что Лепнины еле дышат, что их дом у них отберут, как только этого пожелают кредиторы. И, может-быть, еще потому вздыхала Катя, что ее знакомство с Сергеем Павловичем Лепниным все как-то не налаживалось: правда, когда она отворяла дверь своей террасы, выходявшей как раз против Лепнинского парадного входа, он неизменно раскланивался с нею, отделенной от него травяными джунглями, с учтивостью старомодной и трогательной, — но и только.

Прежде это была одна усадьба, но потом Лепнины обеднели и продали ее половину Катиным родителям; на месте прежнего фруктового сада стоял теперь опрятный каменный домик с веселой террасой, но соседей все еще разделял редкий забор с заделанной калиткой посередине, да еще это море сорной травы.

Лепнины жили тихо и замкнуто. Сухая, худощавая Анна Филипповна неслышно, как мышь, двигалась по дому-особняку, мыла, чистила, скоблила и стряпала, изобретая дешевые кушанья.

Покой ее вдовства нарушился только один раз: телеграм-

мой от племянницы, Елены Георгиевны, русской американки, богатой разводки : « Приезжаю 17. Елена ».

II

Сергей Павлович не сразу втянулся в эту новую жизнь. Слишком скромный и слишком бережливый, он почти не знал жизни шумных ресторанов, нарядных кабарэ, где самодовольные мужчины танцевали с изящно подкрашенными девушками, а горделивые дамы царственно отражались в огромных зеркалах, прекрасные и соблазнительные.

Сергей Павлович видел весь этот мир, как в телескоп с другой планеты : между этим миром и им, застенчиво заказывавшим вдвоем с приятелем бутылку пива, лежала целая пропасть.

И вот, по мановению волшебной палочки, по единому слову Елены Георгиевны, он погрузился в самую кипь, в самое сердце этого чудесного мира танцующих счастливых, их расширенных от бессонницы глаз и громкого взволнованного смеха.

Выезжали большой компанией. Елена Георгиевна платила за всех. Сергей Павлович сначала был лишь одним из многих, безликим кузенком. Но скоро, очень скоро он стал Сережей, излюбленным кавалером, непременным спутником американской гостьи. Ему уже почти не случалось танцевать с другими дамами, хотя их и влекла к нему его забавная застенчивость; ему уже не следовало, в сущности, и разговаривать с ними, ибо Елена Георгиевна откровенно ревновала его ко всем.

А между тем в доме Лепниных мало что изменилось, хотя по ночам к воротам стали часто подъезжать блестящие, величавые автомобили, откуда неслись песни и задорный смех. Анна Филипповна все так же мела и скоблила, изобретая дешевую стряпню из картошки. А рядом — летели на ветер сотни долларов, покупались ненужные вещи — виктрола, пластинки, конфеты огромными коробками, цветы, вазы, фрукты...

Анна Филипповна скоро стала тяготиться присутствием племянницы, тем более, что стоило Сергею Павловичу заработать рубль или два, как Елена Георгиевна под каким-нибудь предлогом ухитрялась взять их у него взаймы. Это возмущало Анну Филипповну, которая видела в этой манере жадность; на самом же деле Елена Георгиевна вовсе не нуждалась в грошах своего друга, а только хотела, чтобы у него не было ни одной собственной копейки, — тогда он будет крепче привязан к ней властью ее богатства.

Она рассуждала правильно. Сергей Павлович был ей вполне покорен. Может быть, он и старался порой подавить в груди невольный вздох, когда ему приходилось отшучиваться в ответ на настойчивое приглашение какойнибудь другой дамы потанцевать, — но внешне она не могла бы и желать от него ничего большего.

Анна Филипповна теперь уже одна принимала проблематических покупателей и прикидывалась перед ними столь же счастливой и обеспеченной, сколько перед поставщиками старалась быть несчастной и бедной. Она была одна целые долгие дни, ибо днем Сергей Павлович и Елена Георгиевна спали очень поздно, а затем тотчас же уезжали и возвращались лишь на рассвете — какие-то чужие, но зато странно близкие друг другу, с блестящими глазами, обведенными синевой, сильно пахнущие вином.

Иногда они привозили вино с собою, заводили виолончель, и тогда над тихой улицей бойко и с надрывом разливался тенор :

Ты едешь пьяная и очень бледная
По темным улицам — совсем одна...

Анна Филипповна утыкала лицо в подушку и силилась спать, но сердце болело жалостью и стыдом, а за стеной раздавались резкие взрывы смеха Елены Георгиевны и незнакомый, вкрадчивый голос Сергея Павловича. Иногда долетали и слова :

— Ты как бездомная собака, Сережа! Вот, я приласкала тебя, и ты теперь совсем мой, мой навсегда. Ведь, если понадобится, ты поедешь за мной — хотя бы в трюме! Правда, ведь, дорогой? Скажи, что это правда!...

Анна Филипповна нарочно громко ворочалась и вздыхала, — « ну, хоть бы не целовались при мне, ведь, я же все слышу ».

В одну из таких ночей она резюмировала кратко и отчетливо, как приговор : « Пора кончать. Довольно ».

III

Г-жа Томилина успела уже полюбить усадьбу, даже неукротимый бурьян напоминал ей детство, когда она в коротеньком платьице играла с братьями в африканскую охоту в таком же точно саду.

У нее тоже был сын, Женя, совсем еще мальчик, с фарфоровым, кукольным личиком и поразительно голубыми глазами, которым уже мерещилось полное уединение за этими

высокими заборами. Среди травы он очистит для себя площадку, поставит шезлонг и будет греть на солнце свои обреченные легкие.

Одно только не нравилось Жене: слишком редкий забор со стороны соседей, на который так и напирала чужая терраса. Да, это необходимо будет переделать!

В тот день, когда г-жа Томилина подписала договор с Анной Филипповной Лепниной, Сергей Павлович приехал только утром, привезя совсем беспомощную Елену Георгиевну.

Однако, она в тот раз долго его не отпускала, и он должен был сквозь отвращение целовать ее скучные губы и ласкать ослабевшее, отравленное вином тело.

Наконец, она заснула, и Сергей Павлович тотчас же вышел в сад — как был, в легком халате. С трудом продираясь сквозь бурьян, он медленно приближался к соседской меже. Его одолевали дурные мысли, возбужденное воображение услужливо подставляло ему красивых женщин, когда-то влекших, но недоступных ему из-за ревности Елены.

Полынь пахла истомой и плотью, лебеда — каким-то терпким напитком, репейник еле уловимо подпевал оглушительному концерту запахов. Напряжение самой Жизни, неисчерпаемой творческой силы Земли, томящейся о завтрашней похоти полуденного солнца, все это море живых соков, трепещущих листьев, жадных тычинок незримых цветов било в голову Сергею Павловичу, хмелило его...

— Сергей Павлович, это вы? — внезапно окликнул его кто-то.

— А кто... да, это я, Катя! — Голос Лепнина был какой-то неверный, нечестный, еще полный дурного возбуждения нечистой июльской ночи. — Но почему вы не в постели? Дети давно спят.

— Не спится, Сергей Павлович. А вы отчего не спите?

— Да тоже не спится. Но для вас я просто Сережа, ведь мы соседи.

Они были почти рядом, разделенные редким забором с заделанной калиткой посередине.

— Ах, Катя, зачем только потеряли мы столько времени! Ведь, мы давно могли так встречаться, как сегодня встретились случайно, — говорил Сергей Павлович через несколько минут, заглядывая в глаза девушке и сжимая ей руки.

— В особенности последний месяц — вы совсем не выходите в сад! Я не видела вас с того дня, как к вам приехали квартиранты...

— Забудьте про нее, то-есть про них. Теперь мы будем

встречаться здесь каждый вечер, как Ромео и Юлия; к тому же, кто мешает нам...

И Сергей Павлович торопливым, но ловким движением распутал проволоку, привязывавшую калитку к столбам. Через минуту он крепко обнял девушку и, ликуя, повлек ее к себе, в свой сад, на свою землю, густо заросшую зеленой, многолистной, мохнатой шерстью...

IV

Хохот начался сразу с высокого, надтреснутого звука, с каким бьется стекло. И почти мгновенно он превратился в нечеловеческий визг, в сплошной вопль, в котором смешались воедино слезы подступающей старости, бешенство страстного тела, которое оттолкнули сапогом, мольба последней иллюзии, изо всех сил цепляющейся за мир реального, но осужденной уже рассыпаться в ничто, растаять, как атлантический призрак.

Это хохотала Елена Георгиевна.

Беспокойство, сверхъестественное ощущение опасности отогнало ее сон, и ей в то же мгновение захотелось свежего воздуха, который начинался на крыльце.

Дверь, оказавшаяся отворенной настежь, изумила ее; взглядевшись, Елена Георгиевна уловила в глубине сада, за бурьяном, две обнявшиеся фигуры, вынырнувшие из-за распахнутой калитки.

Сергей? Да, сомнения не было! Тогда и разразился этот сумасшедший, истерический хохот, этот припадок бессильной ярости (дай ей волю, и она показала бы...), непоправимого отчаяния — вслед рухнувшему, как замок, обману.

Одна фигура проворно канула в калитку, другая же медленно, сохраняя собственное достоинство, направилась к крыльцу. Но встретить сейчас Сергея, говорить с ним — нет, это было выше сил Елены Георгиевны! Она захлопывает дверь ему в лицо, бросается в свою комнату, щелкает дверным замком и, сквозь рыдания, слепая от слез, мечется от шкафа к сундуку, от сундука к шкафу, мнет прекрасные платья, швыряет их на дно вперемежку с драгоценностями, с хрупкими шляпами, с флаконами, щеточками, щипчиками, ножичками, со всеми этими женскими ларчиками, хранящими тайны обаяния многократной юности.

А между тем, Сергей Павлович стучит в дверь, — сначала тихо, потом все настойчивее и зовет: — Елена, открой же! Елена, ну, чего ради ты обиделась? Ведь, я просто пошутил...

Нужна мне эта девчонка... Елена Георгиевна, не заставляйте меня мерзнуть на улице в одном халате.

Но его голос еще больше бесит Елену Георгиевну. Как заставить его уйти, замолчать?! Елена Георгиевна хватается за первую подвернувшуюся ей мысль; улыбка перекашивает ее лицо, но через мгновение, при первых же звуках забытого с вечера романа, она вновь слабеет и, совсем изникшая от слез, падает на постель.

Ты едешь пьян-ная... и очень блед-ная...
По темным улицам... совсем одна...

Все можно стерпеть, но это беглое, торопливое, а затем вдруг вытягиваемое, расплывающееся на конце «совсем — одна-а-а...» — оно захлестывает Елену Георгиевну какой-то несносной, теплой, трогательной волной жалости и нежности к себе самой, от которой хочется уткнуться носом в подушку и тихо скулить.

V

Елена Георгиевна уехала рано утром, не прощаясь ни с кем.

Но в доме уже не было спокойно: Анна Филипповна суетилась, как испуганная мышь, терла и скребла еще больше. Занавески никогда не подымались теперь на окнах в доме-особняке Лепниных, которые прятались за ними от знакомых и кредиторов.

Однажды Анна Филипповна подождала на крыльце, когда появится Катя на своей террасе, и подозвала ее к ограде.

— Катюша, вы нам друг, не правда ли? Нам очень нужна ваша помощь. У нас везде долги, нас не выпустят со двора. Сделайте доброе дело: отвезите наши вещи на вокзал; Сережа пронесет их к вашим воротам через эту калитку. Сегодня мы уезжаем из Харбина.

На извозничьей пролетке, нагруженной Лепнинским скарбом, Катя поехала на вокзал. Следом, ежась от страха под своими бедными пыльниками и надвинутыми на самые глаза шляпами, крались по улицам Анна Филипповна и Сергей Павлович.

На вокзале Лепнины разыгрывали провожающих: пожимали Кате руки, произносили сердечные напутствия. А между ними, шепотком:

— Завтра придут новые хозяева нашего дома. Так вы уж

передайте им ключ. А занавески пусть повисят два-три дня, будто нас просто нет дома.

По сигналу протяжного гудка Лепнины вскочили на площадку вагона. Вся дрожжа, Анна Филипповна издали перекрестила Катю, а та, плача, еще долго взмахивала вдогонку уезжавшим увлажненным платочком.

VI

На следующий день вокруг необитаемого, но все еще притворявшегося жилым дома бродил юноша, который не стал стучать, но только подергал дверные ручки, как будто надеялся, что найдет двери незапертыми.

Он бродил так не менее получаса, пока, наконец, его не окликнула через редкий забор, который необходимо было переделать, молоденькая девушка, сигнализировавшая ключом, который она держала в своих нежных пальчиках.

От смущения юноша даже не сумел поблагодарить ее: неуклюже, по-медвежьи он схватил ключ, размашисто сунул его в карман и, не оглядываясь, ушел.

Девушка некоторое время смотрела ему вслед. Она вовсе не думала об этом, но как-то само собой выходило, что очень хороши у нового хозяина Лепнинского дома, только притворявшегося жилым, изумительно голубые глаза и тонкое, ребячье личико фарфоровой куклы. А бурьян тоже только притворялся неподвижным и праздным: он был страшно занят ростом, накоплением жизнетворных соков, буйных солнечных сил.

Валерий Перелешин

Невозвратный механизм

Рассказ

(Описанное происшествие — плод фантазии автора)

Казалось, что всё это произошло совершенно случайно.

Но теперь, когда прошло уже несколько месяцев после этого странного эпизода и я, чуть прихрамывая на левую ногу, опять хожу между чертежными столами нашей большой и ярко освещенной залы, — теперь я стал догадываться, что и в самом происшествии, и в том, кто был в нем замешан, есть какой-то скрытый смысл, какая-то высшая мудрость.

А может быть, я и не прав.

Может быть, это только моя мистика, или просто нервы еще пошаливают.

Неожиданно, около года тому назад, меня перевели в другое отделение нашего конструкторского бюро. В ту группу, которая занималась проектированием и постройкой нового ракетного снаряда по имени «Акула».

На вид это был блестящий металлический цилиндр, очень длинный, с заостренным носом, с маленькими «плавниками» посредине туловища и довольно большими поверхностями хвоста, действительно напоминавшими своими очертаниями хвост акулы. Помимо ракетного двигателя и взрывающегося накопника, «Акула» была снабжена своеобразным мозгом — в виде электрических реостатов, усилителей, переключателей, замыкателей тока и вакуумных трубок.

«Акула» умела думать! Конечно, она не могла решать шахматных задач и крестословиц, но, выпущенная против неприятельского бомбардировщика, она со скоростью большей, чем скорость звука, набирала высоту, брала направление на неприятеля и гналась за ним!

Если враг поворачивал в сторону, «Акула» тоже делала поворот вслед за ним и продолжала его преследовать и наконец, догнав, врезывалась в него и взрывалась, погибая вместе с ним.

Как бы ни прятался неприятель — за облаками ли или прикрывшись ночной темнотой, — «Акула» найдет его!

Какие бы выражи ни делал враг, чтобы ускользнуть от рокового столкновения, — «Акулу» не обманешь! От «Акулы» не уйдешь!

«Акула» более верткая, более быстрая, у нее существует своеобразное зрение и своеобразный слух. Она умеет точно рассчитывать углы поворота, наклоны, скорости и предвидит точку пересечения своего полета с полетом неприятеля.

А впрочем, вопрос о том, более ли вертка «Акула», чем любой неприятельский бомбардировщик, вызывал споры. Все соглашались с тем, что маневренность у «Акулы» очень хорошая, но добавляли, что кривую поворота следовало бы сделать более крутой.

Находились пилоты, которые готовы были биться об заклад, что они, на тяжелом бомбардировщике, сделают поворот круче того, на который способна «Акула». А конструкторы всё время продолжали думать о том, как бы улучшить это качество «Акулы» и как бы придать этому снаряду способность делать крутые и резкие повороты в полете. Проблема осложнялась большой скоростью и разреженностью воздуха на высоте.

Но всем было ясно, что успех конструкции зависит от крутизны поворота.

Это всё рассказал нам главный инженер, руководивший проектированием «Акулы». Я говорю «нам», так как не меня одного, а целую группу нас, инженеров из разных отделений, перебросили временно сюда, где заканчивались работы над «Акулой». Как бы усилили эту группу. Завод торопился. Согласно контракту, пора было с этим снарядом выходить уже на полигон, на летные испытания.

Познакомив нас с основными данными конструкции, главный инженер, уже не молодой человек, со светящимися внутренним творческим огоньком глазами и с резкими нервными движениями, роздал каждому из нас по несколько чертежей. Мы, как свежие люди, должны были, ознакомившись с ними, высказать свое мнение по поводу деталей конструкции и отметить недостатки и неправильности, если мы их найдем.

Мне достались чертежи механизмов управления снарядом. Передавая их, главный инженер еще раз повторил, что основное требование — это крутизна поворота, или «малый радиус поворота», как выразился он техническим языком, и просил на механизм — регулятор крутизны обратить особое внимание. Он добавил, что не очень доволен существующим решением, но лучшего до сих пор никто не предложил. Он не знает, как поступить, но надо думать, надо пытаться создать лучший механизм. Лучшее решение, конечно, существует, но почему-то до сих пор никто на него не натолкнулся... «Вы, как новый человек, должны постараться» и т. д., и т. д....

Он говорил на эту тему довольно долго. Я сразу уловил

его мысль и больше не вслушивался в слова. Меня немного развлекало наблюдать за тем, как он говорит. Движения его рук, а иногда и движения головы совсем не соответствовали смыслу слов. Иногда он неожиданно умолкал, не закончив фразы, а после короткой паузы начинал говорить совсем о другом. Видно было, что, пока он говорит, в его голове проносятся какие-то посторонние мысли, чуждые смыслу произносимых слов; там решались задачи, вставали новые вопросы и в отдельный уголок мозга откладывались, «чтобы не забыть», очередные дела.

Потом дня три я главного инженера совсем не видел. За это время я познакомился почти со всеми чертежами, а работу некоторых механизмов начал уже хорошо понимать. В регуляторе поворота я знал уже все детали и не только понимал, но уже «чувствовал» и «осязал», глядя на чертежи, то, что происходит внутри регулятора во время его работы.

Механизм был сконструирован великолепно. Хотя он мне и казался медлительным, как бы «ленивым», но я понимал, что ускорить его движение нет никакой возможности. Конструктор учел все, и вряд ли можно сделать лучший механизм для данных условий веса и габарита.

А все же механизм «медлителен»...

Когда я рассказывал свои мысли главному инженеру, он не дал мне закончить, закивал головой и быстро заговорил:

— Да, да, знаю, знаю, вы на правильном пути, думайте дальше, думайте, надо найти лучшее решение...

Он хотел сказать еще что-то, но невпопад махнул рукой, быстро направился к телефону, а потом и вовсе исчез куда-то.

Опять недели две я его не видел. Работа шла своим ходом. Кое-что я поправлял, кое-что доканчивал, но всё это время я не переставал думать о главной задаче, о крутизне поворота. Порой у меня было такое ощущение, как будто решение этого вопроса уже очень близко, как бы висит в воздухе около меня, вот здесь где-то рядом, но «увидеть» его, «взять» его как-то не удавалось. Я делал наброски, схематические чертежи, но потом откладывал их. Они не давали того, что мне нужно. Это начинало напоминать неприятный сон, когда ощущаешь присутствие чего-то около, а увидеть ничего не можешь...

Мои нервы, очевидно, были крайне напряжены. Во время работы мне почему-то казалось, что мысли мои иногда витают в каком-то неземном пространстве, что я чувствую и вижу то, что происходит вне этой комнаты, понимаю по одному взгляду невысказанные мысли...

Вероятно, нервное напряжение было вызвано тем, что мне хотелось во что бы то ни стало найти нужное решение...

Как-то раз утром, когда я проверял очередной чертеж, я увидел, вернее — почувствовал, что главный инженер вошел в наше отделение. Из дальнего угла залы он пробирался между чертежными столами, и я понимал, что он идет ко мне.

Кто-то подошел и начал ему что-то говорить, кто-то пытался пригласить его к своему столу, но, не останавливаясь и лишь бросая на ходу недоконченные фразы, главный инженер продвигался в мою сторону. И хотя он ни разу на меня не посмотрел, я знал, что идет он ко мне, и чувствовал, что вот сейчас будет найдено то решение, которое мы давно ищем.

— Я хочу вам подать мысль, — начал он, подойдя. — Там мы пробовали применить невозвратный механизм. Попробуйте еще раз.

Хотя у меня на столе лежало много чертежей и хотя в этих обрывочных фразах была недоговоренность, но нам обоим было ясно, о чем идет речь.

Он помолчал; видно было, что посторонние мысли настойчиво ворвались и несутся через его голову, но потом, явно сделав над собой усилие, он вернулся к поднятому вопросу.

— Мы раз уже пробовали... Было бы много лучше, чем теперь... Но сам невозвратный механизм нам не удался... Таких механизмов не существует... Решите невозвратный механизм, невозвратный в обе стороны, решите его, и будет много лучше! Попробуйте... — Он сделал паузу, но короткую и уже не искренним и теплым тоном раздумья, а твердым тоном приказа сказал: — Я вам даю неделю сроку, у нас больше нет времени! Если не решите за неделю, — оставьте существующий регулятор.

А потом, сделав два шага от моего стола, вернулся и добавил:

— Если удастся решить раньше, — в любое время приходите ко мне. Вы должны решить! Это же так просто — невозвратный механизм...

— Это так просто, — повторял я про себя, смотря в спину уходящему. — Таких механизмов не существует, это так просто, я должен решить... Но я уже думал об этой комбинации с невозвратным механизмом и я тоже не мог его решить... Невозвратный в обе стороны, почти невозможно... А впрочем, если вот тут сделать маленький зубец, который надавит вот на эту выпуклость на оси... потом это движение передастся сюда... Но выдержит ли металл? Долго выдержать не может — сотрется, ну, а несколько минут полета снаряда, только несколько минут — такой короткий срок, может быть, и выдержит...

Карандаш чертил маленькую деталь, которая поможет сделать невозвратный механизм, а он, вставленный в регуля-

тор, уменьшит, сильно уменьшит радиус поворота снаряда. Вот если только движение этой детали возможно.. Да, возможно! Вот если только она сюда поместится.. Кажется, помещается. Маленькая деталь, совсем маленькая деталь, и какая случайная мысль...

Набросок был готов очень скоро. Потом надо было вычертить его в правильном масштабе. Кое что проверить хоть беглым расчетом.. Я работал, как во сне.. Вокруг не существовало ни людей, ни времени...

Через несколько часов и это было готово. Не совсем готово, но главное было видно и понятно. Перед концом рабочего дня я отправился в кабинет главного инженера.

Я там пробыл около получаса. Мы не говорили ни слова. Когда он увидел меня в дверях с листом чертежной бумаги, то, не отрываясь от чтения каких-то рапортов, протянул руку, взял мой чертеж, подержал с полминуты, очевидно, еще думая о прочитанном, потом быстро развернул чертеж и опять погрузился в размышления. Дважды он начинал делать свои наброски на моем чертеже, но потом резким движением руки перечеркивал их, а затем после долгого молчания поднял на меня глаза с задорно и молодо светившимся в них творческим огоньком и бросил короткое: « Да! »

— Завтра вам все будут помогать. Это надо сделать возможно скорее, — сказал он. — Мы на правильном пути, — и как-то облегченно вздохнул.

Следующая неделя пролетела совершенно незаметно. Для меня день всегда проходит быстро, когда много работы, особенно, если работа захватывает и увлекает. Эта работа захватила меня всего. Да не только меня: все помогавшие мне тоже с интересом следили за тем, как проект нового механизма сначала принимал правильные формы в чертежах, затем из мастерской стали приносить и показывать отдельные детали, и, наконец, собранный новый регулятор поворота заработал.

Заработал он не сразу хорошо. Что-то оказалось недостаточно притертым, что-то недостаточно пригнанным, но уже на второй день, после проверки, он стал работать удовлетворительно и, во всяком случае, сразу же развил и нужную скорость, и нужную тягу для крутого поворота снаряда.

Снаряд, собственно, уже был готов. Задержка была только за моим регулятором с невозвратным механизмом. Его надо было проверить и испытать раньше, чем поставить во внутренность снаряда, и эта задержка, естественно, сосредоточила на мне внимание всех, работавших над созданием « Акулы ».

Соседи по чертежным столам переживали вместе со мной все перипетии испытаний регулятора, который в нашей лабо-

ратории заставляли работать при различных нагрузках, при температурных скачках, при вибрациях и ускорениях. Там старались предвидеть все те неблагоприятные обстоятельства, которые могли бы во время полета снаряда помешать работе регулятора.

Главный инженер навещался ко мне почти каждый день. Отделение, ведавшее летными испытаниями, интересовалось степенью готовности механизма. Аэродинамическая группа требовала данных для повторных расчетов крутизны поворота, и все спрашивали, когда же будет готово, когда же закончатся пробы, когда, когда, когда...

Наконец, как-то утром главный инженер вызвал меня к себе в кабинет. Там у него происходило очередное совещание. Он сказал мне о вынесенном только что решении — все готовые прототипы «Акулы» отправить в ближайшие дни на военный аэродром-базу, где будут происходить испытания, не дожидаясь регулятора поворота. Туда же, на базу, поедут все, кто примет участие в испытаниях. Мне же он поручает поскорее закончить проверку и сборку регуляторов и вместе с ними прибыть туда же, на испытательную базу. И во всяком случае быть там не позже такого-то числа.

Я не знал, как сдержаться от буйного проявления радости. Попасть туда, где будут производиться опыты с «Акулой», где уже происходили испытания многих управляемых снарядов и где атмосфера напряженных научных опытов и строгой военной дисциплины. Посмотреть на подготовку, взлет, а потом на погоню «Акулы» за «неприятелем», которого, по всей вероятности, будет изображать старый военный бомбардировщик, управляемый по радио, — это всё давно было моей мечтой, и теперь, так неожиданно и совсем случайно, этой мечте суждено было исполниться.

Следующие полторы недели пролетели, как сон, и вот как-то, под вечер жаркого летнего дня, после утомительного и длинного переезда на автомобиле по раскаленной солнцем дороге, бегущей по холмам каменистой пустыни, я прибыл на базу.

Старшего инженера я нашел за ужином в небольшом ресторанчике, расположенном недалеко от аэродрома.

— Садитесь к нашему столу, вы во-время прибыли, — весело окликнул меня главный инженер. — Вы знакомы? — и он представил меня сидевшему против него блондину небольшого роста, плотно сложенному, с маленькими, но необыкновенно светлыми глазами.

Я плохо расслышал, как назвал блондина главный инженер, но это было и не важно, так как я узнал в нем одного из

лучших летчиков-испытателей нашего завода. Я много уже слышал о нем, и о его находчивости, и о его смелости, и о его любви к этой опасной профессии, и, наконец, о том, что он просто славный, милый и общительный человек.

— Вы прибыли во-время, — продолжал главный инженер, когда я сел. — Сегодня утром доставили ваши регуляторы, и я думаю — они уже вставлены в снаряды. Проверьте завтра сами и доложите мне, всё ли в порядке. Имейте в виду, что испытание «К», то есть боевой полет, назначено на послезавтра в восемь утра. Завтра к вечеру «Акулы» номера 3, 4 и 5 должны быть в полной боевой готовности и на своих взлетных площадках. Испытание «К» ведет военная авиация, мы только наблюдаем и помогаем, когда в том нужна.

— Гнаться «Акула» будет за старым бомбардировщиком; высота — двадцать тысяч футов, — продолжал рассказывать главный инженер. — Всё будет снято на фильм, и военная авиация посылает кверху три двухместных истребителя со специальным заданием фотографировать со всех сторон погоню «Акулы». Бомбардировщик-мишень будет управляться по радио не с земли, а с сопровождающего его истребителя и обещают, что он будет маневрировать в момент погони так, что вашему регулятору придется поработать!

— Между прочим, мы тоже будем фотографировать, — продолжал он после небольшой паузы. — Биль, — указал он глазами на блондина, — летит на нашей двухместной модели. А кто летит с вами, Биль? — вдруг быстрым вопросом перебил главный инженер свою спокойную сегодня речь. — Ведь Тери лететь не может, вы это знаете?... Вы с кинематографической камерой обращаться умеете? — посмотрел он на меня в упор и, не выждав моего ответа, повернулся опять к Биллю: — Берите его, пусть вблизи посмотрит на свой невозвратный механизм, пусть поволнуется — воображаю, какой у него будет пульс! А? Ну, вот и решение готово!

Главный инженер принял опять более удобную позу и потом, лукаво на меня посмотрев, будто невзначай спросил:

— А может быть, вы не хотите лететь?

Хотел ли я тогда лететь? Я и сейчас не могу ответить на это. Вероятно, в тот момент у меня не было никакого ясного желания, так как вопрос был задан слишком неожиданно. Ну, а если бы меня теперь спросили? Теперь, когда всё уже кончилось? Пожалуй, и теперь я ответил бы так же, как и тогда. А тогда, в той атмосфере испытательной станции, где ежедневно совершались пробные и проверочные полеты, где люди смелые, выдавшие на своем веку немало авиационных катастроф, с улыбкой салятся за рули самолета, зная, что может ожидать

их во время полета? в атмосфере, насыщенной тем, что называется отвагой и храбростью в их чистом виде, — там, в этой атмосфере, мог ли я сказать : нет, не хочу?

Да если и было у меня тогда какое-либо колебание, то только в первый момент, от неожиданности. Но уже через минуту я знал, что я хочу, страшно хочу участвовать в этом полете! Да и чего мне опасаться? Ведь Биль чуть ли не лучший пилот в мире! Во всяком случае, его имя известно и у нас, и за границей каждому, кто близко интересуется авиацией. Не он ли подымался в воздух на неиспытанных моделях новых самолетов? Не он ли испытывал аэропланы на скорости большей, чем скорость звука, тогда, когда это было еще ново и незнакомо? Не он ли недавно смело взлетел на совершенно новом типе истребителя, качества которого трудно было точно предсказать до полета?

Все эти мысли быстро проносились в тот вечер в моем мозгу и еще больше укрепляли во мне радость того, что я здесь на базе, что я участвую в испытаниях, что сам полечу и там наверху вблизи увижу почти настоящий современный воздушный бой!

В тот вечер мы недолго разговаривали о делах. Главный инженер рассказал нам кое-какие свои соображения и надежды по поводу успешно проходивших наземных испытаний «Акулы». Он рассчитывал, что наш завод получит крупный заказ. Биль подсмеивался над главным инженером и надо мной и над нашей уверенностью, что «Акула» способна на крутой поворот.

— Ни один управляемый снаряд никогда не сможет маневрировать в воздухе так, как хороший пилот на хорошем истребителе! — бросил он во время этого дружеского подтрунивания.

Потом поговорили на обыденные отвлеченные темы — об автомобилях, о последних выпусках голливудской продукции, о женщинах, немного о наскучившей политике.

Следующий день прошел быстро. Регуляторы поворота были правильно укреплены на своих местах в средней части снаряда, и предохранительные шпильки были вынуты из невозвратного механизма. Проверка слабым током показала быстрые реакции рулей. Всё функционировало великолепно. Сами «Акулы» были ярко раскрашены и казались мне стройными и элегантными...

Днем я расписался в получении официальной бумаги, что назначаюсь в полет. Потом принял кинематографическую камеру и обстоятельно ознакомился с ней. Под вечер повстречался с Билем и он дал мне кое-какие практические указа-

ния на следующий день. Он просил меня быть пораньше на аэродроме, так как на время этого полета мы включены в военную формацию и вылетаем в составе военной эскадрильи.

Он сказал также, что бомбардировщик, который послужит завтра мишенью для нашей «Акулы», будет оставлять за собой в воздухе белый дымовой след, а «Акула» снабжена приспособлением, выпускающим красный дым. Это всё для того, чтоб за ними легче было следить во время полета. Да и для фотографирования будет легче.

Он посоветовал мне также сосредоточить всё свое внимание завтра на фотографировании, а он уже позаботится о том, чтобы облегчить мне это, и постарается держаться как можно ближе к бомбардировщику-мишени.

На следующее утро я проснулся рано. Пожалуй, слишком рано для человека, который не волнуется...

Я постарался осмыслить свое психологическое состояние, постарался как-то заглянуть в самого себя. Нет, я не волновался. Я был доволен тем, как текли события. Было просто приподнятое состояние ожидания чего-то интересного, что должно произойти сегодня...

Когда я появился на аэродроме, там царил уже оживление. Наш двухместный тренировочный истребитель с турбино-реактивным двигателем стоял в одной линии с тремя военными, тоже двухместными истребителями. Мягким алюминиевым блеском переливались солнечные лучи, играя на туловищах и крыльях элегантных самолетов. Наш тренировщик был, пожалуй, красивее других, да и в маневренности, как я знал, он им не очень уступал, особенно, когда им управлял Биль!

Механик помог мне одеться и проконтролировал, правильно ли оплели меня ремни парашюта. Все свои движения он сопровождал юмористическими замечаниями. Потом он же помог мне забраться в аэроплан, привязал меня к сиденью, надел на меня шлем с радио-наушниками, козырьком от солнца и трубками, подающими кислород, присоединил куда-то все эти проволочки и трубочки, сверх всего этого надел на меня кинематографическую камеру на длинном ремне, шутовым движением вытер со лба пот, показывая тем, что он очень устал, взявсь со мной, и тем же шуточным тоном начал давать мне советы и объяснения отдельных приборов, расположенных по бокам от меня и прямо передо мной.

Кончил он свои пояснения тем, что предложил мне не смотреть на все эти стрелки и показатели, так как я всё равно ничего не пойму, и не трогать ничего вокруг себя, и уж во всяком случае не дотрагиваться вот до этой красной ручки, а е-

ли уж я не выдержу искушения и захочу дотронуться до нее или потянуть ее, то не раньше, как после взлета и на большой высоте, так как эта ручка приводит в движение механизм, откидывающий прозрачный пластиковый купол над сидениями, а затем автоматически выкидывает из аэроплана и пилота, и наблюдателя, и тогда они могут спокойно обозревать окрестности, вися под тихо скользящими вниз шелковыми парашютами... Всё происходит совершенно автоматически...

Подошел Биль. Парашют был уже на нем. Шлем был в руках, и, забираясь в кабинку, он аккуратно положил его на передний козырек. Потом он повернулся ко мне, чтобы дать последние указания.

— Запомните, — сказал он: — наше имя в сегодняшнем полете «Искра», а собирательное имя всей формации — «Рыбы». Но разговоров избегать. Пользоваться радио только в случаях крайней необходимости. Имя бомбардировщика — «Старик», имя аэродрома — «Хозяин», а «Акулу» нашу так и именуют «Акулой». Военные летчики получили каждый свое точное место вокруг «Старика», а я могу держаться там, где хочу. Я постараюсь стать ниже и левей от него, чтобы вам легче было снимать его на фоне неба.

— Пора зажигать, — обратился он к механику. — Взлет без двадцати восемь. У нас уже немного осталось времени.

Вокруг военных истребителей тоже суетились механики. Команда во всех трех сидела на местах. От самолетов уже доносился легкий рокот заводимых моторов, и сзади, из реактивных сопел, выходили горячие газы, искажавшие изображения всех предметов, которые были видны сквозь них.

Вскоре послышался рокот и от нашего мотора. Шум нарастал, исходя, как мне казалось, прямо из-под меня. Биль устраивался на своем сидении, он уже был в шлеме и возился с какими-то инструментами, но о его движениях я мог судить только по тому, как двигались его плечи и голова. Больше я ничего не видел.

Механик, стоявший сбоку, подал знак. Рокот от мотора усилился, потом самолет, покачиваясь, медленно пополз вперед. Все три военных машины уже двигались впереди нас по бетонной дорожке к месту взлета. Прозрачный колпак-купол, составлявший своего рода крышу над нашим сидением, опустился вниз на кабинку и плотно лег в свои гнезда. Теперь мы были закрыты почти герметически. Из радио-наушников послышался писк, потом шум, и наконец я услышал достаточно ясно разговор. Головной истребитель сообщал, что рыбы готовы к взлету. Аэродром ответил, что рыбам взлет разрешается.

Военные истребители один за другим, с интервалами всего в несколько секунд, рванувшись, быстро удалялись от нас. Шум подо мной усиливался и повышался в тоне и наконец перешел в непрерывный воющий звук. Меня вдруг сильно прижало к спинке сидения, и я понял, что Биль отпустил тормоза и наша машина помчалась вперед. Мимо нас мелькали бараки, ангары и стоявшие в стороне аэропланы. Потом всё это быстро пошло вниз и стало исчезать под крылом. Мы круто набирали высоту. Скорость устанавливалась. Сидеть становилось удобнее.

Впереди и левее нас маленькие темные силуэты истребителей делали большой круг, нагоняя головного и выстраиваясь в тесную группу. Из-под левого крыла выплыли и пошли кверху бурые очертания земли. Это мы нагнулись, войдя в вираж. Через две-три минуты мы пристроились к эскадрилии.

Командир провел нас еще раз над взлетным полем, а потом мы устремились по какому-то непонятному для меня направлению. Шум мотора стал ровным и почти незаметным.

Далеко внизу пустыня и казавшиеся совсем маленькими горы сливались в серо-желтый монотонный пейзаж, а даль была покрыта мглой. Только небо, прямо над нами и вокруг нас, было ярко-синего цвета. Ровный рокот мотора, плавный полет куда-то в бесконечность околдовывали и навевали состояние покоя и безразличия. Исчезло представление о пространстве, незаметно было время, никаких беспокойных мыслей. Чувствовалось, что земля далеко...

Я повернул клапан кислородного прибора, и дышать стало как-то особенно легко. Посмотрел на часы — без семи восемь. Только тринадцать минут прошло с того момента, как мы взлетели. По расчету, через семь минут бомбардировщик должен быть уже над аэродромом.

В наушниках послышался шум.

— Говорит хозяин. Говорит хозяин. Осталось шесть минут до точки 0. Рыбы, занимайте места. Рыбы, занимайте места.

Я оглянулся. А где же бомбардировщик-мишень? Вдруг наш самолет наклонился вперед, соседний истребитель уплыл куда-то кверху, и прямо перед нами я увидел большой темный силуэт старого бомбардировщика. Он оставлял за собой блестевшую в солнечных лучах струю белого дыма. Как же я его раньше не заметил? — мелкнула мысль. Я думал, что вижу всё, что творится вокруг, а не видел, как наша группа нагнала этот обреченный аэроплан...

Мы прошли совсем близко от него. Было видно, что за стеклом пилотской кабинки никого нет, а бомбардировщик пра-

вильно летел, совершенно правильно, условленной скоростью, к намеченной цели...

— Говорит хозяин. Говорит хозяин. Осталось три минуты до точки 0.

Потом, после короткой паузы, голос послышался опять.

— Хозяин зовет искру. Хозяин зовет искру. Вы слишком близко к старику.

Я понял, что внизу на аэродроме следят за нами по радару и на светлом молочном экране видят всё, что происходит здесь у нас. Там знают, где должны находиться военные истребители, и безошибочно распознали нас в недисциплинированной черной точке, нарушающей порядок. Я видел, как Биль недовольно покачал головой, а затем, озираясь на бомбардировщик, отошел от него левее и немного вперед.

Для меня эта новая позиция была лучше прежней. Теперь в поле видимости моей камеры попадало пространство за бомбардировщиком-мишенью, а оттуда и должна появиться «Акула». Я осмотрелся по сторонам. Истребители были, действительно, много дальше от «Старика», чем мы. Четвертый истребитель, с которого велось по радио управление «Стариком», был далеко сзади и много выше нас.

— Говорит хозяин. Говорит хозяин. Осталась одна минута. Осталась одна минута.

Потом, после короткой паузы, «Хозяин» сказал, что осталось тридцать секунд, потом двадцать, потом из наушников стал монотонно доноситься счет: девятнадцать, восемнадцать, семнадцать... Я приготовился снимать.

— Три секунды, две, одна..

Я невольно прижался к видеоискателю, но ничего не увидел. Снимать, конечно, было еще рано. Бросил взгляд вниз, в промежуток между крылом и туловищем нашего аэроплана, и вдруг ясно уловил тоненькую длинную красную нитку, быстро продвигавшуюся кверху. «Акула» взлетела правильно и теперь невероятно быстро набирала высоту, приближаясь к нам. Теперь нельзя терять времени. Но снимать еще рано...

Я видел, как красная нить совершенно ровно идет ввысь, и вот, вдруг, она начала загибаться в сторону бомбардировщика. Это «Акула» обнаружила врага и берет направление на него. Я прицелился и нервно нажал кнопку. Камера задрожала в руке, и в видеоискателе запрыгал силуэт «Старика». Потом, далеко позади его, вынырнула снизу красная черточка и стала тянуться к нему.

Вдруг «Старик» быстро опустил правое крыло и довольно крутым виражем покатился вправо. В следующий же момент я ясно увидел в видеоискателе моей камеры, как красная

нить дернулась и стала загибаться вправо. Теперь мне было отчетливо видно, что на конце нитеобразного красного дыма светлеет силуэт «Акулы». Я смотрел на нее почти что сбоку. Бомбардировщик продолжал катиться в сторону, а «Акула» шла за ним. Расстояние между ними заметно уменьшалось. Но вот новый поворот, и почти такой же крутой, как первый. От «Старика» такого нельзя было и ожидать! Он буквально лег на бок, так низко он опустил свое левое крыло. Нос тоже наклонился к земле, и вся огромная алюминиевая птица стала заворачивать влево, немного вниз, и казалось, что он берет направление прямо на нас.

«Шикарные будут снимки», — подумал я. Я старался сосредоточить свое внимание на «Акуле». Она повторила почти все движения бомбардировщика — наклонилась немного к земле, повернулась и вышла из виража, как мне показалось, совсем близко от хвоста «Старика».

«Прекрасно работает регулятор поворота», — пронеслось у меня в голове, но я потерял «Акулу» из вида. Бомбардировщик шел на нас и, очевидно, заслонял своим туловищем «Акулу». Вдруг он опять сделал резкое движение и провалился куда-то вниз. Теперь я опять увидел «Акулу» и обрадовался, что могу ее снять с такого недалекого расстояния.

Снимая, я видел, как «Акула» начала поворот вслед за «Стариком», потом замерла, как бы раздумывая, и затем пологим виражем стала поворачивать на нас. Очевидно, мы, а не «Старик», оказались в ее поле зрения. Нас она приняла за неприятеля!

Я опустил камеру и повернулся к Биллю. Не было сомнения, что Биль всё видел и еще раньше меня всё понял. Обернувшись почти назад, он не спускал глаз с «Акулы» и мне показалось, что под козырьком его шлема я угадываю ироническую улыбку.

Земля вдруг оказалась где-то справа и даже выше нас, «Акула» очутилась над нами — это Биль сделал крутой поворот. Но через несколько секунд, когда маневр уже был закончен, оглянувшись, я увидел, что ярко-оранжевый нос «Акулы» всё так же несется на нас, и как-будто он теперь ближе, чем был раньше, а струя красного дыма, тянущегося за ней, застыла в небе причудливым зигзагом...

Опять земля и небо стали вертеться вокруг нас, и я больше не знал, где верх, а где низ. Меня сильно вжало в сиденье, и я понимал, что Биль крутыми виражами хочет отделаться от «Акулы». Он знал, что в прямом полете «Акула» быстрее нас, но на поворотах ее скорость вряд ли на много превышает

нашу. Да и сами повороты! Ведь истребитель может повернуть круче!

Я обернулся. Оранжевое пятно ближе, — ужасно близко! «Акула» всё время поворачивает за нами! Нет, хуже, она перерезывает нам дорогу! У нее радиус поворота меньше, чем у нас! Проклятый невозвратный механизм! Это я придал «Акуле» такую поворотливость!...

Биль опять бросил наш аэроплан в кривую. Я понял это по тому, как впились ремни в мои плечи, а следом за тем меня прижало к сидению. В наушниках я услышал голос Били :

— Искра зовет хозяина. Искра зовет хозяина. Сколько секунд полета осталось «Акуле»? Сколько секунд полета осталось «Акуле»?

Биль знал, что «Акула» долго лететь не может. Значит, Биль еще не потерял самообладание. Или, наоборот, он перестал верить в свои способности увильнуть от «Акулы»?

Ответ последовал почти немедленно :

— Считаем секунды. Считаем секунды. Семьдесят восемь, семьдесят семь, семьдесят шесть, семьдесят пять...

«Почти полторы минуты», — пронеслось в голове. Неожиданно счет прекратился и громкий повелительный голос зазвучал в наушниках :

— Хозяин искре. Хозяин искре. «Акула» к вам очень близка. Выпрыгивайте, если надо. Выпрыгивайте, если надо. Не ждите последнего момента, — а затем возобновился счет : «Шестьдесят шесть, шестьдесят пять, шестьдесят четыре...» Как медленно считают на земле! Неужели секунды такие долготянущиеся?...

Я уже перестал понимать, что происходит вокруг. Опять земля появилась почему-то надо мной. То на меня, то мимо меня, в пространство, смотрели серьезные глаза Били. Я еще раз взглянул по направлению его взора и совсем близко от нас увидел «Акулу». Ярко окрашенная, стройная, она неслась за нами, повторяя нашу кривую, а всё пространство вокруг было покрыто красными узорами от испускаемого ею сигнального дыма...

— ...Сорок четыре, сорок три, сорок два... — слышался голос в наушниках, подобный тревожным ударам в гонг. Больше, чем полминуты, а этот хищный ракетный снаряд почти-что нагнал нас, — почти рядом!...

— Говорит искра. Говорит искра. Мы выбрасываемся. Мы выбрасываемся, — услышал я в наушниках громкий голос Били и посмотрел на него. Энергичным движением левой руки он показал мне, чтобы я сел правильно в сидении. Меня охватило почти оцепенение, но автоматически я поджал колени, об-

хватил их руками, напряг всё тело... Последнее, что я осознал еще довольно ясно, — это что прозрачный пластиковый купол, бывший над нами, вдруг исчез, и сильная струя воздуха ворвалась внутрь. Потом меня ударило откуда-то снизу и вынесло вместе с сидением из самолета.

Всё закрутилось вокруг меня. Прошло не больше трех-четырёх секунд, как где-то — то ли на фоне неба, то ли на фоне земли, но очень, очень близко — я увидел яркое пламя взрыва. В следующую секунду меня что-то сильно дернуло и я потерял сознание...

Мне было очень холодно. Может быть, поэтому я и пришел в себя. Сознание вернулось как-то мгновенно и полностью. Мозг бешено работал. Земля быстро приближалась. Надо мной чуть подрагивал купол парашюта. Все тело было сдавлено, и шлем жал голову. Нервным движением я его отстегнул и он вывалился из моих рук. Потом я разорвал давивший шею воротник. Земля была близко. Я помнил, что ноги надо держать вместе, чуть согнуть и напрячь все мышцы... Я опускался на каменный склон холма... Скорость была большой... Я думал, что смогу правильно предвидеть тот момент, когда коснусь земли, но очевидно ошибся. Ноги, хотя и были напряжены, но от удара о землю подогнулись. Неожиданно я повалился на бок, левая нога подвернулась, и резкая боль в щиколотке пронизала все тело... Еще откуда-то хватило сил ударом руки по большой пряжке отстегнуть парашют, тянувший меня по земле, и потом я опять потерял сознание...

Я не могу точно сказать, что происходило со мной. По всей вероятности, я то приходил в себя, то снова терял сознание. Всё тело ломило. Солнце безжалостно пекло. Была невыносимая головная боль. Тошнило и мучительно хотелось пить. Время шло медленно. Солнце как будто застыло прямо надо мной, и его жар пронизывал и просушивал насквозь.

Сквозь полусон я увидел над собой вертолет. Хотелось подняться и замахать руками, но сил не оказалось, и я лежал в каком-то мучительном бреду. Потом я почувствовал, что меня кладут на носилки, попытался что-то сказать, но, вероятно, ничего не сказал...

Окончательно я пришел в себя только под вечер. Я лежал на кровати в довольно большой комнате. Из коридора доносились приближающиеся голоса. Дверь открылась, и вошел главный инженер в сопровождении Биля и кого-то в белом халате.

— По-моему, никаких серьезных повреждений, — говорил человек в белом халате. — Легкий вывих левой ноги — пустяки. Отоспится и завтра будет здоров.

Главный инженер быстрой походкой подошел ко мне. По его глазам я совершенно ясно понял, что он сейчас думает о другом. Наступила долгая пауза...

Потом он оторвался от своих мыслей, взгляд стал приветливым, на губах появилась добрая улыбка.

— Ну, что же, испытания прошли блестяще, не так ли? — начал главный инженер.

Лампа на потолке светила прямо в глаза и напоминала мне ярко-оранжевый нос самоуправляемого снаряда, мчащегося прямо на меня, и мне не хотелось ничего отвечать.

— Всё очень хорошо, — продолжал главный инженер. — Лучше и представить себе нельзя. «Акула» показала свою способность маневрировать! Биль говорит, что он в жизнь свою не делал таких крутых виражей. Всё прошло правильно... Удивительно, как быстро она реагирует... Всё было прекрасно...

Наступила знакомая мне пауза. Может быть, более длинная, чем обыкновенно. Потом, совладав со своими разбегавшимися мыслями, главный инженер бросил мне :

— Приходите завтра ко мне. У меня появились кое какие новые соображения. — И, резко повернувшись, он направился к двери.

— Всё в порядке, мой друг, — сказал Биль, потрепав меня по плечу. Завтра увидимся. — Он тоже направился к двери, но потом снова повернулся ко мне. Он, видно, почувствовал, что мне хочется что-то спросить. Он уловил мой взгляд и понял, что в моей голове пронесется уйма вопросов.

— Я видел, где вы опустились, и указал это место коман-де вертолета, но вас долго не могли найти. Вы пролежали около пяти часов на солнце... А «Старик» благополучно опустился на аэродром, — он поживет еще до следующих опытов. Остатки нашей «Искры» тоже уже найдены. Говорят, что только левое крыло можно узнать, а всё остальное — мусор... Но он считает, что всё было правильно! — И Биль кивком головы указал в сторону вышедшего главного инженера, показав этим жестом, что если тот так считает, то значит это так и есть, а ему, Билю, в общем, безразлично. Сделав мне приветливый знак рукой, он вышел.

Всё было правильно, всё было правильно, — думал я, засыпая. Губы распухли и обсохли... Меня мутило... Тело жгло и болело... В голове стучали молотки...

Проклятый невозвратный механизм!... Всё было правильно!...

Всё произошло так неожиданно и так случайно...

А. С. Хомяков и В. А. Кожевников

(Из книги « Дары и встречи жизненного пути »)

I

Чувствую потребность сказать несколько слов о двух замечательных русских людях, которым я духовно много обязан. Один из них очень известный, другой — гораздо менее; один умер за 28 лет до моего рождения, с другим, который был на 38 лет старше меня, я много умственно общался, когда был юношей. Говорю о А. С. Хомякове (1804-1860) и о Владимире Александровиче Кожевникове (1850-1917).

Моя мать очень любила стихи Хомякова. Помню небольшой переплетенный томик старого издания его стихотворений, который лежал на письменном столе моей матери, когда мы жили в Москве на Садовой, снимали у Дедушки и Бабушки передний дом (старый, построенный, повидимому, вскоре после пожара 1812 года; в нем было, кажется, 18 комнат). Мне было семь-восемь лет. Я иногда целые часы проводил в большой спальне моей матери, которая была вместе с тем как бы второй детской (другая детская была наверху). От нечего делать я ходил взад и вперед по этой большой светлой комнате, читая вслух стихи Хомякова. Так, помню, я громко декламировал, несколько завывая, как какое-то торжественное магическое заклинание, стихи юного Хомякова « К иностранке » :

« О дева рая! Для чего
Мне грудь волнуешь ты... »

Это звучало очень торжественно, как-бы магически, и это была своего рода игра, когда я провозглашал это над креслами и стульями в разных частях комнаты. Но одно из сравнительно ранних романтических стихотворений Хомякова меня тогда очень захватило и было некоторое время, пожалуй, моим любимым стихотворением. Это — его романтическое « Видение », 1839 года. Гений Поэзии является поэту :

...« Ты здесь, ты здесь, Владыка песнопений,
Прекрасный царь моей младой мечты,
Небесный друг, мой благодатный гений!
Опять, опять ко мне явился ты.

Все та ж весна ланиты оживленной,
 И тот же блеск твоих эфирных крыл,
 И те ж уста с улыбкой вдохновенной,
 Всё тот же ты — но ты не тот, что был.

Ты долго жил в лазурном том просторе,
 И на челе остался луч небес,
 И целый мир в твоём глубоком взоре,
 Мир ясных дум и творческих чудес.

Прекраснее и глубже и звучнее
 Твоих речей певучая волна,
 И стройный стан подьёмлется смелее,
 И звонких крыл грознее широта.

Перед тобой с волненьем тайным страха
 Сливаются волнение любви.
 Склонись ко мне, возьми меня из праха,
 По-прежнему мечты благослови!

По-прежнему эфирным дуновеньем,
 Небесный брат, коснись главы моей,
 Всю грудь мою исполни вдохновеньем,
 Земную мглу от глаз моих отвей! »

.

Помню еще одно романтическое стихотворение :

« Я видел сон, что будто я певец
 И что певец — пречудное явленье,
 И что в певце на всё Свое творенье
 Всевышний положил венец ».

Но мало-по-малу перлы уже зрелого периода поэзии Хомякова, которые особенно любила моя мать, стали меня привлекать все сильнее. Так, напр., стихотворение :

« Широка, необозрима,
 Чудной радости полна,
 Из ворот Иерусалима
 Шла народная волна ».

Помню оттуда такие стихи :

...« И века прошли чредою,
И Давидов Сын с тех пор,
Тайно правя их судьбою,
Усмиряет буйный спор,

Налагая на волнение
Цепь любовной тишины,
Мир живет, как дуновение
Наступающей весны.

И в трудах борьбы великой
Им согретые сердца
Узнают шаги Владыки,
Слышат сладкий зов Отца »...

И другие религиозные стихотворения Хомякова, насыщенные большой силой духовной, стали мне хорошо известны и производили на меня глубокое впечатление в годы моего отрочества и моей юности (и продолжают производить и теперь).

И как воспитательно действовал Хомяков на мальчика! Веет огромной силой благородства от таких стихотворений, как « Ritterspruch-Richterspruch » : Пощади побежденного врага!

« Пусть дух его черен, как мрак гробовой,
Пусть сердце в нем подло, как червь гноевой...

Убьете ль? О стыд и позор!.. » (1842)

И как звучат его стихи, полные и любви и негодования к любимой его России, готовой, как будто, прислушаться к голосу льстецов :

« Гордись! — тебе льстецы сказали :
Земля с увенчанным челом,
Земля несокрушимой стали,
Полмира взявшая мечом! » и т. д.

— « Не верь, не слушай! Не гордись! »...

Где величие Рима? Где орды Чингисхана? Где богатства
« Царицы Западных морей »?

« Грозней тебя был Рим великий,
Царь семихолмного хребта,
Железных сил и воли дикой
Осуществленная мечта... »

« Бесплоден всякий дух гордыни,
 Неверно злато, сталь хрупка,
 Но крепок ясный мир святыни,
 Сильна молящихся рука... »

Такие слова запоминаются; как это ни странно, но я знаю, что гораздо больше русских людей было морально воспитано на стихах Хомякова, чем мы можем себе представить, не только в середине XIX века — в эпоху самого Хомякова, молодого Достоевского, Ореста Миллера, а потом — подрастающих братьев С. и Е. Трубецких, — но и позднее. А теперь, как много они могут сказать русскому человеку этим различием между народным, государственным с одной стороны, и тем, что выше народа, чему подсуден и народ, и общество, и отдельный человек, и государство, и откуда они должны черпать свое вдохновение и духовную силу: — Божественной Правдой.

« О вспомни свой завет высокий,
 — говорит Хомяков народу —
 Былое в сердце воскреси,
 И в нем сокрытого глубоко
 Ты Духа Жизни допроси!... »

Смешон и жалок народ, который мнит себя высшей, несравнимой вершиной человеческого бытия, все-превосходящей ценностью.

« Не терпит Бог людской гордыни,
 Не с теми Он, кто говорит :
 Мы — соль земли, мы — столп святыни,
 Мы — Божий меч, мы — Божий щит.

Не с теми Он, кто звуки слова
 Лепечет рабским языком
 И, мертвенный сосуд Живого,
 Душою мертв и спит умом.

Но с теми Бог, в ком Божья сила,
 Животворящая струя
 Живую душу пробудила
 Во всех изгибах бытия.

Он с тем, кто гордости лукавой
 В слова смиренья не рядит,

Людскою не хвалится славой,
Себя кумиром не творит... »

Бог выше народа, выше государства, выше моей родины. Родина, народ — суть огромные, святые ценности; нужно быть готовым жизнь свою отдать за них. Это своей жизнью — не только своими словами — постоянно подтверждал Хомяков. Но народ и родина безмерно, несравненно, бесконечно ни же Бога и Высшей Правды Божией, но связаны с Ней, ибо они должны жить из нее и для нее. Как ярко, как многогранно, с какой силой горячего убеждения повторяет Хомяков это всё снова и снова. Он страстно, до боли, любит свой народ, он не может представить себе жизнь в духовной оторванности от своего народа, но всякая «идолизация», всякое «обожествление» своего народа, возведение его и его выгод в высшую, направляющую духовную ценность, для него неприемлемы. Народ тем и именно живет, что есть что-то Высшее, чем он, — Кто-то Высший, чем он, Кому он, как и все другие народы, призван служить. И из этого призвания народа и служения Правде Божией и вырастает его духовная ценность, и цель и смысл его бытия, и сила, могущая его вдохновить, освятить, очистить. Только вера, живая и действенная, вера в Бога, может быть истинной базой для разумного и творческого патриотизма, преодолевая соблазны безудержного, безграничного самоутверждения и тем самым возвышая и облагораживая и освящая национальное чувство. Такие мысли невольно приходят в голову и отроку и юноше и взрослому человеку, когда он читает пророчески сильные строки, полные большой любовью, но и большой силой любовного обличения, обращенные Хомяковым к своей стране :

« Черна в судах неправдой черной
И игом рабства клеймена,
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И всякой мерзости полна.

О недостойная избранья,
Ты избрана! Скорей омой
Себя водами покаянья,
Да гром двойного наказанья
Не грянет над твоей главой!

Душой коленопреклоненной,
С главой, лежащею в пыли,
Молись молитвою смиренной

И раны совести растленной
Елеем плача исцели... »

И еще :

« Не говорите : то былое,
То старина, то грех отцов!

.

« Молитесь, кайтесь, к небу длани!
За все грехи былых времен,
За ваши Каинские брани
Еще с младенческих времен...

.

За все беды родного края —
Пред Богом благодати и сил
Молитесь, плача и рыдая,
Чтоб Он простил, чтоб Он простил! » (1846)

Этими и подобными вдохновенными словами Хомяков раз навсегда, покуда существует русский народ и русская духовная культура, преподавал своим согражданам как и себе самому в первую очередь (ибо и когда он позволял себе обличать, то всегда в первую очередь думал о себе, о недостаточности, малодушии, нечистоте собственного служения) — уроки смирения, что вместе с тем служит мощным духовным импульсом, источником вдохновения.

Вся философия Хомякова — и его политическая философия в том числе — глубоко теоцентрична, христоцентрична. Главным вдохновляющим стержнем для жизни народа и отдельного человека, главной нитью, проходящей через лабиринт истории, является призвание человека к служению божественной Правде. Поэтому-то эти стихи Хомякова не допускаются к распространению в Советской России: они слишком жизненны, слишком зовут к Высшей Правде, которая выше всяких политических и партийных расчетов, и по этому одному уже абсолютно неприемлемы для официальной идеологии Советов. Мы видели уже, что это живое общественно-политическое исповедание Хомякова вытекает из самого основного стержня его одухотворенной личности и его мирозерцания: его веры в Бога.

И эти его стихи, часто религиозного характера, с самого начала глубоко запали в мою душу еще с отроческих лет.

Ночь со своими звездными безднами, бесконечно уходящими вглубь, приводит нас к краю другой — божественной бездны.

« В час полночного молчанья,
 Отгнав обманы снов,
 Ты взглядишь душой в писанья
 Галилейских рыбаков.

И в объеме книги тесной
 Развернется пред тобой
 Бесконечный свод небесный
 С лучезарной красотой ».

Иные небеса, иная Высшая Красота, иная Высшая Реальность : « Звезды мыслей водят тайный хор свой вкруг земли ».

Центр этой новой, Высшей Жизни есть Тот, Который есть « Сиянье Отчей Славы ». Недаром религиозная мысль Хомякова, как и весь его религиозный опыт — повторяю — христоцентричны. Поэтому так привлекает его эта, уже приведенная выше картина из прошлого : Галилейская дорога у ворот Иерусалима оглашается криками неисчислимой толпы : « Ты идешь во имя Бога, Ты идешь в Свой Царский дом. Честь Тебе, наш Царь смиренный! Честь Тебе, Давидов Сын! » — И этот Давидов Сын оказывается смиренными и бедным. Над Ним смеются книжники и фарисеи. Величие, царственное величие в глубине смирения и бедности — вот тема этой картины. Но прошли века, и этот смиренный образ реет над веками, как Путь, Истина и Жизнь.

И пробегает трепет некоего мистического присутствия в этих кратких словах, приведенных выше, характеризующих невидимое и действительное присутствие Его среди тех, кто последовали за Ним, среди верных Его :

« И века прошли чредою,
 И Давидов Сын с тех пор,
 Тайно правя их судьбою,
 Умиряет буйный спор,
 Налагая на волненье
 Цепь любовной тишины,
 Мир живет, как дуновенье
 Наступающей весны ».

Я привел эти слова еще раз : они так характерны для ощущения Хомяковым мистического, смиренно—сокровенного, но действенного присутствия Воплощенного Слова в ткани исторической жизни. Сокровенна и смиренна Близость Источника Жизни. Этим опытом и этой верой жил Хомяков.

Пожалуй, самое личное, самое религиозно интересное стихотворение Хомякова, раскрывающее глубины его собственной души и ее борений, разочарований, слабостей, искания самоуслаждения и отдыха, и зов — зов, идущий из самых основ его духовной жизни, зов к подвигу, — это его стихотворение «Труженик» (написанное в 1858 году, за два года до смерти). В нем с особой яркостью и решающей силой выступает христоцентрический хребет, христоцентрические устремление, цель и основа всей духовной жизни Хомякова. В ответ на лирические излияния жалости к самому себе, на призыв к покою, самоуслаждению и сдержанный ропот, слышится голос — не его совести, а Того, Кто выше его совести и является ее путеводной звездой :

...«Безумец, нет тебе покоя.
Без отдыха : вперед, вперед!

Взгляни на ниву : пашни много,
А дня немного впереди;
Вставай же, раб ленивый Бога!
Господь зовет : иди! иди!

Ты куплен дорогой ценою :
Крестом и Кровью куплен ты.
Сгибайся ж, пахарь, над браздою,
Борись, борец, до поздней тьмы! »

И ответ смущенного, смятенного поэта. Он узнает голос : это — Господь!

« Пред словом грозного призыванья
Склоняюсь трепетным челом.
А Ты — безумного роптанья
Не помяни в суде Твоем!

Иду свершать в труде и поте
Удел, назначенный Тобой,
И не сомкну очей в дремоте
И не ослабну пред борьбой.

Не брошу плуга, раб ленивый,
Не отойду я от него,
Покуда не прорежу нивы,
Господь, для сева Твоего ».

Так заканчивается это автобиографически — и не только автобиографически — замечательное стихотворение. «Господь мой, пострадавший за меня, прими труд мой, прости ропот мой, дай мне силу Тебе посвятить и мое устремление и всю — столь несовершенную и нерадивую — деятельность мою!»

Таков заключительный смысл этого стихотворения. Здесь выразилась вместе с тем духовно питающая основа жизни и творчества Хомякова. Поэтому это творчество и вошло таким вдохновляющим вкладом в сокровищницу русской духовной культуры.

Мужественно-бодрое, исполненное христианского смирения и трезвенной любви и, прежде всего, действительно христостцентрическое мирозерцание Хомякова тесно связано в моем сознании и памяти с обликом моей матери — смиренной и пылающей духом, трезвенной и живущей непрестанно жертвенной любовью, такой простой и жизненной и естественной и не экзальтированной по-истине глубокой, духовно живущей со Христом и во Христе в себя забывающем служении любви. Облик внутренне обновленного и обновляющегося человека, раскрытый нам в писаниях апостола Павла, начал жизненно раскрываться нам детям, еще в отроческие годы, как из ежедневного чтения нам нашей матерью вслух посланий апостольских, так и отчасти, до некоторой степени, из стихотворений Хомякова, и — прежде всего из того ровного света, которым она сама горела — смиренно, мужественно, и радостно, и любвеобильно, — наша мать.

II

Другая, не менее изумительная но требующая несравненно большей подготовки для своего восприятия, сторона проповеди Хомякова открылась мне уже значительно позднее — когда я был уже зрелым юношей, на 3-ем курсе Университета. Помню, как я с некоторой даже неохотой, следуя уговорам нашей горячо любимой тети Надиньки (незамужней сестры моего отца, человека — как и ее сестра тетя Машенька — высокого духовного горения, огромной доброты, духовной чистоты и широкой образованности*), — как я взялся за богословские труды А. С. Хомякова: «Письма Православного христиана-

*) Я жил с братом зимой у Дедушки и тетей в их доме в Москве на Садовой, когда с 4-го класса учился в гимназических классах Московского Лицея, и потом, когда 4 года слушал лекции в Московском Университете. Лето мы проводили с родителями за границей (мой отец был дипломат) или в деревне.

нина », далее, отрывок « Церковь едина ». Я был сначала поражен, а потом даже ошеломлен. Поражен, потому что это не был язык средней богословско-назидательной литературы середины или конца XIX столетия. Это было нечто большее, это было что-то новое по размаху и высоте созерцания и глубине и силе свидетельства (не говоря уже о яркости и мощи стиля). Это было овеяно близостью внутренней к писаниям апостола Павла, или, вернее, созерцанием того, о чем говорил и что созерцал и чем жил апостол Павел: Церковь как живая, растущая, динамическая величина, создаваемая в живых людях Духом Божиим. Хомяков говорит нам в своих писаниях о мистическом опыте Церкви, о внутреннем, мистическом восприятии существа и жизни Церкви путем внутренне-органического участия в этой духоносной ее жизни.

Хомяков исходит из проблемы о критерии религиозной Истины, и здесь он говорит вещи, необычные для уха привыкшего к аргументации формально-логического характера. Истинность веры не может быть гарантирована внешне установленными безошибочными критериями, будь то догматическое торжественное (ex cathedra) определение одного только возглавляющего епископа, или такое же торжественное постановление, вынесенное собранием (собором) епископов. И то и другое постановление *могут быть* в соответствии с истиной христианской, но *не* связаны с ней *необходимо*. Нет внешних, формально связанных с большинством собравшегося епископата или с высоким, преимущественным по отношению ко всем, положением одного из них, — гарантий Истины. Она дается Церкви Божией Духом Святым и свидетельствуется силою этого Духа, живущего в ней. Но как знать, причастны ли мы Духа Божия? Молись, чтобы получить Его, чтобы быть причастным Его. Истина есть реальность, она не есть субъективная истина, но она дается через Духа, живущего в Церкви Божией и не знающего неправды, сердцам верующих, объединенных любовью и верой и со страхом и трепетом смиренно молящихся об откровении им истины. Истина открывается лишь смиренно и с любовью и молитвенно склоняющимся пред ней, и живет в них и укрепляет их. Она есть дар, ежечасно, непрестанно подаваемый верным Духом Божиим, который таинственно живет в Церкви. Вера есть дар живого общения с миром Высшим; это есть живая жизнь в Боге, подаваемая Богом, и притом подаваемая не одному, отделенному от других, человеку, а братьям, связанным любовью и живущим одной жизнью любви во Отце, Сыне и Духе. Это есть новая, реальная жизнь, не субъективная настроенность, а моральная уко-

ренность в новой плоскости бытия силою Духа, подаваемой свыше и озаряющей сердца наши познанием Истины, и жизнью в Истине. Ибо то и другое неотделимо друг от друга. Вера есть новая жизнь в Истине, активная, творческая, действенная, смиренная, дышащая любовью и трепетом укорененность в Истине силою Духа Божия. Это есть дар, мною не заслуженный, но будящий меня к активной жизни, к активному ответу, преображающему и просветляющему мою жизнь. Истина Божия познается опытом — через внутреннее участие в этом обновляющем потоке жизни Духа Божия, которая есть внутренняя суть жизни Церкви. Это не отменяет великого значения всех обильных проявлений, всех многообразных даров Духа, каковы дар священства, дар пастырства, дар пророчества, служения, истолкования и другие дары, подаваемые Церковью Божией Духом, живущим в ней. Но эти дары, великие и святые, не являются однако внешними, безотносительными формальными критериями Истины: Живая Истина открывается членам Церкви только, поскольку они приобщаются жизни Духа Божия и пребывают в ней. Как гарантировать себя против заблуждений и погрешностей? — «Молись, чтобы не пасть!» Нет другого ответа кроме этого уже данного. Мы все — и пасомые и пастыри — доступны ошибкам и заблуждениям, но Дух Божий, Который есть основание и источник жизни Церкви, Он — свят и непогрешим, ибо Он и есть Истина.

Итак, Истина — согласно Хомякову — дается не отдельно стоящему человеку, а дается в Церкви, т. е. в живом общении любви, но дается нам по мере нашего жизненного участия в жизни Духа Божия. Ибо Истина не есть формула и даже не книга, а творческая Божественная жизнь, питающая нас, творящая мир, творящая всё новое и постоянно, чрез наше участие в ней, обновляющая наше существо. «Поэтому мы знаем Истину внутренним свидетельством Духа, подаваемого нам в Церкви Божией. А Церковь, как и Истина, — не внешний «авторитет», диктующий нам законы: во что верить. Какое искажение истинного понимания вещей!». Хомяков, цитируя слова протестанта, историка Гизо в его замечательном труде «Histoire de la civilisation européenne» о том, что Церковь (с точки зрения католичества Средних Веков или вообще католичества) есть авторитет: «L'Eglise, c'est l'autorité», — возмущается этим внешним, скудным, недостаточным, — более того, искаженным определением: «Церковь — авторитет, — сказал Гизо, а один из его критиков, приводя эти слова, подтверждает их при этом. Бедный римлянин! Бедный протестант! Нет: Церковь не авторитет, как не авторитет Бог, не авторитет Христос: ибо авторитет есть нечто

для нас внешнее. Не авторитет, говорю я, а Истина и в то же время жизнь христианина, внутренняя жизнь его; ибо Бог, Христос, Церковь живут в нем жизнью более действительной, чем сердце, бьющееся в груди его, или кровь, текущая в его жилах, но живут, поелику он сам живет вселенской жизнью любви и единства, т. е. жизнью Церкви ».

Итак, в глазах Хомякова, «авторитет» есть совершенно неадекватное, ибо слишком малое и недостаточное, нежизненное и внешнее определение сущности Церкви. Не внешний авторитет, не внешнее принуждение, а покоряющая душу собственной силой Истина имеет с себе источник жизни. Ибо « в делах веры принужденное послушание есть смерть » (Письма, 192; курсив Хомякова). Вера не нуждается в мерах насилия; они по существу противоположны ей, недостойны ее, могут ее замарать (см. напр., его «Послание к сербам»). Она, по убеждению Хомякова, как и первых провозвестников христианства, есть захваченность покоряющей душу любовью Сына Божия, пришедшего в мир и отдавшего Себя за нас *).

III

Есть ряд знаменитых — ибо поразительных по глубине, по силе и по яркости выражения — мест в этих Хомяковских «Письмах православного христианина», из которых, думаю, следует некоторые здесь привести, ибо они ярко и наглядно рисуют силу и глубину его мысли и до известной степени способны дать нам прикоснуться к интенсивности и подлинности его горения. Позволю себе привести эти слова Хомякова в окаймлении того, что я написал о них 15 лет тому назад в только что цитированной моей статье о Хомякове, которая представляет собой вместе с тем некоторую попытку более систематического изложения его взглядов **).

«Молюсь, чтобы вы, укорененные и утвержденные в любви, вместе со всеми святыми, могли постигнуть, что есть широта и долготы, и глубина и высота (Божии) и уразуметь всякое разумение превосходящую любовь Христову, дабы вам исполниться всей полнотой Божией» — так пишет апостол Павел в Послании к Ефессянам (3, 18-19). Этими словами характеризуется и основа мирозерцания Хо-

*) См. мою статью «А. С. Хомяков. Его личность и мировоззрение» в изданных под моей редакцией его «Избранных сочинениях». Издательство им. Чехова, Нью-Йорк, 1955, стр. 28-29.

**) Там же, стр. 24-28.

мякова, которое выросло из этого апостольского опыта, запечатленного в Послании к Ефесеянам. Как постичь « широту и долготу, и глубину и высоту » Божии, как притти к « уразумению всякое разумение превосходящей любви Христовой » и « исполниться всей полнотой Божией »? Только если мы будем « укоренены и утверждены в любви, вместе со всеми святыми ». Только утвержденные в любви друг к другу, только согретье силой любви, можем мы притти к познанию тайн Божиих. Поэтому любовь есть необходимая предпосылка для познания Бога. Вот — основоположный камень всех религиозно-философских убеждений Хомякова. Не новое это учение — оно вдохновляет всю проповедь апостола Павла; с особой силой звучит оно в этих бесхитростных словах Апостола любви : « Как может тот, кто не любит брата своего, которого видит, любить Бога, которого не видит? » (I Иоан. 4,20) и в этих словах Христа : « По сему узнают, что вы — Мои ученики, если будете иметь любовь между собою » (Иоан., 13,25).

Меняется поэтому весь подход к познанию Высшей Божественной Истины. « Поэтому-то самому всякий человек, любящий истину, обязан испытать свое сердце и исторгнуть из него росток ненависти: иначе истина не дается ему » *) — пишет Хомяков. Другими словами: Истина открывается только любви, открывается братьям, соединенным в любви. И вместе с тем, этот Дух Истины, Дух Любви, который есть Дух Божий, есть и Дух Свободы (« Где Дух Господень, там свобода » — пишет апостол Павел). Поэтому любовь эта должна быть соединена со свободой. Истина дается братьям, объединенным в любви и духовной свободе. Солидарность в любви и — духовная свобода: вот предпосылки познания Бога.

Из этого и вырастает всё учение Хомякова о Церкви. Оно пронизано, как мы видели, ощущением и созерцанием действия Духа Божия, согрето ощущением Его близости, как Духа Любви и Духа Истины, раскрывающегося только в любви и духовной свободе. Поэтому Дух Божий есть решающий фактор. Он есть Тот, Кто дает познание и освящает души и соединяет братьев в любви. Он есть критерий и источник Истины. Он не может быть внешне доказан. Он не нуждается во внешних доказательствах. Он Сам Себя доказывает, Сам Себя открывает в Церкви, как Свет и Жизнь. Познающий Его, познает Его внутренним знанием Истины, ибо это знание есть вместе с тем и жизнь, новая жизнь, жизнь Духа, открывающаяся в

*) Курсив мой.

братьях, соединенных любовью. Это познание есть и в ра-
стание, и жизнь Духа, и преображение силою Духа. Познание Истины охватывает всего человека, если оно есть действительно познание, и изменяет, преображает его. Об этом учил уже Киреевский, близкий друг Хомякова, основатель русской религиозной философии исходивший из духа аскетов и мистиков Восточной Церкви, наставников в этой обновленной жизни Духа. Нельзя не ощутить огромного религиозного и нравственного подъема, я сказал бы — духовности, проникающей это главное и центральное учение Хомякова.

« Мы знаем, — пишет Хомяков в своем знаменитом исповедании веры, — когда падает кто из нас, он падает один; но никто один не спасается. Спасаящийся же спасается в Церкви, как член ее, и в единстве со всеми другими ее членами. Верует ли кто, — он в общении Веры; любит ли — он в общении Любви; молится ли — он в общении Молитвы... Не говори: « Какую молитву уделю живому или усопшему, когда моей молитвы недостаточно и для меня? » Ибо не умеющий молиться, к чему молился бы ты и за себя? Молится же в тебе Дух Любви. Также не говори: « К чему моя молитва другому, когда он сам молится и за него ходатайствует Христос? » Когда ты молишься, в тебе молится Дух Любви. Не говори: « Суда Божьего уже изменить нельзя », — ибо твоя молитва сама в путях Божиих, и Бог ее предвидел. Если ты член Церкви, то молитва твоя необходима для всех ее членов. Если же скажет рука, что ей не нужна кровь остального тела, и она своей крови ему не даст, рука отсохнет. Так и ты Церкви необходим, покуда ты в ней, и если ты отказываешься от общения, то сам погибнешь и не будешь уже членом Церкви. Кровь же Церкви — взаимная молитва, и дыхание ее — славословие Божие » (Письма, 21, 23).

« Мы молимся потому, что не можем не молиться, и эта молитва всех о каждом и каждого о всех, постоянно испрашиваемая и постоянно даруемая, умоляющая и торжествующая в то же время, всегда во имя Христа нашего Спасителя обращаемая к Его Отцу и Богу, есть как бы кровь, обращающаяся в теле Церкви: она — ее жизнь и выражение ее жизни, она — глагол ее любви, вечное дыхание Духа Божия » (Письма, 120-121).

Не внешнее только исповедание, не сухая формула составляет, по убеждению Хомякова, сущность христианства, а именно эта жизнь Духа Божия и причастие к ней. Поэтому истинная вера « не есть акт одной познавательной способности, отрешенной от других, но акт всех сил разума, охваченного и плененного до последней его глубины живую истинною откро-

венного факта. — Вера не только мыслится или чувствуется, но, так сказать, мыслится и чувствуется вместе; словом, — она не одно познание, но познание и жизнь » (Письма, 62). « По-сему должно почитать, что исповедание и молитва и дело суть ничто сами по себе, но разве как внешнее проявление внутреннего духа. Поэтому еще не угоден Богу ни молящийся, ни творящий дела, ни исповедающий исповедание Церкви, но тот, кто творит и исповедует и молится по живущему в нем духу Христову » (Письма, 9).

В этом Духе Божиим, в этом причастии к Нему — весь смысл и центр внутренней жизни христианина и жизни Церкви. Хомяков поэтому решается даже на такую заостренную формулировку: « Писание есть внешнее, и предание — внешнее, и дело — внешнее; внутреннее же в них есть от Духа Божия. Церковь не доказывает себя ни как Писание, ни как Предание, ни как дело, но свидетельствуется собою, как и Дух Божий, живущий в ней, свидетельствуется Собою в Писании » (Письма, 8). Свидетельство Духа Божия духу нашему, когда мы соединены с братьями в любви, или, вернее, духу Церкви, самосвидетельство Его, как бы побеждающая нашу душу жизнь благодати, — вот критерий Истины.

Миросозерцание Хомякова — результат великого духовного опыта. Оно есть плод его мистического опыта Церкви. И в этот опыт он был в значительной степени введен учением апостола Павла. Удивительно, как до сих пор мы не только на практике мало усвоили этот опыт апостола, приводящий нас к основаниям жизни Церкви, но даже теоретически мало уяснили его себе. Впрочем, последнее понятно: теория здесь бледна и бессильна, когда нет или мало в нашей жизни покоряющей и просветляющей жизни Духа. Тайна раскрывается — как говорил Хомяков — смиренному служению Любви *).

IV. Владимир Александрович Кожевников (1850-1917).

В облике и миросозерцании и в умственных и духовных интересах В. А. Кожевникова, человека, который был уже пожилым, когда я был еще мальчиком, поражало странное и привлекательное сочетание, казалось бы, очень различных черт. Этот человек горячо любил и понимал красоту, особенно лирической поэзии и красоту природы, но также и изобразитель-

*) См. напр., его слова :

« Подвиг есть и в сраженьи,
Подвиг есть и в борьбе :
Высший подвиг — в смиреньи,
В любви и мольбе... » (1858 г.)

ного искусства, и, кроме того, ценил, изучал и исследовал исторически эту любовь к Красоте, это искание Красоты и толкование смысла Красоты в истории человечества. И вместе с тем ряд струн его души усердно вторили аккордам тоски, возгласам боли и безнадежной грусти великих мировых пессимистов: — автору ветхозаветного «Экклезиаста», диалогам Будды, или грустным, сконцентрированно-кратким размышлениям буддийского сборника «Дхаммападам» («Собрание цветов») и безрадостным изречениям древне-греческой трагедии и греческих лириков о безнадежности и преходящести жребия человека. Как и хватающим за сердце словам грусти великих поэтов-пессимистов XIX века — итальянца Леонарди («*Or poserai per sempre, Stanco mio cor* ...») *) или французских поэтов скорби — Альфреда де Виньи, Луизы Акерман, и других.

Оба эти столь противоречивые, казалось бы, направления, как ни странно, как будто, равно притягивали его к себе, равно приковывали его внимание. Великий пессимизм буддизма (т. е. того, что господствовавшие тогда — в конце XIX и в начале XX века — направления в индологии называли «классическим буддизмом»), как и тона безысходной тоски, веющие, напр., уже из древне-египетской надмогильной «Песни арфиста» **) и изречения Экклезиаста, и чувство ужаса перед смертью, описанное в «Исповеди» Толстого, — вели дальше в глубину, в усмотрение суетности, «суеты сует» всякой жизни. И как очевидна эта правда! Но как сочетать, как примирить эту правду и нашу жажду и нашу любовь: красоту жизни и ужас уничтожения, гибели всего индивидуального, всего существующего? Кожевников недаром в своей большой и очень замечательной книге «Буддизм в сравнении с Христианством» **) не без основания останавливается на следующем тексте одной из «Упанишад» (но сколько есть сходных мест в древне-индусских книгах — и в Упанишадах и, напр., в Махабхарате): «Всё подвластно смерти — не только человек, но всё живущее, всякое бытие, вся вселенная. Мы видим рост одряхления и гибель всего видимого — от мелких мошек, трав и деревьев до могущественных и славных властителей царств. Но что говорить о них! Есть и иные, большие! Мы видели гибель божеств, гандхаров, асуров, якшей, ракшей и иных. Да и не их одних! Высыхают великие моря, разрушаются горы, передвигается

*) «Теперь ты остановишься навеки, усталое мое сердце...» (Из стихотворения «К самому себе»).

**) См. об этом, напр., в моей книге «Жажда подлинного бытия» («Пессимизм и мистика», стр. 11-12).

**) Москва, 1916 г.

полярная звезда, обрываются тетивы ветров (что сдерживают созвездия), затопляется земля и сами вышние боги извергаются из обителей своих» (Maitrâyuana — brâhmana — Upanishad).

Для Кожевникова этот вопрос о захватывающей силе Красоты, о ценности жизни и о все-уничтожающей силе смерти — вопрос не теоретический, не предмет историко-культурного исследования, могущего обогатить человечество одним или двумя весьма ценными научными исследованиями (пока эти исследования не устареют с точки зрения полноты и правильности освещения фактов). Кожевников — большой ученый и тонкий критик, но он подходит к этой дилемме прежде всего, как человек, как страдающий, томящийся, религиозно ищущий человек. Как религиозно ищущий (такова его позиция в его исследованиях и книгах), но уже нашедший, не через ученые книги, но вдохновляемый к своим ученым книгам, побуждаемый к ним внутренним центром своей духовной жизни — тем центром, в котором он нашел ответ на страшную загадку мира и смерти всего в мире, в том числе и всего, что так прекрасно. Основной стержень духовного и умственного (научного) пути и творчества Кожевникова, прежде всего религиозного — религиозное темление, взором окидывающее всю глубину веков. Но более того: осуществленное, удовлетворенное томление. Есть, дан уже ответ на вопрос о гибели и смерти всех ценностей мира. Есть страшная бездна, — великие «пессимисты» (но не реалисты ли они прежде всего, видящие истину жизни без прикрас?) почти сходили с ума, заглядывая в нее и стремясь потом отвернуться, и она всё опять притягивала их. И в этом их великая правда, их великое свидетельство о правде. Но бездна эта заполнена.

В этом как раз центр всего мирозерцания и жизненного подвига и научной и миссионерской проповеди Кожевникова. Пропасть раз навсегда заполнена. Смерть «поглочена победой». Бездна заполнена воплощением в мире Сына Божия. Прорыв Божий в мир, в «Сыне Любви Его» (Колос., 1, 13) — вот ответ не Кожевникова, но ответ, которым живет, из которого черпает свою жизнь и Кожевников.

Кожевников был крупный, может быть, даже великий историк — об этом свидетельствует ряд его первоклассных больших трудов, им напечатанных, наряду со многими другими, оставшимися в рукописи, и с большим числом ценнейших и вместе с тем популярно написанных более мелких книг и статей. Но прежде всего он был большой христианин и радостный и бодрый носитель своего служения — научного служения открывшейся ему Правде Божией — своего миссионерского подвига.

Темперамент точного и глубоко обстоятельного ученого и горение поэта (ибо когда он писал о Красоте в своих научных работах, он переживал и понимал Красоту). И еще юношеское горение и вдохновенное свидетельство о религиозной Истине. Его слово зажигало. В нем было сочетание научной вескости и вдохновенного пафоса. И это не было диссонансом. Получалось нечто большое, большой зажигающей силы *).

Многогранная научно-исследовательская и историко-писательская деятельность имели свой вдохновляющий центр (не всегда высказываемый, ибо как истинный ученый, он в своих исследовательских трудах не навязывал своих оценок и своих основоположных мыслей, а если высказывал их, то предпочитал это делать в конце исследования **). Его жизнь и умственная работа и его религиозно-философское свидетельство были христороцентричны. Он видел в жизни среди темноты заблуждений и падений человеческих искры Слова Божия и возводил их к единому Центру. Воплощение Сына Божия, глубина Его снисхождения и победа Его над смертью — вот для Кожевникова единственный адекватный ответ на загадку и страдание мира.

Победа Сына Божия над смертью, Воскресение — вот стержень мировой истории. Отсюда, из этой совершившейся победы, но имеющей еще открыться во всей полноте своего воздействия, и из воплощения Сына Божия вытекает и новое, повышенное достоинство твари, реабилитация павшего творения, реабилитация ветшающей и умирающей красоты мира. Преображение мира в лучах Воплощения и Победы Сына Божия — вот затаенная основная идея, вдохновлявшая научный и мыслительный труд Кожевникова. Он не посвятил этой основной теме своей целостного большого изложения, но большинство его трудов косвенно, а иногда и более непосредственно связано с нею ***). В этом преображении твари через Воплощение и Воскресение Сына Божия дается синтез всех чаяний и исканий Кожевникова; повторяю — невидимой нитью эта тема проходит через большинство его трудов, как отдаленное, сокрытое их вдохновение. Особенно ярко эта его мысль изложена в его последней статье, вышедшей в последней увидевшей свет книжке московского журнала «Русский Архив» (в 1917 году). Но какое богатство сюжетов представляют написан-

*) Помню, напр., его замечательный, горящий вдохновением доклад о посланиях св. Игнатия Богоносца.

**) Так напр., в своей книге «Буддизм в сравнении с христианством».

***) Напр., замечательная книжка о христианском аскетизме.

ные им труды — напечатанные и не напечатанные! Кроме уже перечисленных (в том числе его фундаментальная и замечательная книга «Буддизм и Христианство», 1300 стр., изданная в двух томах в 1916 году), тут и первый его большой печатный труд о религиозной жизни Римской Империи во II веке по Р. Х. (1877 г.) — труд, основанный на непосредственном и тщательном изучении исторических источников, и Апулея, и Максима Тирского, и Лукиана, и т. д. Кожевников интересовался философским протестом против рационализма XVIII века. Он написал огромную (в 700 больших страниц) монографию «Философия чувства и сердца Фрица Якоби» (Якоби был другом юности Гёте): это — самый обстоятельный и основоположный труд, когда-либо написанный об этом оригинальном мыслителе. Такую книгу мог написать только очень большой ученый, специалист по духовной истории XVIII века. Удивительно, напр., как Кожевников знает — и не по позднейшим исследованиям, а по почти неизвестным первоисточникам — по тогдашним изданиям университетских лекций — разных второстепенных скучнейших философов Вольфо-Лейбницианской школы, чтобы изобразить сначала то, от чего бурно отталкивалась живая мысль Фрица Якоби.

Кожевников очень интересовался эстетическими идеями итальянского Возрождения. У него была большая работа (кажется, в 14 рукописных томов) на эту тему, но он никогда ее не издал, т. к. это потребовало бы пересмотра заново этой давно написанной им книги в связи с позднейшими данными науки.

У него есть небольшая книжка о неовитализме (о Ламарке и его последователях, напр. Хансе Дрише — Hans Driesch); книжка об отношении немецкой социалдемократии к религии и в частности христианству*); большая статья об Игнатии Богоносце, книжка о христианском аскетизме (его значении и красоте, исторический очерк). Он увлекался историей религий, особенно древне-индийской и религий эллинизма. В этой области он был большой знаток и страстно следил за всеми маломальскими значительными трудами западных ученых, не говоря уже об изданиях памятников. Фундаментальные книги Франца Кюмона о мистериях Митры и об эллинистических мистериях вообще; исследования по герметической литературе (эллинистическим книгам Гермеса Трисмегиста), и многочисленные другие исследования, посвященные эпохе эллинизма и ее

*) Ссоставлено на основании первоисточников — гл. обр. речей на партийных съездах социалистов.

мистическим культам, которыми так богаты были особенно первые годы XX века, — книги А. Dietrich'a, Reitzenstein'a и др. — все были в его библиотеке. Он увлекался изучением религиозного миросозерцания Средних Веков, культа Божией Матери в Средние Века, средневековыми легендами и сказаниями — и мрачно-пессимистическими, запуганно — демонологическими, и просветленно-религиозного характера. У него была по этим вопросам собрана необычайно богатая коллекция ценнейших и часто редчайших монографий. Он очень следил за западно-европейским книжным рынком, был в тесном контакте с крупнейшими западными антиквариатами, много покупал книг — особенно по духовной жизни и древности, и раннего христианства, и Средних Веков, и эпохи Возрождения.

У него была большая библиотека Отцов Церкви; он особенно, напр., интересовался памятниками ранней христианской письменности — и «Одами Соломона», и так называемым «Учением 12 Апостолов» («Дидахе») и «Пиром 10 Дев» Мефодия Патарского. Он был большой знаток и усердный читатель мистико-аскетической литературы Православного Востока. Он интересовался историей социальных учений, особенно социальных утопий как выражением *томления* и неудовлетворенности человека, и, как я уже говорил, историей чувства красоты природы в разные эпохи человеческой культуры. Он увлекался великими поэтами, русскими и западными, и особенно интересовался проблемой творческого переживания красоты поэтами и художниками. Он — как мы уже видели — был хорошо знаком с историей философии — и греческой и индусской, а из более современной в частности с учениями великих пессимистов. Он был личным другом (и отчасти учеником) знаменитого Николая Федоровича Федорова и посмертным издателем его философских трудов, высоко его ценил, но не разделял всех его мыслей.

Я уже говорил, как объединены были эти столь разнообразные научные, религиозные, эстетические интересы и увлечения: — верую в Воплощение Слова Божия и победу Его над смертью и в грядущую (но сокровенно уже начавшуюся теперь) реабилитацию всего творения. Он был православный верующий христианин и очень большой ученый вместе с тем. Из различных областей знания собирал он сокровища и, так сказать, складывал их у ног Воплощенного Слова. Или еще вернее: само Воплощенное Слово уже теперь, хотя и скрыто, освещало мир Своими лучами: как внутренний закон и основа мироздания, и более того, — как Цель, к которой направляются судьбы мира. Уже теперь ощущаются в мире рассеянные в нем лучи Воплощенного и Воскресшего Слова. Победа

Сына Божия над смертью, уже совершившаяся и имеющая в полностью раскрыться впереди, по отношению ко всему творению, — эта мысль, или, вернее, эта вера была центром всего мирозерцания и внутреннего опыта Кожевникова. Он был, как иногда высказывались его друзья, в самом лучшем смысле атлет духовный, подвижник мысли и науки во славу Божию.

Он был и остался частным ученым, но много писал, еще больше читал, и чувствовал, и думал. И его эстетический опыт и любовь к знанию, к памятникам человеческой культуры, и его чуткость к исканию Бога в человеческой мысли разных времен согревались и преображались его горячей христианской верой, которая была для него внутренним критерием для его вдумчивых оценок. Он был не отвлеченный мыслитель, а любитель живой, кипучей, исторической или природной, конкретной жизни, — историк-мыслитель, ученый-мыслитель и поэт в душе (а иногда и в своем вдохновенном изложении, — так напр., в последних главах своей книги «Буддизм и Христианство»), и смиренный ученик и последователь Смирившегося ради нас Воплощенного Сына Божия, верящий в силу Воскресения.

Николай Арсеньев

Дневник Зинаиды Николаевны Гиппиус « О БЫВШЕМ »

В течение двух первых десятилетий этого века Гиппиус, вместе с Мережковским и Философовым, пыталась пробудить « новое религиозное сознание » у своих современников. Конечной целью в своей религиозной деятельности она поставила создание единого человеческого общества в соборной Церкви как основание будущего Царства Божьего на земле.

Гиппиус видела многообразие проявлений в мироздании мистического числа « три » : Святая Троица, троичность человеческой личности-любви-общества, троичность духовного мира-человека-материального мира и т. д. Все эти « единства трех в одном » представляют собою одновременно и неповторимость, единственность отдельных частей одного целого. Поэтическое выражение мысли Гиппиус о троичности находит свое выражение в ее стихотворении « Тройное » (1907) :

Тройною бездонностью мир богат.
Тройная бездонность дана поэтам.
И разве поэты не говорят
Только об этом?
Только об этом?

Тройная правда — и тройной порог.
Поэты, этому верному верьте.
Только об этом думает Бог :
О человеке.
Любви.
И смерти 1).

Гиппиус также различала три фазы в истории человечества прошлого, настоящего и будущего. Три фазы представляют собою три различных царства : Царство Бога Отца, Создателя — Царство Ветхого Завета; Царство Бога Сына, Иисуса Хри-

1) Примечания см. стр. 77-78.

ста — Царство Нового Завета, настоящая фаза в религиозной эволюции человечества; и Царство Святого Духа, Вечной Женщины-Матери — Царство Третьего Завета, которое откроется человечеству будущего. В Царстве Старого Завета произошло откровение силы и власти как истины; в Царстве Нового Завета произошло откровение любви как истины; Царство Третьего Завета проявит себя в любви как свобода. Третье и последнее Царство, Царство Третьего Человечества, разрешит все существующие антитезы: пол и аскетизм, индивидуализм и общечеловечность, рабство и свобода, атеизм и религиозность, ненависть и любовь. Эти антиномии исчезнут в синтезе единого Царства, Царства апокалиптического христианства, таинственного и чудесного слития Неба и Земли. Тайна Земли и Неба, плоти и духа, найдет свое разрешение в Святом Духе — союзе Земного и Небесного, воплощенном Девой-Богоматерью. Святой Дух принесет искупление миру, открыв перед человечеством новую жизнь в мире, гармонии и любви. Трое в Одном претворятся в реальность, и христианство найдет в этом претворении свое завершение. Бог Отец и Бог Сын соединятся в Святом Духе, в Вечной Женственности-Материнстве. Дух, соединив Отца и Сына, соединит и Небо и Землю.

Гиппиус относилась критически к историческому христианству, которое, по ее мнению, не может открыть связь, существующую «между первой книгой Библии — книгой Бытия, — и последней — Апокалипсисом. Конец и Начало, Ветхий и Новый Завет, древо познания и древо жизни должны явиться нам в последнем и современном соединении» 2). Вечная Мать, Которая явилась в Начале и Которая придет после смерти, должна принять обличье «абсолютного соединения» Божественной Личности. Человек — писала Гиппиус — должен «понять тайну непорочного зачатия, девственного материнства, тайну пола до конца — до конца мира, — и не теоретически, не отвлеченно, богословски, — а пламенно, девственно, жизненно. Историческое христианство не разрешает, а лишь упраздняет этот вопрос — отсечением плоти, всепоглощающим, односторонним аскетизмом. Те, кто не могут заглушить в себе этот вопрос и не имеют силы искать новых решений — попадают на старые, до-христианские пути» 3).

Человек должен понять, что девственное материнство, вечная женственность, Небесная Мать завершает Святую Троицу. Человек должен постигнуть Богоматерь как проявление Святого Духа, Святой Плоти, всем своим разумом, всем своим существом. Стихотворение Гиппиус «Вечно-женственное» (1938) так выражает эти идеи:

Каким мне коснуться словом
 Белых одежд Ее?
 С каким озареньем новым
 Слить ее бытие?
 О, ведомы мне земные
 Все твои имена :
 Сольвейг, Тереза, Мария...
 Все они — ты Одна.
 Молюсь и люблю... Но мало
 Любви, молитв к тебе.
 Твоим-твоей от начала
 Хочу пребыть в себе,
 Чтоб сердце тебе отвечало —
 Сердце — в себе самом,
 Чтоб Нежная узнавала
 Свой чистый образ в нем...
 И будут пути иные,
 Иной любви пора.
 Сольвейг, Тереза, Мария,
 Невеста-Мать-Сестра! 4)

Гиппиус неустанно подчеркивала значение Святой Троицы — Трех в Одном, которое отражается во всех аспектах человеческой жизни. В своем сочинении-дневнике *Выбор?* Гиппиус отдает дань христианским Церквам за их продолжение дела Христа на земле : они открывают для каждого индивидуума « путь к Истине », который был показан Иисусом Христом всем, кто хочет идти по этому пути. Но христианские Церкви, утверждала Гиппиус, не открывают этих дверей для всего мира в целом. Поглощенные мыслью о судьбе каждого отдельного человека, они предлагают ему искать свой « путь к Истине » индивидуально. Христианская Церковь поэтому не может спасти весь мир, так как она еще не открыла одной еще большей тайны — « сокровища Христа », Божественную Троицу. Это сокровище еще « запечатано семью замками ». « У нас есть пока только догма », пишет Гиппиус в *Выборе?* « Конечно, эта догма представляет собою большую ценность. Но что означает такое обладание догмой, если мы не видим и не чувствуем этого сокровища? Если оно спрятано за семью замками, если мы просто не владеем им? » « Задача будущей Церкви — открыть тайну Святой Троицы ”пламенно, девственно, жизненно”. Сам Спаситель должен явиться чтобы открыть нам истину, которую мы еще не в состоянии сознать » .

Человек поставленный лицом перед « безжизненной догмой » исторической Церкви, не может воспринять Святую Тро-

ицу своей интуицией или сердцем. Утратив веру в Бога, он не может Его вновь найти, несмотря на все свои усилия. Не принимая ни религии аксетизма, ни своих одиночества и отчуждения от ближних, он жаждет обрести Бога и ощутить полноту своего собственного существования посредством любви и веры в Него. Человек жаждет новой религии, которая даст ему возможность принять жизнь во всем ее многообразии, религии единства Всего во имя Одного.

Гиппиус хотела религиозной революции, духовной метаморфозы человека во имя Третьего Царства. В этом процессе, говорила она, человек прежде всего должен понять всем своим сердцем, что Бог это Отец и Мать, что Богоматерь это Святой Дух и Святая Плоть и что Иисус Христос одновременно Отец и Святой Дух, Трое в Одном. Гиппиус упрекала человека в том, что он не обращает достаточного внимания на слова Христа : « Я и Отец Одно ». Человек, таким образом, не видит живой связи между Ними. Христианские Церкви, по мнению Гиппиус, существовали до сих пор, придерживаясь исключительно Христа и упоминая Бога Отца и Святого Духа только в обрядах. Все молитвы, весь религиозный экстаз и сердца всех христианских верующих были целиком посвящены Христу. Но Иисус Христос Один, продолжала Гиппиус, « лишь правда, жизнь и путь к Церкви » 5). Индивидуальная вера в Христа — лишь гарантия, незаменимое условие для всеобщей веры в Бога. Настоящая религия не может быть основана только на личной вере в Иисуса Христа. Настоящая Церковь не может « начинаться и кончаться Христом », т. к. Христос может быть только с Богом Отцом и Святым Духом вместе в одном тесном союзе, в едином завершении. « Настоящая [апокалиптическая] Церковь — церковь такого завершения ». « Церковь, союз всех отдельных верующих, может быть реализован только через Пришествие Святого Духа, Который будет послан к нам Сыном, и Который откроет нам наше будущее » 6).

Иисус Христос, Чья плоть была освящена Его воскресением и победой над адом, сделал возможным приближение Царства Святого Духа. Цель всего исторического развития вселенной это — конец человечества и мира в их прежней форме через Второе Пришествие Христа как Трое в Одном. Иисус грядет как внутреннее переживание человека в том же духовном облике, в котором Он возник перед Святым Павлом. Но, несмотря на то, что Христос, соединив Себя с землей после Своего воскресения, находится меж нами всюду и везде, мы не чувствуем Его. Святой Павел был одним из первых, увидевших Его, поэтому он и мог написать часть Нового Завета. Святой Павел поэтому занял исключительное место в религиозной

философии Гиппиус : она была убеждена, что как только человечество разделит его « внутреннее переживание », оно полностью постигнет духовную реальность Христа. В этот момент человек поймет, что Христос находится в нем все время и что Он объединит человечество в любви и гармонии, как одну семью. В духовной эволюции человечества наступит время для апокалиптической церкви не как храм, а как новое переживание Бога в человеческом сознании и в человеческой душе. Во имя ускорения этого процесса церковь трех Апостолов — Петра, Павла и Иоанна — должна соединиться для « оживления » существующей Церкви. Новая, живая и жизнеспособная Церковь, в основании которой будет находиться внутреннее ощущение человеком Христа, будет единственной, настоящей, всеобщей Церковью.

Гиппиус смотрела на историческое христианство как на необходимую фазу в эволюции религии в направлении религии Святой Троицы. « Евангелие было бы утрачено », утверждала она, « как были утрачены и заповеди Христа, если бы не было исторической Церкви ». Второе Пришествие Христа не может осуществиться без Первого Его Пришествия. Церковь Второго Пришествия Христа, или апокалиптическое христианство, воспримет в себя Церковь Первого Пришествия, или историческое христианство. Историческое христианство станет неотъемлемой частью общечеловеческой Церкви; оно будет тесно связано с апокалиптическим христианством. Апокалиптическое же христианство, в свою очередь, завершит историческое христианство. Догма Святой Троицы должна стать связующим звеном между историческим и апокалиптическим христианством. Будущий Иисус Христос возможен только через уже Пришедшего Христа, потому что Пришедший Христос и Грядущий Христос составляют сущность Иисуса Христа 7).

Гиппиус дает более широкое определение своей концепции христианства в статье « Великий путь » (1914), где она выражает мысль, что историческая христианская религия представляет собою только одну часть истинного христианства. Настоящее, общечеловеческое христианство связано со Святой Троицей в Одном 8). Христианство начинается, развивается и завершается в процессе течения промежутков времени, которые связаны друг с другом и следуют один за другим в логическом порядке — в « сознательном и волевом » развитии человека. Эта духовная эволюция приведет в конце концов к « абсолютно окончательному » утверждению новых ценностей, которые были открыты во время постепенного накопления и усваивания новых концепций и новых откровений. Старые ценности не должны отвергаться в этом процессе; они должны быть пре-

ображены в новые ценности — новые по времени и по содержанию. Свободная воля человека играет исключительную роль в эволюции ценностей; человек должен « сознательно и свободно », по своей воле сделать выбор между этими ценностями. Выбор этот чрезвычайно труден, это почти трагедия, борьба, жертва, но страдание, вызванное этой жертвой — во имя нового и возвышающего человека утверждения его личности — искупается приносимыми им радостью и экстазом религиозного чувства. Выбор этот должен быть абсолютно свободным, потому что с позиций общечеловеческого христианства нет ни воли Провидения, ни судьбы, ни закона. Есть откровение — не предопределение — главного русла человеческой истории. Исторический процесс предсказан, но не предопределен. Бог даровал человечеству свободу выбора — погибнуть или спастись. Завершится ли этот процесс абсолютным отрицанием — ничто, или достижением высшей ступени человеческого Бытия — абсолютным утверждением, зависит всецело от силы и интенсивности человеческой воли и от ее связи с всеобщей, Божественной волей. Каждый человек стремится всем своим существом достигнуть своей окончательной цели, т. е. спастись от своей гибели.

Несмотря на то, что Иисус Христос открыл человеку « возвышенную истину о Божественной Личности », в настоящей стадии человеческой эволюции эта истина не способна еще соединить нации в « единую новую плоть », в единую новую семью. Христос только указал на путь, который может привести к союзу людей; путь этот дает им возможность познать себя и Божественную Личность. Христианство представляет собою путь к Церкви; это средство для глубокого проникновения в веру индивидуума. История честно служила делу Христа, благодаря верности истине в течение двадцати столетий. Верность эта нашла свое выражение в воплощении истины в каждой верующей душе.

В своем дневнике *Выбор?* Гиппиус подчеркивает необычайное значение свободы для следования по пути, открытому человеку Христом. У человека есть возможность спасения, потому что путь, ведущий к индивидуальному спасению, открыт для каждого. Обязанность Церкви и святых Гиппиус видела не только в этом открытии ими пути для человека, но и в создании ясной перспективы возможности его спасения. В дневнике *Выбор?* мы находим следующую запись : « Не для отказа от чего бы то ни было выбирается путь христианства, а для получения чего-то, что тебе дороже всего, от чего приходится попутно отказаться. Вопрос Выбора — вопрос *положительных ценностей* ».

Побуждаемая желанием вызвать духовную революцию, Гиппиус пересмотрела традиционную интерпретацию идеи Бога и учения Христа. Она отвергала концепцию Бога в историческом христианстве как Бога гнева и мести. Такой Бог, говорила Гиппиус, лишает человека его достоинства, превращая его в тварь, дрожащую в страхе перед своим властным и жаждущим мести повелителем. Такой Бог унижает человеческие дух и плоть. В апокалиптическом христианстве Бог это любовь, тишина и покой. «Бог в тишине» 9), говорит Вальцев, герой рассказа Гиппиус «Луна», лодочнику Гвидо. Раиса, героиня рассказа «Зеркала», в прощальном письме к своему возлюбленному Яну пишет об отсутствии в ее душе тишины и возвышенного, которые по ее мнению и составляют сущность веры в Бога: «Нет вашей тишины в [моем] сердце. Прощайте» 10). Гиппиус также отвергала принятие историческим христианством только святости Христа при полном отрицании плоти, «грешной и нечистой». В дневнике *Несколько комментариев к комментариям Т. И. Манухиной* Гиппиус признается в своем сочувствии католическому мистицизму: «Католической мистике я сочувствую, лозанскому движению тоже, конечно. Храмовое благочестие тоже не плохая вещь, но мне более чужда. Что касается обучения христианской жизни примером, то я не могу, т. к. сама не чувствую себя ведущей такую примерную христианскую жизнь. И маленьких, простых людей не знаю много, да и вообще такого обучения не умею». Гиппиус считала, что ее назначение в религиозной жизни состоит в другом. «Мне часто хочется молиться», заносит она в свой дневник *Contes d'amour* 30 марта 1893 г., «и только об одном: пусть Он сделает скорее, как Он хочет». Философовой она писала: «Мое желание выполнить это задание, мое желание любви не от меня. Мое сознание, что единственный путь из тупика это твердая вера в Бога, также не от меня. И мое желание и мое сознание проистекают от любви Бога к нам». Гиппиус видела в любви Бога и в своем личном ее ощущении основание «нового религиозного сознания», которое она стремилась пробудить у своих современников. «В этом огромном задании», обещала она Философовой, «мы перестанем быть тремя разъединенными людьми [Гиппиус, Мережковский и Философов]. Мы станем союзом трех личностей, сгармонизированных в своей мысли, которые соединились для молитв, работы и чтения больше о вещах, важных для нашего образа мысли, для наших общих надежд и ожиданий будущего» Гиппиус назвала этот союз и их деятельность в создании «нового религиозного сознания» — Главным.

«История» Главного началась в 1899 году, когда мысль о

новой русской Церкви возникла почти одновременно у нее и у Мережковского в селе Орлино. Убедившись в том, что « Церковь нужна, как лик религии евангельской, христианской, религии Плоти и Крови », они начали действовать сразу по возвращении в Петербург. Гиппиус написала об этих планах Философову, Розанову, Перцову, Бенуа, Владимиру Гиппиус, Нувелю, Баксту и Дягилеву, с которыми она познакомилась на « средах » *Мира искусства* 11). Как следует из записи Гиппиус в ее дневнике *Contes d'amour* от 7 февраля 1901 г., она решила действовать немедленно: « Я сделана для выдерживания огненных жал, а не слепого, тупого, упорного душения. Но так надо. А потом, когда приготовлю почву, — совсем не буду писать [дневник *Contes d'amour*]. Но очень надо приготовить. Очень знать. Это всё, когда решу. Но ведь вот чувствую, надо решить скорее. Потому что я должна действовать... Малодушно, изменно, не нравится мне закрывание глаз, самоослабление для Главного. Это вопрос — быть ли Главному, и вопрос мой, потому что — быть "ему" или не быть — в моих руках, это знаю ». Другая запись в *Contes d'amour* также проливает свет на концепцию Новой Церкви у Гиппиус :

« Люди хотят Бога для оправдания существующего, а я хочу Бога для искания еще несуществующего (вероятно). Людям совсем бы хорошо было с их страстью, в их формах, с их любовниками; да только беспокойно — не грех ли? Они зовут Бога, чтобы Он пришел к ним, где они, и сказал : « Нет, не грех; а коли и грех — прошу, за то, что вспомнили Меня и позвали. Не беспокойтесь ». А мне некуда звать Бога, я в путешествии. Нет подходящего мне дома, в котором хотела бы *вечно* жить; я сама хочу идти к Богу; там, впереди, ближе к Нему, есть, верю, лучшие дома, — их хочу. И оправдания мне ни для чего не нужно. И это абсурд — оправдание. Оправдания настоящему хочешь только когда намерен длить его, неизменно; значит — оправдания стоянию? Его не может быть. А оправдание прошлому — *уже* есть, если есть хотенье движения к изменности. Но это — как бы « прощение ». Значит, оправдания вообще никакого нет, и слова этого нет ».

По контрасту с более ранним периодом своей деятельности (1890-1900), Гиппиус в начале двадцатого века была далеко впереди идей своих современников. Если и можно, с некоторым логическим основанием, назвать Гиппиус раннего периода « декадентским » писателем, если иметь в виду трагический лейтмотив ее поэзии, темы молчания, одиночества, ночной темноты, передающих отсутствие жизни и усталую неподвиж-

ность ее поэтического мира 12), то после 1900 года внутренняя жизнь и настроения Гиппиус изменились полностью : « Во мне много ясных сил, действенных, и много влюбленности в "другое" [Главное и связанная с ним деятельность]. Теперь много сил... » — отмечает она в *Contes d'amour* 13 марта 1901 г. Все устремления Гиппиус были теперь направлены в будущее. Со своими скептицизмом и аналитическим умом, однако, она боялась соблазна сойти с правильного пути, боялась сбиться с него, боялась, что у нее не хватит духовной силы для претворения в реальность Главного. « Не дойду до конца, не дам свою меру. Это уже теперь, когда думаю о будущем, давит меня. А теперь еще так много живой силы во мне! » Ощущение в себе живой силы затем неожиданно покидало ее : « Есть для меня опасность... Я уйду в дух — непременно — и дух разлетится, как легкий пар. О, я не за себя страдаю! Мне себя не жаль. Мне жаль То, чему плохо послужу ». Гиппиус опасалась, что она окажется слишком слабой для приготовления пути и перехода к Христианству Третьего Завета. Ее также тревожила мысль, что она не найдет таких людей, « которые бы в жизнь, а не в смерть глядели... не в свое бы имя, человечье, жизнь устраивали, а во имя Того, Кто их повыше » 13), как говорит Верочка, героиня рассказа « Сумасшедшая ».

Главное было также связано с некоторыми событиями в начале двадцатого века, о которых Гиппиус писала в *Contes d'amour* 16 февраля 1904 г. :

« В самом начале 1902 года в моей жизни (во всей) случилось нечто, — внутреннее, хотя фактическое и извне пришедшее — что меня, в одно и то же время, и опустило, — и подтянуло, — но и выбросило куда-то к людям, в толпу (вот как трудно говорить, когда надо быть узкой!). А еще раньше этого я очутилась среди людей новой среды, к которым присматривалась все время с моей новой точки зренья (до чего далекой от « любви »! И очень близкой к... любви; ну просто нет, я вижу, слов). Короче, реальнее, уже. — К нам в дом стали приходиться священники, лавриты, профессора Духовной Академии, и между ними два, молодые, чаще других. Антон Карташов и Василий Успенский ».

В поисках соратников для Главного Гиппиус привлекла к себе Карташева и Успенского, разговаривая с ними о русской культурной традиции, о русской литературе, об эстетике. « Я баловала их », писала Гиппиус в *Contes d'amour* 16 февраля 1904 г. « Я пыталась показать им *настоящее* красивое и заботливо создавала для них массу *подлинных* внешних мелочей,

от густых деревьев ромашки в моей комнате до стихов Пушкина и Лермонтова,... которые я им сама с любовью читала поздними вечерами. Я хотела и мечтала создать Карташову такой новый мир, который был бы для его растущей души дождем, и она, не смятая, расцвела бы для... *всего* будущего моего». Гиппиус рассказывала Карташеву и Успенскому о Новой Церкви, в которой «Небесное» должно образовать нераздельное целое с «Земным», и которая должна существовать вне всякой зависимости от государства. Церковь, отделенная от государства, должна проповедовать любовь, всеобъемлющую реальность, созданную из союза духа и плоти. Только Христос, по мысли Гиппиус, истинный и законный представитель власти на Небе и на земле. Власть Иисуса Христа это власть новой, всеобщей любви; любовь эта — основа нового, анархического общественного устройства Царства Божьего на земле, теократии. Новая любовь, новая власть Христа продолжает оставаться великой тайной, все еще скрытой от понимания человека; Его власть продолжает оставаться чудом, которое еще не совершилось.

Гиппиус и Мережковский не имели в то время ясного представления о том, какими средствами создать их Новую Церковь. Желая отойти от официальной Православной Церкви, они не хотели оказаться вне ее. Традиция Русской Церкви, с ее эстетической и эмоциональной жизнью, была для них необходимостью. Поскольку другие участники религиозных дискуссий на квартире Мережковских — Бердяев, Федор Сологуб, Минский, Поликсена Соловьева, Розанов, Бенуа, Нуфель, Бакст, Перцов и Владимир Гиппиус (троюродный брат Зинаиды Николаевны) — не умели им помочь в создании более ясной перспективы, их разговоры становились все более и более отвлеченными. У Гиппиус тогда зародилась новая мысль о создании центрального кружка, более цельного по мысли и действию. Выбор ее пал на Философова, который разделял многие мысли Мережковских о религии, о Новой Церкви, о Человечестве Третьего Завета. «Для начала нашего Главного», писала Гиппиус Философому, «должно быть трое, которые впоследствии станут тремя в одном. Должно быть переживание настоящей и символической тайны "одного", "двух" и "трех" в одном кружке. Будем надеяться, что по крайней мере один из нас сможет вступить в это Начало, в это новое "три" Я боюсь, что двое из нас останутся вне Начала; может быть, даже все мы останемся вне Начала, так как... без тайны "двух" не может быть тайны "трех". Я боюсь, что вместо тайны будут только мои усилия, которых я сейчас даже не предполагаю». Таким образом был создан тайный и тесный кружок Гиппиус,

Мережковского и Философова, который продолжал свою деятельность на квартире Мережковских. Основой их организации были следующие два положения: 1) *внешнее* разделение с существующей Церковью, 2) *внутренний* союз с нею. Православная Церковь продолжала привлекать «трио», т. к. Евхаристия, таинство общения с Богом, по их мнению, может иметь место только в Православной Церкви. Евхаристия была главной причиной, предотвратившей внутреннее отделение кружка Гиппиус от Церкви. В «устав» кружка входила моральная ответственность каждого из членов центрального «трио» за других двух членов. Гиппиус уповала на то, что они втроем смогут перебороть в себе страх перед Христом через их любовь к Нему. Она утешала себя мыслью, что если Главное окажется ересью или грехом, они смогут предаться Христу вместе со своим грехом. Во Христе же не может быть греха. Воспринимая свою деятельность как моральный долг перед современниками и последующими поколениями, Гиппиус решила вести дневник, записывая шаг за шагом «историю» Главного в специальной тетради под заглавием *О Бывшем*. Часто находясь в сомнениях и страхе по поводу правильности избранного пути, она записывала в своем дневнике только реальные события — их действия, совместные молитвы, встречи и расхождения. Она хотела большей объективности.

Они постановили иметь свое собственное богослужение дома. Так как Евхаристия составляла в их глазах центр жизни во Христе и Его Церкви, причастие к Его Плоти и Крови, Гиппиус ввела Евхаристию в их «агапу». По мнению «трио», в Евхаристии человек не только отдается Богу, но и активно идет Ему навстречу, принимая участие в Его воле. Человек, утверждала Гиппиус, должен участвовать в Евхаристии всем своим существом и верой в Бога.

Дневник *О Бывшем* повествует о действиях центрального кружка, об усилиях Гиппиус продвинуть их работу, поддерживать часто падающее настроение Философова, нередко сомневавшегося в правильности их действий, побороть собственные сомнения и страхи. Дневник также повествует о создании Религиозно-философских собраний и о журнале *Новый путь*, мысли о которых также зародились впервые у Гиппиус.

Проект Религиозно-философских собраний возник у Гиппиус осенью 1901 г. Получив одобрение Мережковского, она начала обсуждать план Собраний с В. А. Тернавцевым, убежденным сторонником Православия и позже Секретарем Святейшего Синода, с В. В. Розановым, В. С. Миролубовым, редактором *Журнала для всех*, и другими. Все они одобрили проект Гиппиус как возможность начала открытых дебатов на ре-

лигиозные, философские и культурные темы. Делегация в составе Мережковского, Философова, Тернавцева и Миролюбова отправилась к К. П. Победоносцеву, Обер-прокурору Святейшего Синода, и Митрополиту Антонию, известному своими либеральными взглядами, для получения официального разрешения на открытие Собраний. Официальное разрешение было получено, и духовенство С. Петербурга согласилось принимать участие в дебатах 14). Первое собрание состоялось 29 ноября 1901 г., в Зале Географического общества. Епископ Сергей (Финляндский), ректор Духовной Академии в Петербурге, был назначен президентом; епископ Сергей, ректор Духовной Семинарии, — вице-президентом. Направо от президента сидели духовные лица, налево от него — представители русской интеллигенции, между последними Гиппиус, Мережковский, Тернавцев, поэт Минский, художник Бенуа, Перцов («человек большой культуры и эрудиции», по словам Гиппиус), Розанов, Е. В. Дягилева (мачеха С. П. Дягилева) и профессора Духовной Академии: Карташев, Успенский и другие. Русская интеллигенция хотела встретиться лицом к лицу с исторической Церковью и услышать ее голос. Ее представители не сомневались в святости и искренности исторической христианской Церкви. Они лишь хотели ознакомиться со взглядами русского духовенства на прошлое, настоящее и будущее Церкви в ее движении к соборности. Русская интеллигенция хотела нового религиозного восприятия вселенной.

Духовенство, с другой стороны, смотрело на эти собеседования как на религиозную пропаганду, как на «миссию среди интеллигенции» 15). В. М. Скворцов, помощник Победоносцева и редактор журнала *Миссионерское обозрение*, был одним из тех, которые придерживались такого взгляда. Тернавцев же возражал против такого восприятия Собраний. Президент, епископ Сергей, который искренно желал создания более глубокого взаимопонимания между духовенством и интеллигенцией и образования между ними крепкого союза, открыл первое собрание речью к интеллигенции. Тернавцев ответил речью к духовенству.

Тернавцев, взгляды которого были близки к взглядам Мережковских, утверждал, что возрождение России возможно только на религиозной основе. Сам Господь Бог начнет духовную революцию в России, потому что Церковь слаба, недействительна и лишена того религиозного рвения, которое необходимо для пришествия Царства Святого Духа. Для русской Церкви, продолжал Тернавцев, самодержавие было проявлением Божеского закона на земле. Только одна интеллигенция обладает необходимой силой для совершения «гражданской со-

зидательной работы» во имя великой идеи. Окончательная цель русской интеллигенции это — создание на земле нового «возвышенного общества» и нового «возвышенного порядка вещей». Церковь должна проповедовать новое религиозное учение о спасении государства и общества во Христе: «Небесное» и «Земное» должны соединиться во Христе. Такой союз будет началом религиозного и общественного возрождения России. Церковь должна проповедовать общественную миссию христианства; Церковь должна удовлетворять современное общество в его религиозных исканиях. Тернавцев звал к соборности. Розанов обратил свою речь к духовенству с призывом устранить барьер, разделяющий духовенство от мира, и войти активно в жизнь человечества для создания идеального земного существования. Он также призывал к всеобщей религии, которая должна включать в себя веру каждой отдельной нации.

Другим важным вопросом в программе Религиозно-философских собраний, выдвинутым интеллигенцией, был вопрос о взаимоотношении Православной Церкви и самодержавия, подчинения Церкви государству. Е. А. Егоров, убежденный православный и секретарь Собраний, Тернавцев, Скворцов, епископ Сергей и Карташев принимали живое участие в полемике по этому вопросу. Тернавцев и Карташев выражали мнение, что Церковь и государство должны существовать независимо друг от друга. Они ратовали за полную свободу Церкви и пересмотр устаревших концепций и запретов, которые государство наложило на Церковь со времен Петра Великого. Дискуссии на эти темы продолжались в резиденции епископа Сергея и митрополита Антония в Александро-Невской Лавре. Гиппиус, в сопровождении Мережковского, Философова и Розанова, также принимала живое участие в этих дискуссиях.

Всего было двадцать два заседания Религиозно-философских собраний. 5 апреля 1903 г. они были запрещены по приказу Победоносцева. Собrania сыграли большую роль в жизни петербургской интеллигенции, т. к. они предоставили возможность ей и духовенству открыто обсуждать свои взгляды и идеи. Они также способствовали созданию более тесной связи между искусством и религией, между художественной интуицией и тайной духа. Собrania стимулировали у русских художников и писателей чувство «Божественного содержания и смысла красоты». Они призывали к созданию союза между западно-европейской культурой и христианской традицией Востока. В этом смысле Религиозно-философские собрания оправдали чаяния Гиппиус.

Но она считала, что Собrania имели успех только в смысле их «внешнего проявления» и были очень неудачны в их

« внутреннем откровении ». В результате этого они « оторвались » от своего первоисточника, Главного. « *Внутреннему делу* предстоят такие трудности, что страшно и думать », записала Гиппиус в *О Бывшем*, решив продолжать деятельность Главного. Философов осложнял эту деятельность своими постоянными сомнениями и пассивностью. Тем не менее, Гиппиус сумела продолжать развитие « внутренней Церкви » до самой революции 1917 г.

Летом 1902 г. у Гиппиус зародилась новая мысль — создание литературного журнала. Так возник *Новый путь*, помещавший на своих страницах произведения писателей-символистов и доклады о заседаниях Религиозно-философских собраний. Несколько молодых поэтов и писателей прозы печатались впервые в журнале Мережковских : Блок со своим циклом стихов о Прекрасной Даме, поэт Владимир А. Пестовский, позднее печатавшийся под псевдонимом Владимир Пяст, Леонид Д. Семенов, приятель Андрея Белого, писатель-мистик и один из ранних участников Религиозно-философских собраний. Сергей Сергеев-Ценский, писатель Орнаментализма, критик Евгений Г. Лундберг, о. Павел Флоренский и Минский принадлежали также к сотрудникам журнала. Карташев и Успенский помещали свои религиозные статьи в *Новом пути*. Блок помогал Гиппиус в отделе литературной критики и писал статьи о произведениях Вячеслава Иванова, Владимира Соловьева, Розанова и других. Семенов и Пяст писали рецензии, доклады и комментарии к текстам. Розанов помещал в *Новом пути* свои религиозные произведения, Мережковский свой роман *Петр и Алексей*, а Федор Сологуб, один из любимых сотрудников Гиппиус, радовал ее своей поэзией, появлявшейся на страницах журнала. *Новый путь* ставил своей целью соединение культурных членов русского православного духовенства с религиозной частью русской интеллигенции. Все доклады религиозного и философского значения в программе Религиозно-философских собраний печатались под редакцией Гиппиус и Тернавцева в *Новом пути*. Перцов был назначен главным редактором, Е. А. Егоров — секретарем редакции. В январе 1903 г. первый номер *Нового пути* вышел из печати в Петербурге. Журнал, как и Собрания, способствовал перемене атмосферы в русской интеллектуальной жизни и привлек к себе множество читателей. Гиппиус и Мережковский принимали самое непосредственное участие в издании *Нового пути*.

Отношение Философова к Мережковским внутри центрального религиозного кружка резко изменилось 10 октября 1903 г., в день смерти горячо любимой матери Гиппиус. Ее смерть сблизила Мережковских и Философова, образовав тес-

ное « трио » на последующие семнадцать лет, хотя Философов и продолжал время от времени приводить Гиппиус в отчаяние своею слабохарактерностью. Начиная с осени 1903 г., члены кружка Гиппиус вступили в тесные духовные отношения с ее младшими сестрами Татьяной и Натальей, с Бердяевым, Н. Кузнецовым (другом Натальи Николаевны, адвокатом и автором многих трудов по вопросу церковной реформы), Карташевым, Серафимой Павловной Ремизовой (женой писателя Алексея Ремизова) и Андреем Белым. Белый часто присоединялся к частным молитвам Мережковских по четвергам. К группе Мережковских в это время принадлежали также Мариэтта Шагинян, выдающийся поэт и автор нескольких романов, и Зинаида Венгерова, писавшая в *Северном вестнике*, *Образовании* и других литературных журналах. А. П. Волжский, А. С. Глинка и А. В. Руманов, критики, журналисты и « люди вкуса и культуры », по выражению Гиппиус, также входили в религиозную группу Мережковских. Блок, Пяст, Лундберг и Тернавцев принимали участие в некоторых из собеседований. Литургия, однако, как и раньше, происходила без посторонних с цветами, вином, виноградом и свечами. В это время начались раздумья Гиппиус над тайной « одного », « двух » и « трех ». Но теперь она рассматривала эти числа не только в религиозном, но и в общественном плане. « Я всё думала об одной мысли, которую стала подкожно понимать; что всё в том, что 1, 2 и 3. Всё в этом и везде. Так же и : Личность, Пол и Общественность. На этом я всё вертелась, и только это в меня проникало ». Гиппиус хотела теперь видеть общественное устройство в свете принципа троичности. В центре метафизики Гиппиус теперь стояла проблема общественности, которую она раньше не умела связать с религией, мистикой и « метафизическими аргументами ». В философской системе Гиппиус число « один » теперь представляло единство и гармонию человеческой личности, или человеческое « я ». Любовь индивидуума по отношению к другому обозначало « два ». Все « два », представляющие собою единственность и единство составных частей, входили во множественность других « один » и « два ». « Три » воплощало эту множественность, сохранявшую одновременно и цельность отдельных « один » и « два » 16). « Три », таким образом, обозначало общественность. « Вот за это 3, за общественную идею, у нас и началась борьба с Дм. С. Меня поддерживал и Ф[илософов] со своей стороны, общую мою идею не отрицающий », писала Гиппиус в книге *Дмитрий Мережковский*.

« В конце концов он [Д. С.] с нами согласился и сказал: "Да,

самодержавие — от Антихриста!” Я ж, чтоб он помнил, тотчас вернувшись, записала это на крышке шоколадной коробки. Но торопиться записывать не было нужды : Д. С. этого не забыл уж больше никогда... Преследовавшую меня идею об “один-два-три” — он так понял подкожно, изнутри, что ясно : она, конечно, и была уже в нем, еще не доходя пока до сознания. Он дал ей всю полноту, преобразил ее в самой глубине сердца и ума, сделав из нее религиозную идею всей своей жизни и веры — идею *Троицы, пришествия Духа и Третьего Царства или Завета*. Все его работы последних десятилетий имеют эту — и только эту — главную подоснову, главную ведущую идею » (17).

Мережковские еще не включили идею революции в свою философскую и религиозную систему (это произошло позже), но, начиная с 1905 г., они начали проявлять большой интерес к социальным и политическим вопросам. Мережковский смотрел на них с религиозной точки зрения : Церковь находится в порабощении государством, самодержавие ущемляет человеческую личность, пресекая возможность развития в ней свободы и потенциальностей человека. Раньше же Мережковский придерживался мнения, что царь не только возглавляет государство, но является и главой Русской Православной Церкви и, таким образом, представителем Иисуса Христа на земле. Философов же всегда отрицал самодержавие как режим, ущемляющий общественную и политическую жизнь страны. Самодержавие, по мнению Философова, было виновником войн, забастовок, манифестаций и т. д. Гиппиус разделяла отрицательное отношение Философова к самодержавию, но не могла еще примириться с его « стихийным ”отдаванием” стихии революции ».

В это время Бердяев разделял некоторые политические и религиозные мысли Мережковских. Его собственные мысли о свободе, как и его толкование человеческой личности в духовном плане и признание мистического опыта, вызывали большой интерес у Гиппиус и пробуждали в ней желание вовлечь его в свою деятельность по созданию всеобщей Церкви будущего человечества. « Бердяев в мыслях очень сходилась, слушал. А только не ”верил” », писала Гиппиус в *О Бывшем*. « Качался, как маятник, между идеалом мадонны и идеалом содомским ». Бердяев часто посещал религиозные собрания Мережковских в Петербурге и во Франции, куда Мережковские уехали в 1906 г. Но Гиппиус так и не смогла вовлечь Бердяева полностью в свое Главное.

Параллельно всё возрастающему интересу Гиппиус к об-

ществственным и политическим вопросам она не прекращала своей деятельности по созданию «внутренней Церкви». В течение нескольких лет она убеждала Мережковского и Философова поехать вместе за границу в поисках новых соратников для Главного. В Париже, куда они приехали в 1906 г., они встретили многих из своих прежних знакомых — Бенуа, Минского, Бальмонта, А. М. Аничкову, писавшую под псевдонимом «Иван Странник», и Андрея Белого. Мережковские были особенно близки к Борису Савинкову и И. Бунакову-Фондаминскому (оба были эсерами) и к жене Фондаминского, Амалии. Их встречи происходили в Париже и на Ривьере. В результате длинных и оживленных разговоров между Мережковскими, Бунаковым-Фондаминским и Савинковым последний написал роман *Коль бледный*, опубликованный несколько позже Гиппиус в *Русской мысли* П. Б. Струве в Москве под псевдонимом «В. Ропшин». «Я роман Савинкова цензурила и заглавие к нему выдумала», вспоминает Гиппиус в *О Бывшем* в записи от 14 марта 1914 г. «Написан он, конечно, от наших совместных разговоров». В течение 1906-1908 гг. Гиппиус также писала статьи о русской литературе («*Lettres russes*») в *Mercur de France*. В Савинкове и Бунакове-Фондаминском Гиппиус видела возможных участников Главного, но целиком она еще им не открыла своей заветной мысли о Новой Церкви.

В Париже Мережковские общались и с католическим духовенством, в частности с Abbé Portal, ректором Парижской Семинарии, и Abbé Loisy, принадлежавшими к движению, которое Гиппиус обозначала как «борьбу за христианство с исторической церковью» 18), с такими представителями модернистского движения, как Père Labertonnière и его секретарь Louis Canet, оба из *Annales de philosophie chrétienne*, и с Бергсоном. Анатолий Франс был другим собеседником Мережковских в Париже. Религиозные вопросы и идеи обсуждались при встречах этих представителей католического духовенства и модернистского движения во Франции, но и тут Гиппиус и Мережковскому не удалось приобрести новых сподвижников для Главного. Постепенно они пришли к выводу, что Католичество и Русское Православие не могут еще соединиться и что если бы даже они и могли соединиться, их союз не мог бы создать нового религиозного сознания, необходимого для рождения новой, всеобщей Церкви.

Самым активным периодом Главного были два с половиной года, проведенные Мережковскими и Философовым во Франции в 1906-1908 гг. Но этот период включал в себя и «трудные и страшные дни» для них, так как, писала Гиппиус, «мы эти два года были нерадивы, так часто, по отношению к Главному.

Не дали меры наших сил. Я была хуже всех. Лжива, тупа и слаба. Я знаю! Знаю! И самый ужас мой — ужасен, ибо он страх не вечной гибели, а божеских несчастий... Господи! Надо ли отказаться? Это сейчас легче. Но как без помощи [без новых соратников] вернуться в Россию?... Я хочу, чтоб всё мы сделали по воле не нашей. Отдаться в Его волю». Они, однако, продолжали молиться вместе, устраивали свои литургии; Бердяев молился с ними в первый раз в Вербное Воскресенье [1907 г.], до этого он молился с ними только по четвергам. Но вскоре и он разочаровал Гиппиус — своим возвращением в официальную Русскую Церковь. Он укорял Мережковских теперь в том, что они боролись против Церкви, и предлагал им последовать его примеру. « Как будто мы когда-нибудь ”выходили” из нее, как будто Д. С. боролся с церковью, а не за церковь!! Кроме этой неприятности, Д. С-ча ждала и другая: его Павел I, тотчас по напечатании, был конфискован. А это могло грозить и худшими последствиями » 19), писала Гиппиус с горечью в своих воспоминаниях много лет спустя. В своих письмах к Бердяеву, написанных уже в 1926 г., Гиппиус подчеркивала, что ни она сама, ни Мережковский никогда не выходили из Церкви.

Решение Гиппиус идти по пути создания новой Церкви еще раз помогло ей, как и всегда в периоды ее колебаний, избавиться от чувства страха и от сомнений в правильности ее действий. Литургии их продолжались в течение всего их пребывания в Париже. 11 июля 1908 г. они вернулись в Петербург после почти трехлетнего отсутствия из России. Татьяна и Наталья встретили свою сестру с восторгом, т. к. кружок Татьяны, организованный ею по предложению ее знаменитой сестры и состоявший из Натальи и Карташева, должен был расширить и углубить религиозную деятельность Мережковских. Карташев в это время часто ссорился и мирился с Мережковскими, т. к. он не соглашался с « абстрактностью их идей » и их « аристократическим удалением от других ». Он « угрожал » Мережковским, что по примеру Бердяева тоже « вернется » в Церковь, и обвинял Гиппиус, Мережковского и Философова в ереси. Потеряв Бердяева, Гиппиус опасалась, что Карташев также может оставить Главное или открыто противостоять взглядам Мережковских на революцию, религиозную общественность и Третье Человечество. На Гиппиус произвела отталкивающее впечатление и общая атмосфера в столице со стремлением молодежи разрушить все прошлые культурные ценности, не создав ничего положительного взамен. Она с ужасом смотрела на хаос в культурной жизни Петербурга, на вакуум, который стремительно заполнялся модернистскими

идеями, мистикой, пессимизмом, анти-общественными настроениями.

Мережковские стали свидетелями Религиозно-философского общества, основанного Бердяевым и разрешенного правительством. Они и Философов не замедлили присоединиться к этому Обществу, пытаясь повысить его общий идеологический уровень, сделать его похожим на свои собственные Религиозно-философские собрания начала века. Вскоре, однако, они потеряли интерес к Обществу, т. к. оно не способствовало встречам духовенства и русской интеллигенции. Духовенство полностью отсутствовало на собраниях нового Религиозно-философского общества. По словам Гиппиус, на этих собраниях русская интеллигенция занималась вопросами нео-народничества, богоискательства и богостроительства. В этот период Мережковские печатались в *Русской мысли* П. Б. Струве в Москве .

На собраниях Общества Мережковские познакомились с А. А. Мейером, культурным и сведущим человеком в вопросах религии и метафизической философии, профессором Народного университета в Петербурге. Мейер вскоре стал их близким другом, преданным их религиозной системе. Гиппиус, Мережковский и Философов надеялись найти в нем помощника в Главном. Пасху 1909 г. кружок Гиппиус отметил «агапой» совместно с кружком Татьяны, хотя при этом и были некоторые расхождения Мережковских с Философовым и Карташевым. После пасхальной «агапы» Мережковские и Философов опять уехали за границу, для дальнейших собеседований с Савинковым и Бунаковым-Фондаминским, в которых они продолжали видеть будущих помощников в Главном, создателей апокалиптического христианства. Пасху 1910 года они праздновали в Лугано вместе с членами кружка Татьяны, воссоединившимися с центральным кружком для пасхальной литургии. Союз этих двух кружков во время их богослужений очень радовал Гиппиус, все время стремившуюся к росту и углублению Главного.

Осенью 1911 и зимой 1912 г. Гиппиус решила сформулировать главные тезисы их «profession de foi», которые должны были представлять собою краткое, но точное описание их мыслей о религиозной общественности, самодержавии и революции. Их деятельность в Главном также должна была найти себе детальное переложение в словах «profession de foi». Философов был против этих записей; Татьяна одобряла «программу» с некоторыми незначительными ограничениями; Савинков и Мейер соглашались с Гиппиус, — они в это время

были уже посвящены в Главное. Гиппиус, Татьяна и Мейер общими усилиями составили «программу», которую Гиппиус рассматривала, как новое действие, новую обязанность 20), несмотря на узость и недостаточность ее формулировки. Пассивность Философова и его враждебное отношение к деятельности Гиппиус парализовали ее волю и приволили ее в отчаяние. Чтобы убедиться в том, что она поступила в соответствии с Главным, она дала «profession de foi» для прочтения и возможного одобрения Бунакову-Фондаминскому, все еще находившемуся вне Главного. Он одобрил «программу», Философов же продолжал критически относиться к Гиппиус с ее «программой», настаивая на своем желании уехать в Россию, чтобы там отпраздновать «простую русскую Пасху» без Мережковских и их литургии. В этом желании Философова Гиппиус видела разложение их союза на три индивидуума, которые отныне несли ответственность только за свои собственные действия. Это означало крушение их философии, разрушение «устава» их организации. На этот раз утешил ее Карташев. В течение 1912-1913 гг. он опять стал верным другом Гиппиус и ее помощником в Главном. Как президент Религиозно-философского общества он мог помочь ей более, чем когда-либо до этого времени. Его верность вернула ей прежние энергию и решительность в действиях. Профессор Мейер, с другой стороны, разочаровал ее своей нерадивостью, а Савинков своей недалечностью и склонностью к «диктаторству». К его общественным и политическим взглядам она теперь относилась с недоверием. Плеханов начал привлекать ее внимание.

В 1913 г. натянутые отношения между Гиппиус и Философовым поправились, и Гиппиус вновь обрела свое душевное равновесие. Зимой 1913 г. и январь 1914 г. Мережковские и Философов провели в Петербурге. Эти месяцы были очень важны для Главного, т. к. деятельность Религиозно-философского общества в это время способствовала Главному; Карташев деятельно помогал Гиппиус в реализации ее религиозной ответственности. В феврале 1914 г. Мережковские и Философов опять уехали в Париж, и пасхальную литургию 1914 г. они слушали в Русской Церкви на рю Дарю в сопровождении Бунакова-Фондаминского и Савинкова. После литургии все поехали на квартиру Мережковских, где читали вместе Евангелие. Дневник *О Бывшем* кончается записью о важности их пребывания в Париже весной 1914 г. для Главного. Летом 1914 г. центральный кружок вернулся в Петербург из-за начала Первой мировой войны. Оптимистические и патриотические настроения владели умом и сердцем Гиппиус в этот роковой для ее ро-

дины момент. Затем, спустя много лет, печальная приписка рукой Гиппиус в *О Бывшем* :

« КОНЕЦ

все умерли.

я — духовно пока.

Сочельник 1943 г.

Париж ».

Философов умер в 1940 г., Мережковский в 1941, и Гиппиус в 1945. Главное перестало существовать сразу после революции 1917 г.

Для Зинаиды Гиппиус годы 1900-1917, годы Главного, были самыми значительными во всей ее творческой жизни. После революции она перестала отрицательно относиться к Русской Церкви. Эта перемена в ее отношении произошла в тот момент, когда Церковь превратилась в « страдающую » Церковь всех русских и стала жертвой преследований советским правительством. Гиппиус сравнивала свое новое отношение к Церкви с отношением к Церкви всех русских православных, которые были вынуждены остаться в России. « Я с ними в моих мыслях », писала она в 1922 г. « Я совершаю Евхаристию вместе с ними в моих мыслях. Я знаю, что они сохраняют свою верность, как я сохраняю свою веру ». В 1930 г. Гиппиус записала в одном из дневников, что она не отказывается от своей прошлой деятельности во имя Главного. « Я горжусь всею своею душою моей верностью Главному, как может гордиться человек последним своим сокровищем... ». Она продолжала и в годы эмиграции подчеркивать, что воплощение Главного в словах, а особенно в действиях, необходимо для будущего. Это воплощение, она была уверена, произойдет в будущем : « Воплощение этого мирозерцания в словах и, главное, в жизни — необходимо, и оно будет. Не под силу нам — сделают другие. Это все равно, — лишь бы было ».

Гиппиус не имела намерения напечатать свой дневник *О Бывшем*, содержащий некоторые из самых сокровенных ее мыслей, надежд и упований, и вскрывающий ее преданность Главному. Написанный исключительно как « протокол » ее религиозного и эмоционального опыта, *О Бывшем* составляет ценный документ для историка русской культуры.

В ожидании Третьего Царства на земле Гиппиус не ограничивалась выражением своих мыслей и чаяний только в литературных произведениях. Вместе с Мережковским она создала Главное, Религиозно-философские собрания и журнал *Новый путь*, которые сыграли исключительную роль в духовной и художественной жизни русской столицы в начале века. Для распространения своих взглядов на истинно христианскую

мировую культуру, Мережковские привлекли к себе представителей русского духовенства, знаменитых художников и писателей, философов и политических и религиозных мыслителей. Епископ Сергей и митрополит Антоний из Александро-Невской Лавры, Карташев и Успенский из Духовной Академии, Философов, Минский, Вольнский, Андрей Белый, Блок, Перцов, Нувель, Бакст и Бенуа разделяли многие из их взглядов. Бердяев, Тернавцев и Розанов во многом соглашались с их религиозными мыслями. Среди ее политически-мыслящих друзей были Савинков, Бунаков-Фондаминский и Плеханов. Гиппиус и Мережковский пытались выйти за пределы русских кругов в стремлении найти себе сподвижников в Главном среди католического духовенства, представителей модернистского движения. Уверенная в значении Главного для Человечества Третьего Завета, Гиппиус вела дневник всех собраний и событий в религиозной жизни членов центрального кружка. *О Бывшем* представляет собою « историю » Главного с самого его начала через « Золотой век » (1906-1908) и его « смерть » до личного примирения Гиппиус с преследуемой в Советском Союзе Православной Церковью. « История » Главного и горечь Гиппиус по поводу его гибели находят свое выражение и в других дневниках поэтессы. Ее дневники воссоздают атмосферу и рисуют яркую картину того периода в эволюции русской мысли и культуры, который недостаточно исследован в современном литературоведении и современной критике.

Темира Пахмусс

University of Illinois

Текст дневника З. Н. Гиппиус « О Бывшем » начнется печатанием в следующем номере.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Современные записки (Париж, 1927), XXXI, 247. Также см. стихотворение Гиппиус « Три креста » (СПб. 1915).
2. Антон Крайний (З. Гиппиус), « Вечный жид » в Литературном дневнике : 1899-1907 (СПб. : М. В. Прирождков, 1908), стр. 151-152.
3. Там же, стр. 150.
4. З. Гиппиус, Сияния (Париж : Дом книги, 1933).
5. З. Гиппиус, « Вопросы жизни. Сборник ». М, 1906. « Весы » (Москва, 1907), № 1, стр. 64.
6. Там же.

7. См. Д. С. Мережковский, *Грядущий Хам* (СПб. — Москва : Вольф, 1911), стр. 170-171.
8. См. З. Гиппиус, «Великий путь», *Голос жизни* (Петроград, 1914), № 7, стр. 13.
9. З. Н. Гиппиус (Мережковская), «Луна» в книге «Зеркала : вторая книга рассказов» (СПб. : Н. М. Гершенштейн, 1898), стр. 267.
10. Там же, стр. 86.
11. См. статью «Зинаида Гиппиус : Эпоха Мира искусства», подготовленную к печати Т. Пахмусс, *Возрождение* (1968), № 203, стр. 66-73.
12. См. статью О. Масленикова, «Spectre of Nothingness : The Privative Element in the Poetry of Zinaida Hippus», *The Slavic and East European Journal, New Series*, 1966, IV, 299-311.
13. З. Н. Гиппиус, «Сумасшедшая» в книге *Алый меч : рассказы, четвертая книга* (СПб. : М. В. Пирожков, 1906), стр. 184.
14. См. о Религиозно-философских собраниях в воспоминаниях З. Н. Гиппиус, «Дмитрий Мережковский» (Paris : YMCA-Press, 1951), стр. 87-107; статьи Гиппиус «Первая встреча», *Последние новости* (Париж, 1931), №№ 3784 и 3786; «Слова и люди», *Последние новости* (Париж, 1932), №№ 4083, 4091 и 4097; «Правда о земле», *Мосты* (Мюнхен, 1961), № 7, стр. 300-326; Сергей Маковский, «Русский символизм и Религиозно-философские собрания», *Русская мысль* (Париж, 1957), №№ 1124 и 1125.
15. З. Гиппиус, «Правда о земле», *ук. соч.*, стр. 303.
16. См. З. Н. Гиппиус—Мережковская, «Дмитрий Мережковский», *ук. соч.*, стр. 138, и статью Владимира Соловьева «Смысл любви».
17. «Дмитрий Мережковский», *ук. соч.*, стр. 138-139.
18. Там же, стр. 165.
19. Там же, стр. 186.
20. Весной 1912 г. Гиппиус вручила свою «программу» Б. Н. Моисеенко, социал-революционеру, который в это время ехал в Петербург встречать Е. К. Брешко-Брешковскую, «бабушку русской революции», возвращавшуюся из ссылки в г. Киренск (на реке Лена) в столицу. Моисеенко сам был вскоре арестован и сослан в Иркутск, и текст «программы» был утерян в архивах Министерства внутренних дел

Заметки по вопросам современного искусства

Течения в области искусства создаются, развиваются и существуют в прямой связи с понятиями, идеями и верованиями своей эпохи, находятся в соответствии с общим укладом жизни, Существовать наперекор идеям своего времени искусство не может и всегда идет в ногу со своей эпохой.

Процесс смены эпох происходит медленно. Одна эпоха как бы незаметно вытекает из другой. Этот процесс мало заметен для современника. Только на расстоянии времени эпохи обособляются и занимают свое место в истории.

Сообразно этому медлителен и процесс смены направлений в искусстве. Никакое направление не отмирает сразу, никакое новое течение не устанавливается сразу. Новые идеи проникают в жизнь медленно и только постепенно приобретают сторонников и прокладывают себе дорогу.

Поэтому, когда искусство вступает в новую эпоху, существуют всегда две группировки — консервативная, продолжающая прошлое, и авангардная, устремленная в будущее.

Столкновение двух стилей особенно часто наблюдается в произведениях архитектуры, которые создавались в течение долгого времени. В процессе истории искусства можно установить явление такого порядка: искусство не реалистическое, условное, стилизованное изображение окружающего или вымышленного мира сменяется искусством реалистическим. С течением времени искусство снова возвращается к отвлеченному, условному изображению, затем снова наступает возврат к изображению реалистическому

Эти смены направлений в искусстве соответствуют всегда сменам эпох и глубоким переменам происшедшим в историческом развитии народов.

Так условное изображение в искусстве древних народов, главным образом Ассирии и Египта, сменяется расцветом реалистического искусства Древней Греции и Рима. Но еще до наступления христианской эры искусство это начинает клониться к упадку. Византийская эпоха отбросит эти непревзойденные образцы скульптуры, как вовсе не соответствующие духовным требованиям времени и создаст свое условное не реалистическое искусство. Это искусство существовало свыше тысячи лет, перешло на Запад, еще до падения Византии перешло в славянские страны и сейчас еще не исчезло окончательно, поддерживаемое церковной традицией. Средние века

создают готические соборы с их скульптурой, с их устремленностью в мир отвлеченных идей, принадлежащие к произведениям наиболее значительным, которые когда либо были созданы руками человека.

Но снова начинается возврат к реализму. Через художников XIV века, через Джотто искусство входит в эпоху Ренессанса. То, что уцелело от античной скульптуры, появляется на свет, занимает снова почетное место и служит образцом. Религиозные персонажи очеловечиваются и теряют свой божественный и суровый характер.

Этот поворот, как всегда, находится в связи с новым мировоззрением, которое принято называть рационализмом.

В XVI и XVII веках реалистическое искусство достигает расцвета и выдвигает длинный ряд крупнейших мастеров. Но уже в XIX веке начинают проявляться признаки ослабления. Наследство прошлых веков велико и богато и располагает к тому, чтобы жить на счет прошлого. Уже давно подготавливается и образуется академическое направление, основанное на выучке, на следовании заимствованным правилам, враждебное всякому новшеству, застывающее в своих установленных формах. Появляются еще отдельные крупные мастера, образуются группировки, стремящиеся влить новые силы в слабеющий реализм. Импрессионизм — последний взлет реалистического искусства. Это течение стояло на переломе. Начиналась новая эпоха.

Истекшие шестьдесят лет дают возможность сделать некоторые выводы. Всё указывает на то, что реалистическое искусство пришло к состоянию упадка. Современное искусство снова вступает в мир отвлеченных идей. Всё указывает на то, что наша наступающая эпоха будет резко отлична от предыдущей. Сообразно с этим ее искусство будет резко отличаться от искусства предыдущих эпох.

**

Пиацца Навона в Риме лежит несколько в стороне от больших улиц. Невысокие дома простой архитектуры окружают овальной формы площадь. В этой простой оправе три фонтана белого мрамора приобретают особую значительность. В зимние месяцы площадь пустынна, стоянка автомобилей, как видно, запрещена. Это не древний, а старый Рим. Здесь время остановилось за пределами площади, только вода, которая вот уже несколько столетий льется из фонтанов, напоминает о его текучести и непрерывности. У того, кто присаживается на одну из мраморных скамеек, мысли принимают спокойное течение,

и он постепенно, невольно начинает проникаться настроением прошлого.

Многие поколения людей искусства разных стран побывали здесь и видели эту площадь такой же. Многие прошли здесь еще до того как площадь сформировалась и приняла теперешний вид. Они жили еще на диске со всех сторон окруженном морем, но установленном прочно. Медленно поднимались над диском солнце и луна, чтобы освещать и согревать землю. Понятие верха и низа было бесспорно, а не относительно, пространство ограничено и скорость определялась бегом лошади. Их мир возник после потопа и существовал всего несколько тысячелетий. Они не подозревали о существовании доисторических эпох*), не знали ничего о существовании невидимых глазу миров, не заглядывали ни в микроскоп, ни в морские глубины и если мысль их устремлялась к небесным светилам, то они ограничивались наблюдениями. Мифологические персонажи еще не утратили своей жизненности. Персонажи Библии и Евангелия волновали и были предметом размышления и веры, эпизоды из Св. Писания были неисчерпаемым источником для сюжетов. Они представлялись настолько значительными, что к ним можно было возвращаться множество раз. Люди верили в своих героев и считали бесспорно важным оставить для потомства их как можно более точные изображения, как и изображения их подвигов или эпизодов из их жизни.

Их голова не была занята ни тревожными газетными известиями, ни обрывками всякого рода научных сведений, еще не позабытыми или только что вычитанными, ни пустыми сообщениями, переданными по радио. Фотография, кинематограф, телевидение не мешали их непосредственному зрительному восприятию.

Они жили среди обстановки, предметов, которые имели стиль. Любой предмет, будь то простой замок на дверях, носил отпечаток искусства. Они редко путешествовали и по большей части проводили жизнь в одном и том же городе. Мир их не был обширен, мысль не растекалась, а сосредоточивалась на том немногом, что их окружало. Это способствовало концентрации ума и духовных сил — условию абсолютно необходимому для творчества. На все сложные вопросы религия дава-

*) Как это ни кажется невероятным, такая точка зрения держалась еще в половине прошлого столетия. Официальная наука, чтобы не подорвать библейскую версию о происхождении мира, которую она разделяла, отказывалась признать найденные орудия каменного века за орудия сделанные руками человека и отказывалась признать существование доисторических эпох.

ла свой определенный ответ. Потому на искусстве прошлых веков лежит печать ясности и уравновешенности, даже в сюжетах беспокойных, драматических. Даже в группе Лаокоона нет нервности и неровности в технике. Конечно, старые мастера имели свои сомнения и колебания, но они не отражались в их произведениях. Потому и в зрителе они не вызывают ощущения беспокойства. Беспокойство, тревожность начинают проявляться в искусстве позже.

Гоголь, конечно, хорошо знал Пиацца Навона и не раз смотрел как льется вода из фонтана Бенини. С ним (а через него и с Достоевским) входит в литературу тревожное начало, противоречивость и сложность психики человека и жизненных положений. Вся литература пойдет этим путем отрыва от классической линии.

Побывал на Пиацца Навона и Гойя. В его четырех больших композициях в музее Прадо, беспокойство и тревожность не только в кошмарном, трудно уловимом содержании, но и в самом письме, широком и нервном, делают эти композиции совершенно неожиданными для художника, который сформировался в XVIII веке. Писанные в первой четверти XIX столетия, лишены всякой внешней красоты, они будто не принадлежат своему веку и предугадывают беспокойство и тревожность живописи нашего времени.

**
*

В начале нынешнего века, в расцвет так называемой belle époque, ничто, казалось, не предвещало наступления новой эпохи. Правда, Блерио уже перелетел Ламанш, появлялись редкие странной формы автомобили, но в общем представлении это не выходило за пределы появления новых видов спорта.

Сейчас, на расстоянии шестидесяти лет, можно утверждать, что признаки перелома эпохи появились прежде всего в живописи. Живопись как бы раньше всех услышала раскаты грома среди ясного еще неба. Скоро раскаты грома услышали все и во всех областях.

В начале века небольшие группы художников в Париже и в Риме создают направления резко отличные от реалистических тенденций этого времени. Никогда еще в области искусства отрыв от прошлого не проявлялся так резко. Наступала наша эпоха, резко отличная от предшествующей, — эпоха двух мировых войн, революций, социальных преобразований, научных открытий, технических изобретений, заключающих в себе небывалые возможности и неслыханные опасности, механи-

зации, которая проникла и в обыденную обстановку, изменила и продолжает быстро менять весь прежний уклад жизни.

Наступал 14-ый год.

Создаются два направления живописи — кубизм (определение неудачное, «геометризм» было бы точнее) и футуризм. Но футуризм проявился, главным образом, в области теоретических рассуждений, не заключал в себе возможностей для развития и скоро затерялся среди новых, образующихся группировок. Футуризм оставил мало работ, характерных для его теорий.

Кубизм, напротив, оставаясь в пределах идей чисто пластического порядка, привлек внимание авангардных группировок в разных странах и быстро распространился. Очевидно, новое течение отвечало каким-то запросам, каким-то еще неосознанным настроениям наступающих новых времен.

Со стороны публики кубизм был встречен как явление относящееся к области курьеза. Но вскоре появляются редкие критики поддерживающие движение и еще более редкие коллекционеры.

Кубизм послужил отправной точкой для всех авангардных образований нашего времени. Поэтому уместно установить причины и условия, которые вызвали его появление.

Установилось и проникло в художественную критику мнение, что группа художников подсмотрела в работах Сезанна их конструктивное построение и на этой основе создалось кубистическое направление.

Это в высшей степени упрощенная и поверхностная точка зрения. Элементы конструктивного геометрического построения, еще в большей мере чем у Сезанна, можно найти в картинах Паоло Улеччо (XIV век — Лувр, Иффици). Элементы нужные для кубизма можно найти и у Зурбарана (XVII век). Образцы геометрического построения разбросаны в декоративном искусстве и древних, и позднейших времен. Однако движение кубизма не создавалось — для этого не было никакой почвы. Конечно, преемственность всегда существует в искусстве. Кубизм стоит слишком близко к импрессионистам и к Сезанну, чтобы их не заметить вовсе. Футуризм и кубизм создались на основе брожения, которое происходило в умах художников авангардных тенденций, на основе перемены вкусов и взглядов на искусство, на предчувствии наступления новой эпохи и стремления оторваться от эпохи отживающей. Такое же брожение в умах происходило и в литературе и в театре — стремление возвратиться к чистой театральности, отказ от бытовой и психологической драмы, от писанных тривиальных декораций с их застывшими приемами.

В эпоху академизма всякое искусство стоявшее вне академических правил считалось недостойным внимания, его просто не замечали. Но уже импрессионизм резко порывает с академическим направлением. Проявляется интерес ко всему, что отличается от академизма. В конце прошлого века по Европе прокатилась мода на японские гравюры, веера, безделушки — это нашло отражение на некоторых работах импрессионистов. Возникает интерес к иконам, раньше считавшимся только предметами культа. Появляются первые издания по вопросам иконописи. Это тоже находит свое отражение в живописи. Проявляется интерес к скульптуре древних и примитивных народов. Внимание художников привлекает конструктивная сторона этих изображений. Они интересуются народными кустарными изделиями с их декоративностью. Даже уличные вывески, картины художников любителей, детские рисунки, все, что несёт характер непосредственности, что оторвано от ненавистного теперь академизма, привлекает внимание, одобрение и дает толчок для поисков новых форм изображения.

Распространенный в это время стиль, который при его появлении справедливо называли «декадентским» (теперь его называют «900-ый год» или «*belle époque*») своим бесвкусием вызвал у передовых художников стремление возвратиться к формам упрощенным, лишенным дешевой приятности, и к конструктивному их построению.

Авангардные течения начала века создались на почве этих настроений. Картина перестает быть изображением реального мира, хотя бы и преображенного. Предметы и фигуры становятся теперь лишь предлогом, отправной точкой для построения картины путем равновесия цветных планов и линий. Их форма и цвет меняются в зависимости от требований композиции. Живопись сосредоточивается исключительно на своей стороне чисто пластической.

Начав с построения натюр-морта и фигуры, кубизм вскоре дает ряд работ совершенно отвлеченных от предметности и тем открывает дорогу абстрактной живописи.

Характеристика даже только главных направлений современной живописи — мюнхенская группа, экспрессионизм, сюрреализм с их стремлением сохранить содержание в картине, обзор течений абстрактной живописи, а следовательно указания на роль, которую играли в этих движениях отдельные, наиболее себя проявившие художники, отвлекли бы эти заметки далеко в сторону от их намерения — установить, в общих чертах, соответствие и связь современного искусства с глубокими переменами, происходящими в общем складе жизни

и в психике человека в нашу столь отличающуюся от других, наступающую эпоху.

**
*

Художник реалист всегда шел в ногу со своей эпохой. Менялся стиль архитектуры, обстановки, одни костюмы сменялись другими — художник следовал за этими переменами. В картинах и гравюрах отражается жизнь прошлых веков. Но современный художник реалист отказывается следовать за своим веком, — по-видимому, наш механизмирующийся мир, всё, что относится к современной технике, т. е. наиболее характерно для нашего времени, не вызывает в нем ни интереса, ни побуждения к изображению.

Во все времена лошадь была другом и художника, и скульптора. Лошадь со всадником, лошадь в бою, лошадь в упряжи — будь то простая повозка или нарядный экипаж. Сейчас лошадь (кроме лошади беговой) исчезла. Автомобиль не только сам по себе не представляет интереса для его изображения, но он искажает вид городских улиц, превращенных в гараж, потерявших всякую привлекательность. Этот процесс искажения автомобилем пейзажа медленно проникает и за город. Но художник избегает изображать и все другие механические средства передвижения — метро, автобусы, аэропланы, которые, однако, занимают видное место в нашей повседневной жизни.

Парусные суда были любимой темой художника во все века. Они почти исчезли, а наши огромные пароходы не поддаются изображению. Обстановка и убранство комнат, предметы домашнего обихода прежних веков создавались руками ремесленника, носили отпечаток его личного вкуса. Существовали корпорации ремесленников, производившие вещи не только хорошего качества, но достигавшие высокой художественности, во всех областях, будь то ковры, ткани, фарфор, металлические изделия, изделия из дерева, кованное железо. Всё это всегда имело свой стиль. Наша обстановка, предметы домашнего обихода, кухонная утварь утратили всякую привлекательность. Наше машинное производство заботится только о технической, утилитарной и коммерческой стороне дела. Всё что проходит через машину, обезличивается. Машина на всё кладет свою печать мертвенности и однообразия. Наши электрические и газовые печки, холодильники, машины для стирки белья, аппараты радио и телевидения, музыкальные аппараты, как и все, что относится к электрическому освещению, справедливо не вызывают у художника реалиста никакого ин-

тереса к изображению и отбивают охоту и к интерьеру, и к натюр-морту.

Наша архитектура, занятая разрешением технических проблем, отбросила декоративный элемент, утрачивает чувство пропорций, что составляет основу архитектуры. Архитектор перестает быть художником, он становится инженером. Строго говоря, наша архитектура идет по пути исчезновения как искусство. Отдельные исключения, отдельные попытки не меняют положения в целом.

Наша архитектура создает улицы, лишённые интереса для изображения. За городом эти многоэтажные коробки разрушают пейзаж. Наше техническое и механизированное строительство и производство оторваны от эстетики.

В связи с меняющимся складом жизни и иным мировоззрением отмирают сюжеты, служившие живописи. Редко кто возвращается к религиозным сюжетам. Батальная живопись исчезла совсем. Война потеряла свой дуэльный характер столкновения противников лицом к лицу. Современная техническая, разрушительная война утратила свой прежний ореол романтизма. На две мировые войны живопись не отозвалась вовсе. К тому же сцены сражений в фильмах вполне заменяют зрителю батальные картины. Как и исторические сюжеты.

Все что относилось к музыке — оркестр, музыкант, наконец, просто музыкальные инструменты — всегда находило отражение в живописи. Все это отходит на задний план, вытесняемое механическими музыкальными аппаратами.

То же и театр. И зрительный зал, и сцена, и кулисы множество раз служили сюжетом. Все это утратило свою прежнюю значительность, оттесненное кинематографом. Но кинематографа живопись не заметила вовсе.

Механизация сельских работ подорвала интерес к этого рода сюжетам. Площади представляют теперь просто огромное скопление фигур. Они лишены своего настроения покоя, отдыха и уединенности. Современная реалистическая живопись не отображает нашу действительность, она ее избегает. Художник, изображая площадь города, переполненную автомобилями, их отбрасывает. Площадь представлена такой, какой она была в давние времена. Конечно, художник может отбросить всё неприемлемое для живописи, что нам предлагает наша техника, но он начинает себя сознавать оторванным от современности. Реалистическое искусство нашего времени смотрит назад, в прошлое. Напрасно будущий историк будет искать в современной реалистической живописи то, что отражает нашу эпоху. Он не найдет почти ничего. Документальная сторона изображения отошла теперь к фотографии.

**
*

Фотография, с новыми усовершенствованными способами ее воспроизведения в печати, в огромной степени повлияла на изобразительное искусство. Современный человек живет среди бесчисленного множества фотографических отпечатков в журналах, книгах, на уличных афишах. Кинематограф, телевидение передают всё происходящее в нашем мире в движении. Эпизод, происшедший в далекой стране, передается на другой конец света и в несколько часов распространяется в огромном количестве оттисков. Мы бесконечно далеки от того недавнего времени, когда о каком либо заморском звере можно было судить только по редким гравюрам или литографиям. Фотография вполне удовлетворяет любопытству и интересу современного человека к тому, что происходит в мире.

Наша печатная техника убила многие отрасли графического искусства — литография почти исчезла, гравюры, изображавшие примечательные здания, площади, улицы разных стран, исчезли, вытесненные фотографическими почтовыми карточками, рисованные рекламные афиши исчезают, вытесняемые увеличенными фотографиями или фотомонтажем.

Но более всего влияние фотографии сказалось на портрете. Портретная живопись, которая занимала первостепенное место, идет по пути исчезновения. К тому же наш современный костюм не располагает художника к изображению фигуры во весь рост. Костюмы прежних времен были чрезвычайно разнообразны. Каждая страна, провинция, каждый класс населения, каждая профессия имели свои костюмы. Сельские костюмы отличались от городских. Декоративность костюмов располагала художника к их изображению. Складки одежды давали и скульптору античной эпохи, и скульпторам позднейших времен неисчерпаемый материал для разработки. Можно поставить вопрос — что представляла бы собой античная скульптура, если бы скульпторы того времени имели перед собой модели, одетые в наши костюмы. Но и современный скульптор отказывается их изображать, разве по необходимости на официальных памятниках. Наш костюм лишен декоративности, лишен складок, он обтянут и во всем мире стремится к однообразию.

Женский костюм не придает важности и значительности фигуре и приближается к жанру костюмов опереточных.

Фотография в огромной мере изменила взгляд художника на окружающий его мир. Всё, что может передать фотография, — точность изображения, обилие деталей, — утратило интерес. Художник начинает стараться показать то, что недо-

ступно фотографии, избегает всякого сходства с фотографией и, следуя по этому пути, отходит от природы все больше и больше.

В нашем механизированном, порывающем с эстетикой мире живопись начинает отрываться от действительности и, раз оторвавшись, продолжает свой путь в поисках новых возможностей. Она завоевывает себе самостоятельное, независимое от природы положение.

**

*

За истекшие шестьдесят лет авангардные течения и в живописи и в скульптуре разрослись и заняли значительное место. Они имеют свои галереи, журналы, свою критику, свои музеи в столичных городах разных стран, своих коллекционеров, наконец, своих ценителей среди широкой публики. Но главное — они не утратили своего динамизма и продолжают развиваться, не застывая в установившихся формах.

Этого нельзя сказать о реалистической живописи нашего времени.

Если сравнить наше шестидесятилетие с соответствующим отрезком времени XIX века (не говоря уже об эпохах расцвета реализма), то станет очевидным, что реалистическое искусство нашей эпохи вошло в полосу упадка. В этом отрезке времени XIX века мы находим еще Гойю, движение романтизма с Делакруа во главе, натурализм Курбэ, Тёрнера, огромное наследство которого включает в себе всё нужное для появления импрессионизма. Импрессионизм был подготовлен. Не упоминаем о многих других значительных художниках того времени.

Наше реалистическое искусство за истекшие шестьдесят лет не создало ничего подобного. Появлялись еще отдельные художники, которые стремились выйти из пределов пост-импрессионизма, но каждый брел своей дорогой. Они не могли найти новую линию, создать новое движение реализма и оставались одиночками. Появлялись и художники, которые, не порывая с фигуративностью, далеко отходили от реализма. Но и здесь не выявилось никакого общего движения.

Снижение уровня реалистического искусства можно в большом масштабе видеть в Советском Союзе в живописи, так называемого, социалистического реализма.

На всемирной декоративной выставке в Париже в 1925 г. в советском отделе были представлены конструкции, основанные на принципах кубизма, графика, где выявлялись тенден-

ции весьма отличные от прежних тенденций « Мира искусства » и такие же эскизы и макеты театральных декораций, Декорационные конструкции стояли далеко впереди того, что делалось в это время в других странах, и особенно привлекли общее внимание.

С тех пор положение резко изменилось. Нормальный, свободный ход развития искусства был остановлен.

Была извлечена из забвения и положена в основу точка зрения, существовавшая во второй половине прошлого века в кругах нигилистов и их сторонников, — только то искусство оправдано, которое полезно. Другими словами — служит орудием пропаганды и распространения идей, считающихся, по моменту, полезными, с порицанием всего, что считается вредным. В свое время эта ограниченная теория нашла свое неудачное отражение в так называемой « поэзии гражданской скорби » и в анекдотических сюжетах ранних передвижников. Теперь эта теория, как обязательная, была навязана художникам лишенным возможности работать в условиях независимости. В своих произведениях художник должен теперь отображать пафос строительства, культ работы, героев труда и вождей.

Но во все времена, у всех народов человек всегда стремится улучшить условия своего существования, во все времена производились работы. Часто художник, если таково было его расположение, изображал сцены труда. Но идеи социального порядка не могут быть положены как обязательные в основу искусства. Искусству нужны идеи более увлекательные, свои собственные, как они свободно складываются в умах людей посвятивших себя искусству.

Современная реалистическая живопись должна ставить себе и разрешать задачи, прежде всего, живописного порядка в отношении композиции, формы, цвета, новых живописных приемов, должна найти и установить отличный от прежнего взгляд на мир, открыть в природе еще неизвестные ее стороны, как это бывало всякий раз в смене реалистических направлений, как это сделали в последний раз импрессионисты. Только так она сможет снова приобрести утраченную жизненность... Новые сюжеты должны раскрываться в новых способах живописного выражения, соответствующего взглядам современного человека, и должны быть подчинены замыслам художественного порядка.

Но поиски, опыты — что составляет характерную особенность живописи нашего времени — совсем чужды художникам Советского Союза, которые идут по линии, уже давно отбро-

шенной, анекдотической иллюстративности, заимствуя все приемы у художников предшествующих поколений *)).

Живопись художников Советского Союза не выходит за пределы иллюстративности, лишена увлечения, взлета, она вызывает воспоминание о живописи передвижников начала века. Но так как искусство не терпит повторений, эта живопись не может не только превзойти, но и достичь уровня живописи отцов и дедов и неминуемо идет по пути упадка.

**
*

Творческое мышление никогда не было чуждо искусству. Музыка, архитектура по существу своему абстрактны. В декоративном искусстве, и в скульптуре, и в живописи, абстрактные формы встречаются во все времена у всех народов — в декоративном скульптурном орнаменте, в ювелирных изделиях, в коврах, тканях. Всё мавританское искусство абстрактно. Это не могло быть иначе — натура предлагает абстрактные формы на каждом шагу: разбросанные на столе спички, скомканный лист бумаги или материи, преломляющееся отражение в стеклянном сосуде, корки от очищенных фруктов. Вне комнаты природа тем более дает бесконечное разнообразие абстрактных форм — стены в пятнах и трещинах, покрытые плесенью, камни, кора деревьев. Безразлично скользит по ним невнимательный взгляд, но они останавливают иногда внимание художника и вызывают у него стремление разобраться в этом бесконечно разнообразном мире форм, линий, планов, уловить секреты его строения и, наконец, привести его в систему, преобразовать сообразно законам художественного порядка. Еще недавно глаз человека видел только внешнюю оболочку природы. Но наш кругозор расширился. Благодаря научным достижениям глаз современного человека проникает и вглубь — он видит неизвестные миры открытые микроскопом, видит морские глубины и, даже, начинает проникать на другие планеты. Музеи Естественной Истории, Археологии, многочисленные иллюстрированные издания показывают бесконечное разнообразие неизвестных до сих пор форм и предметов. Мысль художника принимает другие направления. Сообразно духу нашей эпохи художник тоже вступает на путь открытий и изобретений в своей пластической области и начинает создавать формы несуществующие, невиданные. Извлеченные из небы-

*) Есть указания, что в Советском Союзе в живописи, как и в литературе, существуют течения, выходящие из официальных, дозволенных рамок, но они не могут себя показать.

тия, созданные на холсте или из камня, дерева, железа, эти формы приобретают существование, становятся реальностью.

Они лишены внешней красоты, гармоничности, украшенного сентиментализма — того, что трогало людей прошлых поколений и что сейчас вызывает лишь воспоминание об отошедшем.

Интерес этих новых форм заключается в их неожиданно сти, в остроумии и изобретательности, с которыми они построены, в приемах и способах, которые были применены для выявления общего замысла.

Но независимо от себя самого, художник вкладывает в свое произведение им самим мало осознанные индивидуальные особенности, свои подсознательные настроения. Они неминуемо отражаются в его произведении. Если его внутренний мир пуст, так же пусто и бессодержательно будет и его создание.

Зритель приглашается войти в эти неясные области, уяснить намерения и, если он найдет в себе отклик, как бы пережить мысли и ощущения, которые владели художником.

Здесь всё сложно и трудно уловимо. Мы далеки от ясности и простоты классической эпохи.

Менее значительно расстояние, которое отделяет нас от византийского искусства. Искусство нашего времени, как и отвлеченное искусство византийское, отбрасывает — анатомию в строении человеческого тела, перспективу и линейную, и воздушную, реалистическую передачу светотени, всякую имитацию природы. То же ощущение непонятности, оторванности от нашего мира вызывает свод византийской мозаики в battistero собора во Флоренции (как и на многих других мозаиках и на некоторых иконах). Сюжет настолько подчинен воображению, развивается так сложно в многочисленных с трудом различаемых персонажах, что совсем ускользает от внимания. Зритель вбирает в себя сумму ощущений от призрачных, неземных красок, где местами пробивается позолота, — и входит в воображаемый, нездешний мир чудес, где все с трудом уловимо. Сюжет растворяется в общем художественном, отвлеченном замысле.

Даже математика, в алгебре, оперирует величинами отвлеченными и числами воображаемыми. И однако приходит к точным выводам. Чтобы доказать правильность построения в области эстетической, тем более нет надобности прибегать непременно к фигурам и предметам реально существующим. Не затемненная реальностью тем яснее выступит правильность или ошибочность формулы эстетического порядка.

Если за истекшие шестьдесят лет живопись и скульптура приняли направление резко отличное от прошлого века, то так же значительно изменились и внешние условия, в которых они сейчас находятся.

Узкий еще недавно круг художников, критиков, коллекционеров и торговцев картинами расширился теперь чрезвычайно. В начале века в Париже существовало три больших салона, ежегодно устраивавших свои выставки. Сейчас число салонов возросло чрезвычайно и соответственно увеличилось число картинных галлерей. Увеличилось и число выставяющих. Многие из них не проходят нужную для художника долгую подготовку. Случайно и легко приставшие к искусству, в расчете на быстрый успех, или для препровождения времени, они так же быстро и легко отпадают. Но им на смену приходят другие. Коллекционер прежнего типа, который составлял свою коллекцию, руководствуясь единственно своим личным вкусом, дорожил ею и не помышлял с нею расставаться, исчезает.

Баснословное повышение цен, через которое прошли картины периода импрессионизма, фовизма, кубизма, как и некоторых других позднейшего времени художников, привлекло к покупке картин лица, для которых картина — не больше как средство помещения капитала и предмет, который может повыситься в цене и принести доход. При таком подходе художественная ценность картины самой по себе теряет свое первостепенное значение: главное теперь — подпадает ли картина под категорию, которой на рынке уже придана высокая ценность. Необычайно расширившийся круг торговцев картинами ведаёт этими делами. Они устанавливают моду, готовят спрос, создают репутации. Они широко пользуются орудием нашего времени — рекламой. Новый покупатель, отличный от прежнего коллекционера — знатока и любителя, не будучи в состоянии разобратся в многообразии различных тенденций и в художественном качестве картины, считается единственно с рекламой. Можно сказать, что цена картины прямо пропорциональна сумме истраченной на ее рекламу. Такое положение уже установилось и в области кинематографической, и в области механической музыки, где производители фильмов и дисков с легкостью и быстротой создают знаменитости, которыми восхищается загипнотизированная рекламой широкая публика. Эти знаменитости забываются и исчезают с такой же легкостью, как они и появляются. На смену приходят другие. Не только случайно приставшие к искусству, но иногда и настоящие художники не брезгают прибегать ко всякого рода публичным скандальным выходкам, уверенные в том, что каждая из них будет подхвачена и газетами, и кинематографом, ста-

рающимися дать своим читателям или зрителям занимательное чтение или зрелище. Здесь каждый хочет извлечь свою выгоду.

Нельзя сказать, чтобы критика старалась прояснить и расчистить положение вещей, которое иногда принимает уродливые формы.

В прошлом веке, в эпоху господства академического направления, всякое новшество, всякое отклонение от установленных правил и приемов считалось признаком неумения и незнания художественного ремесла. Даже такие художники как Курбэ, Манэ, Сезанн не допускались в официальный Салон. В наши дни положение изменилось в сторону диаметрально противоположную. Всё, что отличает картину от других, признается качеством. В основу оценки положена индивидуальность — *personnalité* художника. Этим понятием злоупотребляют, что приводит к положениям таким же уродливым, как нетерпимость эпохи академизма.

Молодой художник прошлого времени не помышлял о *personnalité*. Он становился художником не раньше, как усвоил все, что мог передать ему его *maître*. В процессе долгой самостоятельной работы начинала проявляться (если она у него была) его индивидуальность — его собственные, отличные от других особенности. Индивидуальность была как бы завершением всего его творчества.

В наши дни многие молодые художники, часто лишенные всякого знания ремесла и художественного чутья, следуя единственно духу моды, сразу начинают с утверждения своей индивидуальности. Это приводит их неминуемо к созданию вещей надуманных, фальшивых, к своего рода трюкам, где сказывается единственно стремление что-то выкрикнуть, чтобы обратить на себя внимание. Если такого рода произведения и не похожи на другие, то они ничего общего не имеют и с произведениями искусства *). Однако, и такого рода произведения находят и свои галереи, и своих ценителей снобов, которые больше всего боятся показаться отсталыми и потому готовы приветствовать всё, что «*très personnel*».

Не стоило бы упоминать о явлениях этого рода, поскольку они стоят вне искусства. Но они соседствуют иногда с вещами достойными внимания, снижают уровень выставки, сби-

*) К большому холсту, забрызганному в несколько минут, как придется, красками, прикреплен крошечная клетка. Клетка, в которую посажена канарейка, прикрыта тряпочкой — защита от электрического света. В таком положении канарейка должна оставаться месяц, пока длится выставка.

вают с толку малопосвященного зрителя и уродуют общий характер авангардных течений.

Все это будет отброшено временем. Как это бывает всегда, время сделает свой отбор и история искусства будет судить нашу эпоху по тому, что останется лучшего. Все фальшивое, наносное уйдет в темные углы лавок старьевщиков, прежде чем исчезнуть окончательно.

**
*

Прогресса в искусстве нет, есть только эволюция. Движение искусства выражается не восходящей линией, а линией волнообразной. Есть точки подъемов, есть и точки снижений.

Возможно, что история искусства поставит авангардные направления нашего времени на точку снижения, признав за ними, по сравнению с прошлым, упадок ремесла, вызванный их многосторонностью, разрозненностью поисков в разных направлениях. Но история должна будет признать — истекшие шестьдесят лет дают нам уже право вынести это суждение, — что это искусство со всеми своими колебаниями и дерзаниями наиболее отражало нашу беспокойную, тревожную эпоху — эпоху перелома, когда, следуя закону эволюции, искусство снова порывает с реальностью и снова выходит в область мира отвлеченного.

Это искусство отлично от прошлого, как будет отлична и наступающая атомная, электроническая эпоха. Быть может, будущий историк признает, что это искусство, оторванное от реальной жизни, находилось в созвучии с идеей, всегда занимавшей воображение человечества, — главной и смелой идеей нашего времени — отрыва от нашего земного шара и проникновения в неведомые пространства в поисках новых миров.

М. Ф. Андреенко

Демографический дефицит в СССР

Не все то золото, что блестит

Отошедшие и присоединенные территории

Одно из назначений советской статистики заключается в недопущении сравнений между последствиями социализации народного хозяйства в Советском Союзе и состоянием других стран, в том числе и дореволюционной России. Вот почему публикуемые в СССР цифровые данные — арифметически точные — носят условно двусмысленные обозначения. Для всех непосвященных в их редакционные тайны, они исключают тем самым возможность сколько либо убедительных сопоставлений. К обычным, в числе прочих, приемам засекречивания относится сообщение, в ныне публикуемых справочниках, абсолютных величин для предсоветского периода не по всем 101 губерниям и областям Российской Империи, а за вычетом территорий:

или оккупированных неприятелем в войну 1914-1917 гг.;

или отошедших с 1917 по 1921 год;

или окончательно отошедших и временно отделившихся с 1918 года по конец гражданской войны, включая Закавказские Республики, Туркестан, Д. В. Р. и т. п.

В результате, все современные сведения о «капиталистической» России охватывают фактически — но не приводя их числа — лишь 72 губернии (Европейская часть Империи, без Финляндии), или 63 (без Финляндии, Привислинского Края и Бессарабии), или даже только 50 (без 8 Финляндских губерний, 10 Польских, 12 Кавказских губерний и округов, 11 Центральной Азии, да всех Сибирских и Дальне-Восточных) ...При таких неизвестных, всякое научно приемлемое сравнение статистических данных о Советском Союзе и о прежней России требует предварительного уравнивания 4 возможных географических пространств: или СССР в его границах до 1939 года — с Россией за вычетом отделившихся от нее окраин; или, наоборот, Советского Союза со включением присоединенных им после 1939 года территорий — с Российской Империей, но тогда в ее границах до 1917 года.

В преодолении официального смещения учитываемых объектов и для нахождения общего для них территориального

знаменателя, укажем раздельно отделившиеся после 1917 года территории и присоединенные после 1939-го :

ОТОШЕДШИЕ ТЕРРИТОРИИ С 1917 ПО 1921 ГОД

С 1917 года	кв. километров	жителей
Финляндия	357.749 1)	3.345.647 9)
С 1918 года		
Эстония	45.100 2)	1.079.172
Латвия	63.700	1.596.131
Литва (без Мемеля)	65.200	1.988.600
Русская часть Польши (10 Привислинских губ.)	127.319 3)	14.000.000 10)
С 1920 года		
Бессарабия	33.968 4)	2.344.800
С 1921 года		
Белорусская часть Польши	127.512 5)	1.333.795
Карс и Ардаган	16.500 6)	139.253 11)
	<hr/>	<hr/>
	837.048	25.827.398

ГОСУДАРСТВА ПОД ПРОТЕКТОРАТОМ

Танно-Тува		
(Протекторат с 1913/14 г.		
Народная Республика с 1921)	170.500 7)	65.000 12)
Хива		
(Протекторат отменен с 1921 г.)	57.800 8)	800.000
Бухара		
(Протекторат отменен с 1921 г.)	205.000	3.000.000

ТЕРРИТОРИИ « ВОЗВРАЩЕННЫЕ » В 1939-1945 гг. 13)

Печенга	10.581 км. км.	4.300 жителей
Финляндская часть Карелии	41.772	470.000
Эстония	45.100	1.126.400
Латвия	63.700	1.950.500
Литва (без Мемеля)	65.200	2.879.100
Белорусская часть Польши и Вольнь	127.512	(12.671.800 вместе с Галицей)
Бессарабия	33.968	3.250.000
	<hr/>	<hr/>
	387.833	22.321.100

1) Примечания см. стр. 104.

Общая же протяженность России на январь 1917 года определялась по старым географическим руководствам: минимально — в 20.184.500 кв. километров, а максимально — 21.837.737 или 22 миллиона (в круглых цифрах), со включением Протекторатов и совокупной площади в 187.300 кв. км. Каспийского и Азовского морей. Против 22.402.200 кв. км. для СССР 1945 года.

Народонаселение России и СССР.

Игнорируя или намеренно смешивая только что разобранные территориальные величины, публикуемые теперь статистические показатели так и остаются не сведенными к общему географическому знаменателю для России и для СССР. Потому они и оказываются несопоставимыми, в частности и в плане демографическом.

Пользуясь раз и навсегда усвоенным приемом, коммунистическая отчетность с успехом вводит в заблуждение изучающих ее иностранцев. Возьмем, к примеру, вопрос о численности населения до и после войны с Гитлеровской Германией. Последняя официально учтенная численность народонаселения на январь 1939 года была, в свое время, определена по советским Ежегодникам в 170 миллионов. По опубликованному же в 1948 году сообщению Молотова, на январь этого года в СССР числилось: в границах 1917-1939 гг. — 170 млн. жителей, а с населением присоединенных, возвращенных и аннексированных после 1939 г. территорий — 193 миллиона¹⁶⁾. Следовательно, в своих неизменных границах, Советский Союз насчитывал в 1948 году то же число жителей, что и в 1939. Или еще точнее: 170.268.278 в 1939 г. и 169.486.200 — в 1948¹⁷⁾.

Между тем, двадцатью годами позже, жонглируя меняющимися размерами страны, Статистические Ежегодники (издания уже 1968 года) показывают для 1940 года цифру в 194,1 млн., а для 1950 — в 178,5 млн. жителей, — но не уточняя, что вторая, как и первая из опубликованных цифр включают население уже присоединенных после войны территорий! Таким образом, величина в 194,1 млн. скрыто подается, как «подразумевающая» население СССР в его границах до, а не после 1939 года... Отсюда намек на грубо ошибочный вывод: с января 1940 по январь 1950 года СССР потерял 15,6 миллионов жителей. Естественный, мол, прирост населения не покрыл всех потерь, вызванных войной... Тогда как, на самом деле — как всегда и везде после каждой войны — в худшем случае количество населения остается стационарным, т. к. сама природа компенсирует возросшую смертность приумножением числа

рождений. Не составил исключения и СССР. Его действительные потери за годы войны, сверх причиненных нормальной смертностью, должны быть исчислены в 7 с половиной миллионов: убитыми, пропавшими без вести, невозвратившимися военнопленными, мобилизованными ост-арбайтерами и добровольно эвакуированными, а также погибшими, при переселении в Азию, репрессированными народностями Крыма, Кавказа, немецкого Поволжья и т. п.¹⁸⁾ Короче говоря, за вычетом указанных Молотовым 23 миллионов жителей присоединенных на Западе территорий, численность народонаселения СССР, в его границах до 1939 г., приостановилась на 170 миллионах. Кстати сказать, на количестве, остававшемся неизменным во все последние годы Сталинского режима.

Воздавая должное осмотрительности советских статистиков, следует отметить, что, для после-революционного периода, к описанной перетасовке разновременных и разнопространственных величин они прибегают лишь попутно... Спекулируя на неосведомленности заграничных толкователей, их основное усилие направлено на устранение сопоставимости между дореволюционной Россией и современным СССР. Поэтому, зашифровывая площадь учитываемых территорий, ныне издаваемые советские Справочники безнаказанно приводят численность народонаселения Российской Империи: для 1897 года в 124,6 млн., вместо 128,2 по результатам Всероссийской Государственной Переписи, а для 1913 — в 159.153.000 или 159, 2 млн. вместо 174,0!

Действительная численность народонаселения России, по официальным источникам и сообщениям Правительства Международному Институту Статистики в Гааге, может быть сведена в следующую таблицу:

Год	Вся Империя	Финляндия	Империя без Финляндии	Россия без Протекторатов и Финляндии
1897	128.195.483 ¹⁹⁾	2.857.038 ¹⁹⁾	125.338.445	123.318.445 ³²⁾
1900	135.900.000 ²⁰⁾	3.000.000	132.900.000 ²¹⁾	
1910	163.778.800 ²²⁾	3.115.197 ²³⁾	160.700.000	
1911	167.034.200 ²⁴⁾	3.134.200	163.900.000	
1912	171.054.949 ²⁵⁾	3.154.949 ²⁶⁾	167.900.000	
1913	174.095.820 ²⁷⁾	3.195.820	170.900.000	167.635.000 ³³⁾
1914	178.379.000 ²⁸⁾	3.231.169	175.100.000	
1915	182.182.600 ²⁹⁾	3.268.299	178.900.000	
1916	184.799.273 ³⁰⁾	3.299.273	181.500.000	
На конец				
1917 г.	187.945.647 ³¹⁾	3.345.647	184.600.000	180.735.000 ³⁴⁾

Само собой разумеется, что для последующих сравнений с СССР, в его границах с 1921 по 1939 год, из 187,9 миллионов населения России должны быть вычтены 25,8 млн. жителей отошедших территорий, принявших иностранные гражданства. При таком уточнении, сопоставимое население бывлой России на конец 1917 года должно быть исчислено в 162,15 млн. Принимаемая же население Хивы и Бухары, в зависимости от источников, в 3,8 или 3,0 миллиона, получаем, за вычетом всех отделившихся от России территорий и Протекторатов, на тот же конец 1917 года — 158,35 или 159,15 миллиона жителей ³⁵).

Чрезвычайная убыль.

Как мы убедились, сообщая численность народонаселения дореволюционной России, советская статистика умышленно замалчивает охватываемые ею территории. Что и проводит к двойной подтасовке: цифра в 159,2 млн. отнесена к 1913 году, вместо 1917, и ко всей Империи, вместо страны, утратившей 837 тысяч квадратных километров своих Европейских провинций и, в качестве минимума, 25,8 млн. жителей... Бесконтрольный показ численности населения на 1913 год в 159,2 млн. вместо действительных 174 миллионов, оправдан требованиями, конечно, не научного, а исключительно политического порядка: уловка вызвана необходимостью скрыть чрезвычайную убыль в 14,5 миллиона собственного населения с 1918 по 1922 год включительно.

В это число входят, прежде всего, 4,5 миллиона убитых, включая гражданское население, в результате восстаний, партизанщины, гражданской и советско-польской войн ³⁶). А, по их окончании, еще и эвакуированные остатки белых армий и ушедшая в эмиграцию часть населения. В одну только гражданскую войну потери советской армии исчислены в 631.758 убитыми и 581.066 ранеными и пропавшими без вести ³⁷). Общее же число убитых в Красной и Белых армиях составило 1,5 миллиона ³⁸).

За то же пятилетие, с января 1918 по январь 1923 года, по опубликованному советской печатью итогу ко дню юбилея ВЧК-ОГПУ, число приведенных в исполнение административных «приговоров» к расстрелу выведено в почти 5 миллионов ³⁹).

Напомним, наконец, что в 1921/22 году умерло от голода 5.053.000 жертв правительственной политики периода «военного коммунизма» ⁴⁰).

Противоестественная убыль населения в СССР, конечно, не приостановилась на 1922 году и на цифре в 14,5 миллиона.

Достаточно сослаться на умерщвление, с 1928 по 1933 год, 5.469.000 крестьян, повинных в уклонении от вступления в колхозы и безвозмездной передачи им имущества своих индивидуальных хозяйств. По докладу Молотова на 8 Съезде Советов 1939 года, из 5.618.000 « кулаков », числившихся на конец 1923 года, оставалось в живых на 1 января 1934 г. — 149.000 ⁴¹⁾.

Общее же число крестьян всех категорий, не только расстрелянных, но и замученных на смерть в концлагерях и ссылке за пассивное сопротивление « коллективизации », определено лично Сталиным, при его беседе с Черчиллем, в 10 миллионов ⁴²⁾.

С того же 1928 по 1933 год, от вновь дважды допущенного коммунистической иерархией голода, погибло еще до 6 миллионов душ ⁴³⁾.

В заключение и за отсутствием точных данных об исчисляемых миллионами жертвах судебных и административных расправ среди беспартийного населения с января 1923 года по день смерти Сталина, 5 марта 1953 года, ограничимся напоминанием достижений социалистической инквизиции среди самих коммунистов. За одно лишь четырехлетие с 1933 по 1937 год, расстреляны и умерщвлены в концлагерях 798.072 члена партии и комсомола ⁴⁴⁾.

В истории Советского Союза чрезвычайная убыль населения дважды достигала неожиданно рекордных размеров, в несколько раз превысивших плановые предположения властей.

В Ленинский период коллективной диктатуры (с его продолжением до 1926 г.) потери страны, в ее неизменных границах 1917-39 гг., определяются разницей между 162 миллионами населения в 1917 году и 147.027.915 по Государственной Переписи на 12 декабря 1926 г. ⁴⁵⁾. Убыль оказывается равной 15 миллионам! Однако, как мы видели, исчезновение этих 15 млн. душ Советам удалось скрыть путем выдачи цифры в 159,15 млн. за народонаселение всей Российской Империи, а не Империи с заранее вычтенными 28,8 миллионами жителей отошедших губерний и протекторатов. Систематически замалчивая цифру в 187,9 млн., представляющих собою подлинную численность населения Империи на конец 1917 года, и намекая на необходимость вычета хотя бы 25,8 млн. жителей отпавших одних русских губерний из будто бы бывшего совокупного числа в 159,1 млн. Советы заполучают якобы от дореволюционной России всего-навсего 133,3 млн. населения. По сравнению с каковыми, величина в 147 миллионов по Переписи 1926 года призвана лживо свидетельствовать о полном демографическом благополучии...

В отличие от Ленинского периода, удостоверение убыли

населения при Сталине не нуждается в ссылках на дореволюционную статистику. Для показа числа потерь, сверх причиненных нормальной смертностью, достаточно сослаться на уже цитированные официальные советские цифры: 165,7 млн. жителей на конец 1933 года и 167,3 — на конец 1937, по результатам последней предвоенной Переписи. Во все приведенное четырехлетие среднегодовой прирост населения дает, стало быть, 400.000 душ, тогда как в дореволюционной России тот же прирост, с 1913 по 1917 год, составлял 3,5 миллиона, т. е. почти в 9 раз больше. (См. прим. 16).

Подобные результаты Всесоюзной Переписи 1937 года, при отсутствии каких бы то ни было стихийных бедствий: войн, голодовок, восстаний, эпидемий и т. п., не могут быть объяснены ничем иным, как вновь возникшей необходимостью «физической ликвидации» десятков миллионов человеческих жизней в осуществление очередных политических мероприятий. Но признание подобной необходимости Сталин и его окружение, не без оснований, сочли недопустимым. По их повелению, результаты Переписи были признаны не подлежащей оглашению государственной тайной. Лишь полутора годами спустя и уже для 1939 года была, наконец, опубликована в качестве предположения плановая цифра в 170 миллионов, — на смену предшествующей и **фактической** в 167,3 млн.

Только после смерти Сталина Советы отказались от дальнейшего сокрытия наиболее показательных демографических сведений. Начиная с Переписи 15 января 1959 года, опубликование численности народонаселения СССР становится регулярным. Благодаря этому мы и узнаем, что нынешний среднегодовой прирост советского населения в 3 миллиона — все еще значительно уступая дореволюционному — означает отказ от исключительно бесчеловечных Ленинских или Сталинских методов управления...

Демографический дефицит.

Насильственное водворение социализма в России повлекло за собой не только единовременные и чрезвычайные убыли населения, но и последующее непрерывное замедление его естественного прироста.

Каковы бы ни были причины этого феномена — единственного в мире, — попытаемся учесть его размеры. Тем более, что их подсчет не встречает особых затруднений. Достаточно произвести его по выкладкам западных экономистов, полностью использовавших заслужившие их доверие официальные советские показатели.

Во избежание всякой полемики, воздержимся от какого бы то ни было выбора и, по всем известным нам работам, удержим все без исключения установленные разными авторами коэффициенты ежегодного прироста советского населения. Их приложение к 162-миллионному числу жителей в 1917 году (за вычетом отошедших территорий) и к 193-миллионному в 1948 (вместе с присоединенными территориями) позволяет вывести следующие **плановые** и **фактические** количества народонаселения, соответственно на 1939 и на 1968 гг. :

**Народонаселение СССР без отошедших территорий в 1939 году
(при 162 миллионах жителей в 1917 г.)**

	Плановое	Фактическое	Дефицит
По Ноттенштейну ⁴⁶⁾ — при коэффициенте прироста в 18,0 %	239,86	170,26	69,60 м-нов
По Лоримеру ⁴⁷⁾ — при коэффициенте прироста в 20,5 %	253,16	170,26	82,90
По Венгеру ⁴⁸⁾ — при коэффициенте прироста в 20,78 %	253,41	170,26	83,15
По Жорре ⁴⁹⁾ — при коэффициенте прироста в 21,24 %	257,23	170,26	86,97
По Тэрри ⁵⁰⁾ — при коэффициенте прироста в 21,8 %	260,37	170,26	90,11

**Народонаселение СССР с присоединенными территориями в 1968 году
(при 193 миллионах жителей в 1948 г.)**

	Плановое	Фактическое	Дефицит
По Ноттенштейну — коэфф. 18,0 %	275,75	236,7	39,0
По Лоримеру — коэфф. 20,5 %	289,61	236,7	52,9
По Венгеру — коэфф. 20,78 %	289,87	236,7	53,2
По Жорре — коэфф. 21,24 ‰	293,84	236,7	57,1
По Тэрри — коэфф. 21,8 %	297,08	236,7	60,4

По коэффициентам приведенных выше авторов (максимально благоприятных), обнаруженный, вопреки их предвидениям, недоприрост населения в СССР составлял, следовательно, накануне войны, т. е. на январь 1939 года, от 69,6 до 90,1 млн. жителей за все предшествующее двадцатидвухлетие, с 1917 года. За период же с 1948 по 1968 год тот же недоприрост составил дополнительно от 39 до 60,4 млн.

За выключением спорного десятилетия 1939-1948 (прирост ли в 2,7 или убыль в 7,5 млн.?), ориентировочный дефицит народонаселения с 1917 на 1968 год может быть исчислен, мини-

мально, — в 108,6 млн. (69,6 + 39,0) и, максимально — в 150,5 млн. душ.

К аналогичным выводам приводит и сравнение прироста населения в Советском Союзе и в Соединенных Штатах Америки. С 1917 по 1968 год число жителей в США возросло с 97 до 201 миллиона, другими словами, на 207 %⁵¹). При том же приросте в приложении к 170,6 миллионам населения России 1917 года (187,9 за вычетом 3,3 для Финляндии и 14,0 для 10 польских губерний), СССР должен был бы насчитывать на январь 1968 года — 353 миллиона жителей, а не официально учтенные 236,7, — тем самым вскрывающие дефицит в 116,3 млн...

Как бы ни были убеждены иностранные исследователи в неизменности, а то и увеличении бывшего прироста населения России в связи с водворением в ней социализма, любые подсчеты по удержанным ими выкладкам удостоверяют обратное: снижение среднегодового прироста населения при Советах, вслед за периодами его абсолютной убыли при Ленине и Сталине.

Не видеть этого можно лишь, принимая на веру цифровые показатели советской статистики, без предварительной расшифровки ее эзотерического языка.

И. Челдон

ИСТОЧНИКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1) По современным географическим справочникам, Финляндия насчитывает от 305.396.000 до 306.000.000 кв. километров, за вычетом 52.353 аннексированных Советами. Следовательно, на 1917 год территория Финляндии должна быть исчислена, в круглых цифрах, в 358 тысяч кв. км. В 1900 году и до последующих административных перерасчетов ее территория равнялась 364 тысячам кв. км. («Большая География Бонга», фр. изд., Париж. 1912). Некоторые географы доводят ее до 377.000, с учетом площади озер в 25.000 кв. км.

2) Территории Эстонии, Латвии и Литвы приведены по советским Статистическим Ежегодникам.

3) «Новый Иллюстрированный Лярусс». Энциклопедия (Париж. 1905-1910 гг.).

4) Франсуа де Роменвилль. «СССР — этот незнакомец» (фр. изд. Париж, 1947).

5) Белорусская часть Польши и Волынь вместе с Галицией — от 177.012 до 180.000 кв. км. (Фр. де Роменвилль. Цитиров. изд.); за вычетом аннексированных Советами 49.500 кв. км. Галиции (Советские Ежегодники), получаем для Белорусской части Польши и Волыни — 127.512 кв. км.

6) « Большая География Бонга » (уже цит. изд.).

7) 170.500 по советским Статистическим Ежегодникам или 165.696 кв. км. по Фр. де Роменвиллю (цит. изд.) и Энци. Словарю « Лярусс XX столетия » (Фр. изд. Париж, 1928-33).

8) Для Хивы и Бухары, см. Энци. Словарь « Лярусс XX столетия ».

9) Численность населения Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы и Бессарабии приведена согласно результатам первых национальных переписей, по « Демографическому Обзору всех стран Мира » — Сборнику Международного Института (Гаага. 1923). В 1919/20 году население Мемеля — 140.000 жителей.

10) По ориентировочной переписи 1920 года население Польши исчислено в 26,8 миллионов, из коих : 8,0 — в Галиции, 2,8 — в Познани, 2,0 — в Силезии и 14,0 — в русской части (без Вильно) : Бовман. Новый мир (Париж. 1928). По государственной переписи от 30 сентября 1921 года, население Польши, вместе с уступленной ей по Рижскому Мирному Договору частью Белоруссии и Волынь (в марте 1921 г.), исчислено в 15.333.795 жителей. Следовательно, на Белорусскую часть с Волынь приходится — 1.333.795, а на собственно Польские 10 губерний Привислинского Края — 14.000.000, по предыдущей переписи (см. прим. 9 — « Демограф. Обзорение »).

11) В 1918 году по всему Округу Карса-Ардагана числилось 139.253 жителя (Альманах « Гота », 1919). В почти полностью разрушенных войной городах оставалось : в Карсе — 21.000 и в Ардагане — 4.150 жителей. До войны и массовой эмиграции населения в Турцию, тот же Округ насчитывал 210.000 жителей; наконец, после присоединения к Турции — 409.000 (статья « Карс » в Б. С. Э., 2-го изд., том 20) или — 492.000 (по « Истории России » П. Милюкова. Фр. изд., том 3).

12) На конец 1917 года, население Танно-Тувы — 65.000 (см. цит. изд. Фр. де Роменвилль и « Лярусс XX столетия »), Хивы — 800.000 (Альманахи « Гота ») и Бухары — 3.000.000 (статья « Союз Советских Социалистических Республик » в Э. С. « Граната », том 40) дают вместе — 3.865.000 жителей.

13) Площади даны по советскому Статистическому Ежегоднику (Москва. 1968) и Фр. де Роменвиллю (см. цит. изд.); население — по Прокоповичу « Экономическая история СССР » (фр. изд. Париж, 1952). Для Белорусской и Волынской частей Польши — см. примеч. 5-ое.

14) Для Хивы и Бухары — см. примеч. 8-ое; для Танно-Тувы и всех Европейских аннексий — см. советские Статистические Ежегодники; для Южного Сахалина и Курильских Островов — см. цитир. изд. Фр. де Роменвилля.

15) Для Финляндии — см. советские Статистические Ежегодники и

современные географические справочники; для Польши — см. прим. 3-е; для Карса-Ардагана — см. прим. 6-е.

16) Отметим, что плановая цифра в 170 млн. на 1939 год (точнее : 170.268.278) представляется максимальной, ибо предшествующая Всесоюзная государственная перепись выявила на конец 1937 года всего лишь 167,3 млн. жителей, против 165,7 млн. на конец 1933 года. Из чего следует, что за целое четырехлетие прирост населения оказался равным 1,6 млн., а среднегодовой — 400.000. Подобное доказательство приостановки нормального прироста вынудило Советское правительство воспретить опубликование столь неожиданных результатов проведенной переписи, — а десятью годами спустя определить для 1939 года плановую цифру народонаселения в 170 миллионов.

Цифра в 165,7 млн. на конец 1933 года приведена по Прокоповичу (см. прим. 13) и Котту (Котт. « Французский инженер в СССР ». Фр. изд. Париж, 1945). Цифра же в 167,3 млн. на конец 1937 г. дана по Прокоповичу (см. прим. 13), Лоримеру (« Советское народонаселение — Его история и его перспективы ». Фр. изд. Париж, 1946) и « Известиям » от 29 апреля 1940 г.

17) Жорре « СССР — Земля и люди », стр. 77, 87, 158, 233 (Фр. изд. Париж, 1946); Д-р Кизер « Тайна русской мощи », стр. 86 (Фр. изд. Париж, 1945); Проф. Марков « Россия сегодняшнего дня », стр. 7 (Фр. изд. Париж, 1947); « Тетради по Советской Экономике », № 3 — 1946 год (Фр. изд. Париж, 1946).

По всей видимости, исчисляя население присоединенных территорий в 23 миллиона, Молотов исключает 2.660.000 арестованных и сосланных в советскую Азию поляков, литовцев, латышей, эстонцев и других представителей аннексированных народов.

18) По официальным показателям советских Ежегодников, население СССР возросло со 165,7 млн. на конец 1933 или 1 января 1934 года, до 170,2 млн. на 1 января 1939, что дает несколько менее одного миллиона среднегодового прироста. За военное пятилетие (1941-1945 гг.), даже с учетом усиленной рождаемости, нормальный прирост населения, за вычетом военных потерь, должен был бы составить, таким образом, 5 миллионов душ, а вместе с переселенным (на неизменную территорию СССР) населением оккупированных стран — 7,5 миллионов. Какова бы ни была величина потерь, вызванных войной, при народонаселении в 170 миллионов непосредственно до и непосредственно после войны, убыль оказывается равной, максимально — 7,5 миллионам!

Наоборот, при удержании прежней, выведенной в свое время советской переписью, цифры в 167,3 млн. жителей на январь 1938 года и ее сопоставлении со 170 миллионами на январь 1948, военные потери оказываются, в таком случае, компенсированными приростом населения в, примерно, 2,7 млн.!

При обоих вариантах, — недоприросте населения в 7,5 миллионов или, наоборот, приросте сниженном до 2,7 млн. — число потерь убитыми на фронте может быть ориентировочно исчислено в 2,5 млн., исходя из предположения, что потери Советов вдвое превысили потери немцев на их Восточном фронте и, к счастью, оказались в 5 раз мень-

шими, чем по голословным заявлениям советских и подсоветских авторов. Точные потери немцев известны по сообщениям, учтенным Генеральной Ставкой. Пятикратное же вздутие действительных потерь некоторых из воюющих стран встречается у всех спекулирующих на чужих трупах в доказательство некоего сверх-патриотизма. В иллюстрацию сказанного достаточно сослаться, например, не только на французскую печать, но и на нашу собственную, русскую или советскую. Так, по согласным данным: Учетно-Статистического Отдела Командного Управления Всероссийского Главного Штаба, Главной Полевой Военно-Санитарной Инспекции при Штабе Верховного Главнокомандующего и, наконец, справки для Союзников Главного Управления Генерального Штаба и Ставки Верховного Главнокомандующего, наши потери на 1 января 1917 г. составили минимально 546.253 и максимально 562.644 одними убитыми. Между тем, в наши дни для потерь русской армии все чаще и чаще называется цифра в 2,5 млн. убитыми. Иначе говоря, в 5 раз выше действительных потерь. (Грац, Куркин и Кувшинников. Труды Комиссии по обследованию последствий войны 1914-1920 гг. Изд. Наркомздрава, 1923; Новосельский «Материалы по статистике травматизма, болезненности и инвалидности в войну 1914-17 года», без указ. года изд.).

19) Всероссийская перепись. Энциклопедический Словарь Брокгауза и Эфрона. Дополнительный том.

20) Хромов «Экономическое развитие России в XIX — XX веках» (Изд. Академии Наук СССР. Москва, 1950) и Гулевич «Царизм и Революция» (Франц. изд. Париж, 1931).

21) Начиная с 1900 и по 1917 год включительно, население Империи без Финляндии приведено по цитированной работе Хромова.

22) «Малая Перепись», по ее результатам население всей Империи — 163.778.800 жителей, в т. ч. Европейская Россия — 133.934.497. («Ежегодник России». Изд. ЦСУ М-ства Внутренних Дел, 1910 и 1913).

23) Международный Статистический Ежегодник. Том V — Состояние и движение народонаселений (Франц. изд. Гаага, 1916).

24) Альманах «Гота» (выпуск 1914 г.); по другому источнику — 166.949.400 жителей («Административные, экономические, статистические, торговые и промышленные данные о Российской Империи», на франц. языке. Изд. Министерства Торговли и Промышленности. Петроград, 1915).

25) Тэрри. Экономическое преобразование России (Фр. изд. Париж, 1914); «Демографическое Обзорение разных стран Мира» — Сборник Международного Института Статистики (Гаага. 1923 г.).

26) Начиная с 1912 и по 1917 год включительно, население Финляндии приведено по уже цитированному Сборнику Международного Института Статистики (см. прим. 23).

27) Население Империи без Финляндии, по Хромову (прим. 18), и Финляндии, по Сборнику Гаагского Института (прим. 23), дают совместное — 174.095.820 жителей; по Гулевичу (см. прим. 18) — 174.500.000.

28) Статья « Российская Империя » в М. С. Э., первого изд. Том 7.

29) « Календарь » изд. Суворина (Петроград, 1917). По тому же Календарю, население Финляндии — 3.277.100 жителей.

30) Население Империи без Финляндии, по Хромову (прим. 18), и Финляндии, по Сборнику Гаагского Института (прим. 23), дают совместно — 184.799.273 жителя. На конец 1916 года — 186 миллионов, по работе П. Ковалевского (История России. Фр. изд. Париж, 1934).

31) Население Империи без Финляндии, по Хромову (прим. 18), и Финляндии, по Сообщению Русского Правительства в Гаагу от 31 декабря 1917 года (Сборник Международного Института Статистики), дают совместно — 187.945.647 жителей (Гулевич. цит. изд. стр. 74, 76, 90, 305).

32) В 1898 году население Хивы — 520.000 жителей и Бухары — 1.500.000 (статья « Хива » в М. С. Э., том 7; статья « Союз Советских Социалистических Республик » в Э. С. « Граната », том 40; Альманахи « Гота », в частности 1919 года. За вычетом 2.020.000 жителей Хивы и Бухары, получаем 123.318.445 для народонаселения России, без Финляндии и Протекторатов.

33) Для 1910-1913 гг. население Хивы — 700.000 (Энци. Словарь « Лярусс XX столетия ». Фр. изд. Париж, 1928), Бухары — 2.500.000 (« Большая География Бонга » фр. изд. Париж, 1912 и « Новый Национальный Словарь Бешерелля ». Фр. изд., Париж. Год не указан) и Танно-Тувы — 65.000 (Фр. де Роменвилль, см. прим. 4) дают совместно — 3.265.000 жителей. За их вычетом, получаем народонаселение России, без Финляндии и Протекторатов, в 167.635.000.

34) На конец 1917 года, население Хивы — 800.000, Бухары — 3.000.000 и Танно-Тувы 65.000 жителей (Альманахи « Гота »; Э. С. « Граната », том 40; Э. С. « Лярусс XX столетия »; Фр. де Роменвилль, цит. изд.; « Новый Национальный Словарь Бешерелля »), а всего — 3.865.000. За их вычетом, получаем народонаселение России без Финляндии и Протекторатов в 180.735.000 жителей.

35) В дополнение к приведенной таблице, напомним численность народонаселения России за годы предшествующие XX столетию, по « Большой Географии Бонга » (Париж, 1912) :

1724 год — 14 млн.	1835 — 60 млн.
1742 « — 20 «	1851 — 69 «
1790 « — 26 «	1858 — 74 «
1815 « — 45 «	1897 — 128 «

36) « Дижест Католик », стр. 96 (Фр. изд. Париж, 1950).

37) Статья « РСФСР » в Энци. Словаре « Граната », том 36.

38) Зайцов. Динамика населения СССР за 1952 год (« Вестник Института по Изучению СССР ». Мюнхен, 1953).

39) Юбилейные статьи в « Известиях » (Архив двухнедельника « Цивилизация и Большевизм ». Париж, 1940).

40) Прокопович. Экономическая история СССР (на фр. языке. Париж, 1952).

- 41) Жарэй. «Панорама (или Картина) России до смерти Сталина», стр. 172 (Париж, 1954).
- 42) Черчилль. Военные мемуары. Том 2 «Поворот Судьбы», стр. 78-93 (Франц. изд.).
- 43) «Дижест Католик» (см. прим. 36).
- 44) Сен-Польен. Почему я проиграл войну. Стр. 386 (Фр. изд. Париж, 1968); ссылка автора на Брюссельскую газету «Суар» и советский журнал «Партийная жизнь» (Москва, октябрь 1967 г.).
- 45) Статья «Население СССР» в Б. С. Э., первого изд., том «СССР»; «Плановое Хозяйство», № 6 — 1939 г.; Лоример «Советское народонаселение — его история и его перспективы» (Фр. изд. Париж. 1946).
- 46) Ноттенштейн. Будущее население Европы и Советского Союза (Фр. изд. Париж, 1944).
- 47) Лоример. Советское народонаселение — его история и его перспективы (см. прим. 45).
- 48) Венгер. Экономический подъем СССР. (Фр. изд. Париж, 1941).
- 49) Жорре. СССР — Земля и люди. (Фр. изд. Париж, 1946).
- 50) Тэрри. Экономическое преобразование России. (Фр. изд. Париж, 1914); А. Гулевич. Царизм и Революция.
- 51) Народонаселение США в миллионах жителей :
1800 год —	5,3	1917 —	131,0
1860 « —	31,3	1950 —	156,0
1900 « —	75,9	1965 —	194,5
1914 « —	91,9	1968 —	201,0

П. А. Столыпин и «Третий путь»

Вот уже пятьдесят лет социалисты ведут между собой спор: по мнению одних поворотным пунктом в истории России была Февральская революция, а по мнению большевиков — Октябрьская революция. Оставим этот спор на их совести, зная хорошо, что те и другие толкали Россию к ненужной для нее революции. Да и народам России от этого спора не легче.

Есть третье мнение, утверждающее, что поворотный пункт в истории России наступил с убийством П. А. Столыпина и что это событие определило дальнейшую судьбу России. (Покушение на Столыпина было произведено 1 сентября 1911 г., а смерть наступила через четыре дня). Об этом мало говорят и почти совсем не пишут. «Левая» болезнь, которой была одержима революционная интеллигенция до 1917 г., еще не выветрилась. Но напрасно социалисты доказывают, что только они представляли до Февраля всю Россию. Теперь каждому подростку известно, каким путем партии присваивают себе право выражать мнение народа и действовать «от его имени и в его интересах».

Они забывают, что в России была еще и третья сила, возглавляемая подлинно прогрессивной интеллигенцией и умеренными либералами, которые в судьбоносные годы не пошли за партийными вожаками, а взялись за оздоровление жизни мирным путем.

Вдохновителем и душой этого начинания и был Столыпин, выдвинутый событиями 1905-6 годов на арену государственной жизни. Он считал, что для преобразования России не нужна революция, причиняющая неисчислимые бедствия народу, что обновление страны можно проводить без потрясений, без жертв и крови, а постепенно с помощью реформ успешно начатых еще в царствование Александра II. Методами Пугачева и Стеньки Разина нельзя устранять пороки и недостатки порожденные крепостничеством, для этого надо находить другие способы.

Историки и дожившие до наших дней свидетели тех событий говорят, что если бы Столыпин остался жив и продолжал возглавлять правительство, то сам по себе ничтожный Сараевский конфликт не превратился бы в мировую войну (у Столыпина хватило бы ума разрешить его дипломатическим

путем), а успехи мирного строительства были бы настолько велики, что революция не встретила бы поддержки в народе.

Чтобы убедиться в правильности этого, обратимся к истории.

Вот как отзывался о Столыпине последний Германский император Вильгельм II в беседе с министром финансов России Коковцевым : « Я променял бы всех моих министров на одного вашего Столыпина ». Не меньше ценили его и другие государственные деятели. И не случайно пуля студента Богрова была направлена именно в премьер-министра, а не в Государя, вблизи которого он находился в момент открытия памятника Царю-Освободителю Александру II в Киеве. Всех удивляло тогда это обстоятельство, да и тайна убийства так и осталась невыясненной по сей день, так как Богров, выполнивший наверняка поручение какой-то террористической группы, был одновременно агентом департамента полиции и на всех допросах не проронил ни единого слова. Загадочной осталась и « необходимая » спешка, проявленная властями при следствии и расправе с самим убийцей.

Много спорят о том, творят ли историю массы, или отдельные личности, коих в наше время называют « вождями ». Столыпин не был вождем, он не вел за собой массы, но работал для народа, в окружении явных врагов слева и недоброжелателей справа.

Деятельность его протекала в самый бурный период начала нашей эпохи, когда в результате усердия революционной интеллигенции государственные устои были настолько расшатаны, что призрак революции висел в воздухе.

Страна была охвачена забастовками и волнениями, рабочее движение расширялось, усилились аграрные беспорядки сопровождаемые поджогами помещичьих усадеб, студенты выходили на улицу и провоцировали толпу к восстанию, стали железные дороги, перестали работать почтово-телеграфные служащие. В Москве же в начале 1906 года эти беспорядки перешли в вооруженное выступление, подавленное вызванным из Петербурга Семеновским гвардейским полком.

Нужно заметить, что все это происходило уже после манифеста 17 октября 1905 года о даровании конституции, когда был положен конец существованию в России неограниченной монархии, — когда даны были народу незыблемые основы гражданской свободы на началах неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов, — когда столь желанное народоправство было осуществлено и работала уже Первая Государственная Дума. Но, как известно, аппетит приходит во время еды. Ни конституция, ни свободы, ни народо-

правство теперь уже не удовлетворяли революционеров. Они добивались окончательного уничтожения монархии.

Вот в это грозное и опасное для России время министром внутренних дел был назначен решительный и волевой человек, Столыпин, который быстро установил, что Дума не собирается работать с правительством, а, наоборот, бойкотирует все его решения. Дошло до того, что через голову правительства Дума стала непосредственно обращаться к народу, за что и была 8 июня 1906 года распущена.

Выяснились и слабые стороны правительства во главе с мягкотелым Горемыкиным, не умевшим прибегать к действенным мерам в борьбе с грозившей опасностью, ввиду чего он был уволен в отставку и заменен Столыпиным, сохранившим и пост министра внутренних дел.

Когда после роспуска Первой Гос. Думы вновь начались беспорядки, новый премьер-министр не растерялся и 19 августа 1906 года издал закон об учреждении военно-полевых судов. В результате этой крайней и необходимой меры было казнено 683 человека, — а жертв революционного движения в 1906 году было 767 убитых и 820 раненых среди представителей и агентов власти.

Борясь за порядок в стране, Столыпин одновременно приступил к осуществлению реформ во всех областях жизни. Они были изложены в его декларации и сводились в основном к следующим вопросам: крестьянское равноправие и землеустройство; бессословная самоуправляющаяся волость, в качестве мелкой земской единицы; реформа местного управления и суда; передача судебной власти в руки мировых судей, избранных населением; по рабочему вопросу — легализация профессиональных союзов, наказуемость экономических стачек, страхование рабочих в случаях болезни, увечий, инвалидности и старости, сокращение рабочего времени; школьная реформа, общедоступное, а впоследствии и обязательное начальное образование; финансовая реформа — облегчение налогового бремени народных масс и введение подоходного налога.

Вторая Дума, заслушав правительственную декларацию, не проявила к ней большого интереса, подвергнув суровой критике земельную реформу. Она также не пожелала работать с правительством и ее ожидала та же участь, что и Первую Думу. Она была распущена за сношение думской фракции социал-демократов с военной организацией Р. С. Д. Р. П., которая готовила вооруженное восстание в войсках. Часть членов фракции после суда была сослана на поселение в Сибирь, а часть на каторгу сроком до пяти лет.

Только в третьей Думе декларация была одобрена и мно-

гие мероприятия Столыпина нашли сочувствие и поддержку со стороны большинства ее депутатов.

Главное внимание и все свои усилия Столыпин направил на проведение аграрных реформ и разрешение крестьянской проблемы « путем поднятия экономического уровня масс крестьянства, освобождения их от общины и предоставления действительной свободы, личной и имущественной, с правом распоряжаться своей землей как личной собственностью ».

Как взрыв бомбы поразило всех Столыпинское решение покончить раз и навсегда с общиной, которую почти все считали идеальной формой крестьянского землевладения, главную причину деревенской бедности видя только в малоземельи. Все, и левые, и либеральные группы, и крайние правые стали обвинять Столыпина в « насильственном » разрушении общины.

Но особое сопротивление проявляли социалисты-революционеры, которые на съезде своей партии в Лондоне вынесли следующее решение : — « Правительство поставило себе целью распылить крестьянство усиленным насаждением личной частной собственности или хуторского хозяйства. Всякий успех правых в этом направлении наносит серьезный ущерб для революции » — « с этой точки зрения современное положение деревни прежде всего требует со стороны партии неуклонной критики частной собственности на землю, критики, чуждой компромисов со всякими индивидуалистическими тяготениями ».

Не трудно догадаться, что соц.-революционеры как и все прочие левые партии видели в общинах прообразы будущих колхозов и потому так старательно оберегали их от разрушения.

Корни современного колхозного хозяйства введенного в СССР уходят глубоко. Ведь большевики ничего сами не выдумали и не изобрели, а взяли за основу и включили в программу по земельному вопросу все то, что подготовили в свое время основоположники « нигилизма » (Писарев) и « народничества » (Добролюбов и Чернышевский) с их попутчиками. Вот как горячо они отстаивали сохранение общинного владения землей :

« Наша сельская община есть основная ячейка... Мы хотим, чтобы земля принадлежала не лицу, а стране; чтобы у каждой общины был свой надел, чтобы личных землевладельцев не существовало, чтобы землю нельзя было продавать » — заявлял Михайловский.

Лавров в журнале « Вперед » писал : « Для русских специальная почва для будущего развития есть крестьянство с

общинным землевладением. Развить нашу общину в смысле общинной обработки земли и общинного пользования ее продуктами, сделать из мирской сходки основной политической элемент русского общественного строя, поглотить в общинной собственности частную, дать крестьянству то образование и то понимание его общественных потребностей, без которого оно никогда не сумеет воспользоваться своими льготными правами... — вот специальные русские цели ».

Бакунин также требовал передачи земли общинам и упразднения наследственной собственности, а его последователи Нечаев и Ткачев в журнале «Набат» писали: «В будущем постепенно преобразовать современные крестьянские общины в общины-коммуны».

Другой раз Михайловский писал: «Общинно-трудовые традиции русского крестьянства, привыкшего к коллективному распоряжению мирской землей, делают его гораздо более восприимчивым к идее социализма, чем строй частной земельной собственности как на Западе, который делал из крестьян мелкую буржуазию, не доступную для пропаганды социализма».

Славянофилы в лице Хомякова, Кошелева, Аксаковых, Самарина, Киреевских, Черкасского и некоторых других также идеализировали общину и каждый по-своему ее отстаивали и защищали.

Как жаль этих талантливых и убежденных писателей и публицистов, так близко к сердцу принимавших крестьянскую нужду того времени — и так глубоко заблуждавшихся, видя только в общине залог ее устранения. Как бы хотелось, чтобы они ожили и посмотрели, в какого уroda обратилось лелеянное ими дитя в XX столетии.

Но самые нелепые доводы для сохранения общины приводили правые партии и правительственные круги; они сводились к ограждению деревни от расслоения и облегчению сбора податей при наличии круговой поруки. Не меньшую роль в этом играли и вековые традиции, посягать на которые никто не решался, а оберегать их считали своим долгом.

Отрицать значение общины в прошлом нельзя. Вся старая Русь покоилась на общинах и этот «крестьянский мир», в котором народ был объединен и силен, сыграл положительную роль в сохранении целостности нашей страны. Можно утверждать, что община спасла русский народ от монголов. Но к условиям жизни конца XIX столетия и начала XX общины были уже непригодны и по выражению Столыпина стали элементом косности и рутины, тормозом экономического развития и социального прогресса в деревне.

Одновременно с освобождением крестьян от крепостной

зависимости и в результате действовавшего некоторое время закона о выходе из общины (статья 165, отмененная реакционерами в 1883 году) крестьяне убедились в преимуществе индивидуального ведения хозяйства и все свои помыслы направили к выходу из общины. Эту тягу крестьян к единоличному землевладению Столыпин правильно понял и оценил и решил уничтожить пережитки прошлого, освободив их от опеки общины, ставшей теперь ненужной и вредной.

Даже такой теоретик марксизма как Плеханов верно определил психологию крестьян как собственников, сказав: « Сентиментальный туман ложной и ненужной идеализации народа исчезает » — « крестьяне не являются, по своей природе, социалистами и нисколько к социализму не стремятся » — « уже в настоящее время разложение нашей общины представляет собой бесспорный и несомненный факт ».

С меньшей энергией боролся Столыпин и со сторонниками отчуждения земель у помещиков. « Раздел их не есть решение вопроса », — говорил он, — « временно будут увеличены наделы, но, при росте населения, они скоро обратятся в пыль. Уничтожены же будут культурные хозяйства. Это будет напоминать историю с тришкиным кафтаном — обрезать полы, чтобы сшить рукава ». Приведенные на заседании Второй Гос. Думы цифры доказывали, что для доведения крестьянских наделов до трудовой нормы в Европейской части России нехватало 190 миллионов десятин, тогда как частновладельческие земли составляли 35-40 миллионов десятин, так что дележка помещичьих земель « могла увеличить их наделы лишь на 20 %, а то и того меньше ».

К этим цифрам следует сделать большой корректив, так как в результате целого ряда законов по крестьянскому и земельному вопросам, до 1917 года продержались только те помещики, которые вводили усовершенствованные методы обработки земли и поднимали производительность, заводили многополье, травосеяние, применяли минеральные удобрения и новейшие сельскохозяйственные машины, поднимая высоко урожайность и доходность своих полей. Эти хозяйства были действительно культурными и образцовыми, они служили главными поставщиками хлеба для нужд государства и на вывоз. Большинство же помещиков сразу после освобождения крестьян оказались неспособными вести свое хозяйство. Они сначала сдавали свои земли в арену крестьянам, затем постепенно стали ее продавать, а сами переселялись в города.

« Спор о величине прирезок разрешился лишь в 1918 году, когда в результате раздела помещичьих земель крестьянское землевладение увеличилось лишь на 0,4 десятины на душу.

Тогда советские агрономические деятели с циничной откровенностью признали, что лозунг захвата и дележа помещичьих земель был лишь средством революционизировать деревню и не имел серьезного экономического значения ».

К сожалению, нет возможности в этом небольшом обзоре перечислить все проведенные Столыпиным указы, законы и мероприятия. Укажем лишь на важнейшие из них :

« 5 октября 1906 года издан указ об уравнивании крестьян в гражданских правах с лицами других сословий; этим указом завершилось освобождение крестьян провозглашенное 19 февраля 1861 года. Отныне крестьяне могли, по желанию, менять место жительства, свободно избирать род занятий, поступать на государственную службу и в учебные заведения — не спрашивая разрешения или согласия мира ».

« 9 ноября 1906 года был издан знаменитый указ о праве выхода из общины с принадлежащим крестьянину земельным наделом, выделяя свой полевой надел из общего мирского надела с сохранением пользования общими « угодьями » — сенокосом, пастбищами, лесами и т. д. »

« 14 июня 1910 года был принят закон о выделении укрепляемых к одному месту участков (так наз. отруба) или образовании мелких имений для крестьян выселяющихся из деревни на свои земли (хутора) ».

После этих реформ и следа не осталось от крепостной зависимости. Крестьяне массами выходили из общины, выделялись на отруба, выселялись на хутора, переселялись на свободные земли за Урал, в Сибирь и на Дальний Восток. Крестьянская проблема близилась к окончательному разрешению.

Приходится удивляться той беспринципности, с которой социалисты в качестве главного мотива для оправдания революции приводили крепостное право и пороки царской власти, пережитые в прошлом. Эта тень прошлого была умело использована большевиками вырвавшими власть из рук Временного Правительства. Прошлым воспользовались они с целью привлечь на свою сторону тех крестьян, которые не успели еще разделаться с общиной.

Реформы Столыпина, как уже было сказано, не ограничивались только областью сельского хозяйства, они распространялись также и на другие отрасли народного хозяйства и в результате всех мероприятий экономическая отсталость страны быстро изживалась, а уровень благосостояния народа прогрессивно повышался.

Успехи реформ были настолько велики, что в интеллигенции, пробужденной от революционного угара, возник глу-

бокий процесс перерождения и она массами стала выходить из рядов революционных партий.

Собственно говоря, ростки нового мировоззрения появились в высших слоях русского общества значительно раньше Столыпинских реформ, но они не могли прорваться наружу до тех пор, пока не началась грандиозная перестройка всех устаревших форм жизни.

На смену умиравшему мировоззрению группой ученых и публицистов в лице Бердяева, Булгакова, Гершензона, Изгоева, Кистяковского, Струве и Франка был преподан целый ряд новых идей, вполне приложимых к практическим задачам, как показал опыт Столыпинских реформ. Выпущенный ими в 1909 году знаменитый сборник « Вехи » наряду с беспощадной критикой интеллигенции призывал ее пересмотреть свои традиционные идеалы, « проверить самые основы ее традиционного мировоззрения, которое до сих пор слепо принимали на веру ».

Политическая агитация в 1909 и 1910 годах сошла почти на нет, экономические требования предъявлялись уже без стачек. Но вскоре после убийства Столыпина в 1911 году она возродилась вновь и не прекращалась до крушения великой Империи в 1917 году, когда народ имел « счастье » пережить две революции и когда осуществилась мечта « лучших сынов человечества », обративших высокие идеалы социального гуманизма в социальную ненависть и беспощадную вражду ко всем инакомыслящим.

В. Лешин

Проф. Г. В. Вернадский и его „История России“

В издании Иэльского Университета в Нью-Хэвене в США вышли из печати две части пятого тома истории России профессора Георгия Владимировича Вернадского. Они охватывают чрезвычайно трудный и сложный период истории, от начала самостоятельного царствования Иоанна Грозного до конца царствования Феодора Алексеевича. Посвящает автор этот труд памяти своего отца академика Владимира Ивановича Вернадского (1863-1945). Задуманный в начале сороковых годов десятилетником должен был быть написан двумя историками: Г. В. Вернадским (первые шесть томов до начала XIX века) и М. М. Карповичем (XIX и XX века). Если первому автору удалось, упорным двадцатипятилетним трудом, довести изложение до конца XVII века, то часть взятая на себя Карповичем так и не была осуществлена и шестой, также как и седьмой-десятый тома будут написаны американцами — учениками русских историков.

Первый том «Истории России», озаглавленный «Древняя Русь», вышел в свет в 1943 году и потом каждые пять лет Г. В. Вернадский выпускал последующие тома: «Киевская Русь» в 1948, «Монголы и Россия» — 1953, «Россия в конце Средневековья» — 1959; наконец, двухтомник «Московское Царство» вышел в свет в 1969 году.

Георгий Владимирович Вернадский родился в Петербурге, но учился в Москве, где его отец, знаменитый минералог, был профессором Университета. Из-за студенческих беспорядков и закрытия Университета Г. В. не смог продолжать свое образование в Москве и поехал в Берлин и Фрейбург, но в 1906 году вернулся в Россию и работал под руководством профессоров В. О. Ключевского, Д. М. Петрушевского и А. Н. Савина. Потом он перешел в Петербург для занятий с С. Ф. Платоновым. Кроме того он вошел в кружок профессора Лаппо-Данилевского и в течение семи лет работал над историческими вопросами в близком сотрудничестве с М. М. Карповичем и М. И. Ростовцевым.

Преподавание его в качестве доцента в Петербургском Университете продолжалось с 1914 по 1917 год. Весной этого года он защитил свою магистерскую диссертацию на тему о русском масонстве в царствование имп. Екатерины II. Последовательно профессор Омского, а потом Таврического Университетов, Г. В. покинул Россию в 1920 году, одно время преподавал в Греции, а потом обосновался в Праге, где принял участие в

работе кружка Кондаковского Семинара, преподавал на Юридическом Факультете и был одним из основателей Евразийского Движения.

В 1927 году он переехал в США и занял кафедру русской истории в Иельском Университете, которую занимал до своей отставки. Иельский Университет поднес ему в 1958 году звание Доктора « онорис кауза ».

Из других трудов Г. В. Вернадского отметим: книгу о Н. Новикове, « Очерк истории права русского государства в XVIII и XIX веках », « Государственная Уставная Грамата Российской Империи 1820 года », « Начертание Русской Истории », « Русская история » (переведена на несколько языков), « Опыт истории Евразии », « Звенья Русской Культуры », « Политическая и Дипломатическая история России », « Богдан, Гетман Украины ».

Первый том Истории России, вышедший в 1943 году, вызвал наибольшее количество возражений и критики, главным образом из-за евразийского уклона автора и значения, которое он придает хозарскому и венгерскому влиянию на Киевскую Русь. Не вдаваясь ни в полемику с автором, ни в подробности спора, надо отметить, что целые периоды, правда, мало относящиеся к центральной проблеме, изучены совершенно наново с привлечением данных из восточных, азиатских источников. Том посвящен не только истории, но и археологии и охватывает почти два тысячелетия. Отдельные главы посвящены Киммерийско-Скифскому периоду, Сармато-Готской эпохе и Гунно-Антскому, Аваро-Антскому и Хозаро-Булгарскому периодам.

Очень обстоятельна глава о Норманнах и Русском Каганате и о Киевской Руси 839-878 годов. Первый том, как и все последующие, снабжен указателями и библиографией.

Второй том посвящен целиком Киевской Руси и составляет ценный вклад в историю этого блестящего периода русской жизни. Мне кажется, что глава об Олеге, Ольге и Святославе, озаглавленная « План создания Империи и его неуспех », очень субъективна. Если действительно создание Киевской Державы было осуществлено Олегом и Ольгой, то Святослава никак нельзя считать создателем. Он был разрушителем двух великих государств, Хозарского и Болгарского, больше был занят своими походами, а не устройством Киевского государства. С другой стороны « Имперский план » не только не потерпел неудачи, а вполне осуществился при Владимире и Ярославе.

Том о Киевской Руси очень полон и дает много новых данных об экономической и социальной жизни и структуре госу-

дарства. Часть тома посвящена культуре Киевской Руси и быту, а последняя — сношениям Киева с Западом и Востоком.

Третий том «Монголы и Русь» дает много сведений по истории Золотой Орды и взаимоотношениям Руси и Татар. Четвертый том «Россия в конце Средневековья» уделяет особое внимание политике и деятельности Иоанна III, которого многие русские историки недооценивали.

Только что вышедшие два тома о Московском Царстве составляют две части одного целого. В первой части (1547-1654) автор подробно останавливается на проблеме основания Евразийской Империи, то-есть Государства простирающегося на два континента и связанного поэтому своими интересами и с Европой, и с Азией. Очень ценны страницы, посвященные Смутному Времени, так как Г. В. Вернадский специально изучал эту эпоху и напечатал статьи касающиеся отдельных проблем этой необыкновенно запутанной с точки зрения влияний и взаимоотношений эпохи. Третья глава первой части, озаглавленная «Восстановление», повествует как о царствовании Михаила Феодоровича, так и о начале царствования Алексея Михайловича. Наконец, четвертая глава излагает события на Юге и Юго-Западе России и называется «Украинская Революция и объединение Украины и Москвы».

Вторая часть (1654-1682) дает широкую картину жизни в «Царстве Великой, Малой и Белой России», начала западного влияния и сношений с Востоком во второй половине XVII века. Совершенно нова по своему замыслу, я сказал бы — и исполнению последняя глава, названная «Ритмы истории и аспекты культуры», которая дает, кроме материала о русской культуре, историософическое обоснование этого периода.

Библиография последних томов исключительно богата и охватывает всю литературу предмета на многочисленных языках.

Можно пожалеть, что автор, 80-летие которого недавно праздновали, не смог довести своей истории до конца XVIII века, так как его оценка эпохи Петра Великого была бы чрезвычайно интересна, но и за вышедшие тома все культурные русские люди должны быть признательны нашему маститому историку.

П. Ковалевский

Инфернальное у Михаила Булгакова

О книге Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» написано много статей в русской и иностранной прессе. Эта «исключительная, вероятно, самая значительная из пореволюционных русских книг» пробудила и у меня желание внести свою скромную лепту в общую дискуссию о ее содержании и оригинальном стиле.

Начинается роман в совершенно реалистическом стиле, в определенное время, в определенном месте, а именно во время «жаркого весеннего заката» на Патриарших прудах. Даются необходимые подробности о наружности и одежде двух героев и о предмете их беседы об Иисусе Христе с антирелигиозной точки зрения. И вдруг... реалистический план повествования совершенно неожиданно пересекает другой план, который можно назвать фантастическим: на Патриарших Прудах появляется «нечистая сила».

Фантастический план с участием Сатаны занимает в романе большое место. Но и он то и дело замещается то снова реалистическим, то сатирическим планом, когда автор дает острые зарисовки уродливости советского быта. А затем появляется новый план. Течение романа несколько раз прерывается рассказом о Понтии Пилате, и хотя сюжет этот по своему времени как будто не имеет отношения к описываемой эпохе, история римского прокуратора странным образом связывается тем не менее с судьбою главных героев — Мастера, Маргариты и поэта Ивана Бездомного.

Благодаря постоянному смещению планов, меняется и язык и стиль произведения. Большой эффект производит манера Булгакова — рассказывать совершенно реалистически о некоторых фантастических событиях, как, например, поездка кота в трамвае, и, наоборот, описывать фантастично реалистические события, как гибель Берлиоза.

Любовная история Мастера и Маргариты приобретает почти мистический характер. «Мы любили, конечно, друг друга давным давно, не зная друг друга, никогда не видя».

Фигура главного героя — Мастера все время остается в тени. «У меня нет больше фамилии. Я отказался от нее, как и вообще от всего в жизни». Мастер еще жив, но уже находится в другом мире. Маргарита живет на земле. До встречи с Мастером она только влачила свое существование с нелюбимым

мужем. Вся ее натура меняется с первой встречи с Мастером. Маргарита делается его любовницей и вдохновительницей, а его книга о Понтии Пилате становится для нее почти целью жизни.

Когда демон Азazelло подает ей надежду снова увидеть любимого человека, Маргарита готова не всё, даже «заложить» свою душу дьяволу. Она проявляет много мужества, пускаясь в жуткий водоворот приключений с нечистой силой. Но вступив на этот путь Маргарита открывает в своем характере настоящий вкус к авантюризму: она наслаждается своим превращением в ведьму и своими дикими полетами над землей. Она играет роль хозяйки на адском балу у Сатаны. И всё, что она чувствует и делает, отмечено страстным темпераментом и волей защитить свое счастье с Мастером.

Реалистическое повествование о двух любовниках перемежается то с фантастическими, то с сатирическими картинками, которые образуют фон всех событий в жизни героев.

В области сатиры и гротеска М. Булгаков чувствует себя, как рыба в воде. Одновременно с ним жили и творили Валентин Катаев, Ильф и Петров, Зощенко и другие юмористы и сатирики. Булгаков несомненно обладал не менее острым пером в этом жанре и во многих отношениях его критика советского быта была более зубаста. Об этом уже много писали.

В центре своего романа автор поставил настоящего писателя — Мастера, фигура которого выражает поразительный контраст на фоне его коллег по перу, объединенных в МОССОЛИТ. Ироническое, но правдивое описание дома писателей имени Грибоедова (на самом деле — имени Герцена) могут оценить только те, кто побывал во всех бесчисленных канцеляриях этого бюрократического учреждения.

Большинство писателей зарегистрированных в МОССОЛИТе не блещут дарованиями, но имеют одно несомненное достоинство в глазах советской власти: все время они подчеркивают в своем творчестве свои верноподданнические чувства к партии и правительству.

Когда Иван Бездомный узнает о свободомыслии Эммануила Канта, он инстинктивно восклицает: «Взять бы этого Канта да... года на три в Соловки!»

Можно заметить сходство, сравнивая стиль описания танцевального вечера в доме Грибоедова с балом у Сатаны. И тут, и там джаз играет фокстрот «Аллилуйя». И адское сборище гостей — отравительниц, сводниц, шулеров, палачей, доносчиков и растлителей — кое в чем напоминает собрание посетителей дома писателей, среди которых тоже были и свои шпионы, и доносчики, и растлители.

Булгаков проявляет очень много языковой изощренности, выдумывая этим литераторам подходящие фамилии и псевдонимы: поэтесса Тамара Полумесяц, писательница батальных морских рассказов Штурман Жорж, литераторша Адельфана Буздяк.

Известно, что в советское время люди прибегали к псевдонимам, чтобы замаскироваться под пролетариев. Булгаков отмечает это явление, давая им фамилии: Бездомный, Богохульский, Босой.

В действительной жизни мы знали таких поэтов, как Демьян Бедный, Александр Безыменский, Михаил Голодный и др.

Советский стиль жизни так заштампован, что это повлияло на язык обыкновенных граждан. Они ничего не делают без «увязки». Буфетчик Варьете продает нехорошую рыбу, которую он называет «осетриной второй свежести». Большинство журналистов и критиков не составляют исключения. Их язык замусорен такими клише, как «протащить», «ударить и крепко ударить» и т. п.

В таком затрепанном стиле, который стал какой-то униформой для газетчиков, написаны были уничтожающие рецензии на произведение Мастера. Трагедия римского прокуратора была им совершенно неприемлема и прозвучала как диссонанс на общем фоне советской действительности того времени. А между тем история эта оказалась очень близка не только Мастеру, но и другим героям романа, как по-видимому, интересовала она глубоко и самого Булгакова.

Пилат осуждает на смерть невинного. А сколько невинных было уничтожено в Советском Союзе! Каждый человек, как он ни старался загнать внутрь свою совесть, чувствовал себя виноватым в гибели своих близких. Во время процессов «врагов народа», во всех учреждениях собирали рабочих и служащих и заставляли их голосовать за высшую меру наказания «изменникам родины». Граждане покорно поднимали руки, осуждая на смерть может быть лучших людей своей страны.

Понтий Пилат смалодушествовал, опасаясь мести еврейских первосвященников и жестокости кесаря. Страх советских граждан не имел прецедента.

В печати много раз отмечали, что рассказ о Пилате не ортодоксален с точки зрения евангельских текстов, так же как образ Иешуа Го-Нацри непохож на Иисуса Христа.

Автор называет Иешуа «бродячим философом». И мы должны принять это определение, чтобы не делать никаких соблазнительных сравнений с Евангелием. Таких философов

было не мало в то время в Иудее. Большинство из них погибли на крестах или были тайно убиты фарисеями и священниками. Почти все иудейские пророки погибли насильственной смертью.

Вопрос, который интересовал Мастера (и Булгакова) — это проблема человеческой совести. Пилат понимает, что загубил жизнь какого-то совершенно необыкновенного человека и глубоко страдает от сознания своей вины. « Непонятная тоска... пронизала все его существо. Он чего-то не договорил с осужденным, а может быть чего-то не дослушал ». Эта тоска то уходит, то возвращается к нему с новой силой.

Чтобы отомстить за смерть невинного проповедника, Пилат очень тонко и хитро организует убийство предателя Иуды из Кириафа. По его же замыслу, чтобы унижить первосвященника, Каифе подбрасывают 30 серебрянников, заплаченных за предательство.

Но это дает прокуратору удовлетворение только на очень короткое время. Комплекс вины остается: и при жизни, и после смерти Пилат обречен на страдания. Его трагедия продолжается и в другом, потустороннем мире: « Около двух тысяч лет сидит он в кресле на пустынной площадке и спит, но когда приходит полная луна... его терзает бессонница ».

Если естественно, что напоминание о трагедии, происшедшей когда-то, около двух тысяч лет тому назад, и о страданиях больной совести вызвало злобную реакцию партийной прессы, то не таково было отношение к произведению Мастера людей, обладающих творческим воображением. К таким можно отнести бедного поэта Ивана, больного или имеющего особый дар сверхчувственного восприятия. Он понимает, что уже никогда не будет больше писать посредственных стихов и вся жизнь его должна стать другой.

В эпилоге романа мы снова встречаемся с ним. Но он уже не поэт и не Бездомный. Литературную карьеру он оставил для занятий историей и философией. Он женат, работает и как будто ведет спокойный образ жизни, забыв и о Мастере, и о его странном романе. Но память об этом остается где-то под спудом и в полнолуние она возвращает Ивана в Ершалаим. Он снова видит сцену распятия, а потом широкую лунную дорогу, по которой идет освобожденный от душевных мук прокуратор, а рядом с ним тот самый « молодой человек в разорванном хитоне и с обезображенным лицом ».

Но кто же наконец освободил страдающего Понтия Пилата? Тот, кто соединил любящих — Мастера и Маргариту — и дал им успокоение. Это — Сатана.

« Каждое ведомство должно заниматься своими делами »,

— говорит Воланд. Под этим он подразумевает то, что ему предлагается делать в этом мире, как духу зла.

Но если история Понтия Пилата у М. Булгакова не соответствует евангельской, то еще более несхоже представление автора о дэмонах с ортодоксальным учением о духе зла и его ангелах.

Судя по заглавию романа и эпиграфу из Гёте, читатель ожидает каких-то литературных реминисценций из «Фауста». Но по своим характерам Мефистофель и Воланд имеют очень мало сходства. Разве только в том, что они оба рассудочно-холодны и циничны, оба знают людские слабости.

Существенная разница заключается в том, что Мефистофель в противоположность Воланду представляет собой ортодоксальную фигуру дьявола. Он охотится за человеческими душами и сеет всюду злые семена. О Фаусте он говорит :

« Я жизнь изведать дам ему в избыток
И в грязь втопчу и тиною оплету.
Он у меня пройдет всю жизнь, все пытки,
Всю грязь ничтожества, всю пустоту ».

(Перевод Л. Пастернака)

Фауст под влиянием Мефистофеля губит чистую девушку Маргариту (кстати, никакого сходства с Булгаковской Маргаритой не имеющую) и всю ее семью. Правда, души Фауста и Маргариты ускользают из лап Мефистофеля, но это происходит против его желания. И дьявол даже жалуется, что стал « жертвой обмана ангелов ».

Воланд не ищет душ человеческих; ни он, ни его свита не чинят никакого зла для зла. Сатана оказывает акт высшего милосердия и Пилату, и Мастеру с Маргаритой; при этом он исполняет *просьбу*, а не приказание «его» — Иешуа, который находится в мире «света».

Идея потустороннего мира «света» и «зла и теней», а также еще какого-то промежуточного мира по ту сторону добра и зла занимает ключевую позицию в романе. Праведник Иешуа посылает Левия Матвея к Сатане с просьбой «наградить» Мастера и его подругу «покоем».

— «А что же вы не берете его к себе в свет?»

— Он не заслужил света, он заслужил покой, — печальным голосом проговорил Левий ».

И Воланд создает замечательную обстановку для успокоения бедной души «трижды романтического мастера». Не для того ли, чтобы он и Маргарита нашли себя? — мы не знаем.

Может быть о таком же покое мечтал усталый слепнувший

М. Булгаков, когда с таким чувством писал о доме «под вишнями, которые начинают зацветать» (как в его родном Киеве).

Куда попадает освобожденный от двухтысячелетних душевных мытарств римский прокуратор — неизвестно. Но Воланд объясняет, что и в этом случае он выполнил просьбу того, «с кем Пилат так стремился разговаривать».

— «Все будет правильно, на этом построен мир», — роняет Сатана загадочную фразу. Булгаков не разъясняет, какие правила существуют для «духа зла и повелителя теней». А читатель не замечает в правилах «духа зла» чтонибудь злое и грязное. Булгаковские демоны не поощряют людские пороки, пошлость и суетность. Они наказывают только шпионов, продажных безбожников, взяточников и плутов.

Сатана прямо говорит про председателя жилищного товарищества Босого:

— «Мне этот Никанор Иванович не понравился. Он — выжига и плут».

Дьявол Азazelло читает моральные наставления Варенухе: «Хамить не надо по телефону. Лгать не надо... Понятно? Не будешь этим заниматься?»

«Нечистая сила» чистит направо и налево. Она выжигает огнем проклятую квартиру № 50, которая вызывала столько зависти и служила источником всяких спекуляций. Огнем уничтожается гнездо фальшивых литераторов — дом Грибоедова. Азazelло низводит «огонь, с которого всё началось и которым мы все заканчиваем», на подвал — жилище Мастера. Огонь по традиции считается inferнальной стихией.

В западной прессе некоторые рецензенты писали о литературных влияниях на Булгакова и упоминали Э. Т. А. Гофмана. Гофман создал много фантастических произведений, в которых, однако, нельзя найти серьезно поставленных вопросов о добре и зле. Его демонические герои были игрой капризного воображения автора, вроде злого гения Др. Коппелиуса или получеловека-полусаламандры архивариуса Линдхорста, которые опутывали своими магическими чарами наивных влюбленных юношей. На творчество Булгакова Гофман не оказал заметного влияния.

В русской литературе демонология занимает довольно много места. И каждый писатель подходит к этой проблеме по-своему, соответственно особенностям своего таланта и темперамента.

У Пушкина есть неоконченная поэма о Фаусте и Мефистофеле, явно навеянная гением Гёте. Молодой Лермонтов одел своего демона в романтический плащ. Но «печальный дух из-

гнанья» лишен духовности. Это одна из вариаций «Героя нашего времени» — разочарованного в жизни Печерина.

И Гоголя, и Достоевского сильно занимала проблема чорта, но как различны образы «нечистой силы» у этих обоих гениальных писателей! И все же, несмотря на диаметрально-противоположный подход к бесу и к одержимости бесами, Гоголь и Достоевский оставили следы в творчестве Булгакова, особенно первый.

В то время как чорт Достоевского утерял средневековые свои атрибуты, как рога и копыта, Гоголь дает волю своему воображению и ему нравится изображать дьяволов как чудовищ с «собачим хвостом... со свиным рылом... на немецких ножках... с козлиной бородой... с небольшими рожками... рожа на роже».

Чорт Достоевского является к Ивану Карамазову, приняв форму человеческого существа. «Я не явился тебе как нибудь в красном сиянии... с опаленными крыльями». Нет, этот чорт спустился до уровня мелкого буржуа. И одет соответственно: в поношенный немодный костюм, грязноватое белье. У него развязные манеры, он «юлит», но говорит «совершенно дружелюбно».

Коровьев у Булгакова сильно напоминает этого пошлого чорта. Он тоже небрежно одет в какой-то плохонький клетчатый костюм, нечищенные рыжие ботинки. На носу никуда не годное треснутое пенсне. Достоевский называет своего чорта «приживальщиком», а Булгаков — «втирушей-регентом», — должности небольшие. Королев также нахален, развязан и «юлит». Оба беса вочеловечиваются в противных пошляков, однако добродушных на вид.

Для Достоевского и дьявол, и бесы были олицетворением зла и пошлости. У Булгакова в романе бездна массового поглупения и пошлости отталкивает даже демонов. И пошляк Коровьев, и шут кот презирают тех духовных мещан, с которыми они сталкиваются, например, в доме Грибоедова.

Подобно Гоголю Булгаков дает волю своей фантазии, рисуя свиту Сатаны — Азazelло с «мерзкой физиономией... с бельмом на глазу и клыком во рту», Абадонну с его «страшным взглядом», демона-женщину Геллу, «рыжую, с горящими фосфорическим блеском глазами».

Самое забавное воплощение дьявола в кота Бегемота описано проказливым пером большого юмориста. Это фантастическое полуживотное-получеловек говорит по-русски, лихо пьет водку, ездит зайцем на трамвае, дурачит милицию в квартире № 50. Приключения кота на улицах Москвы и в советских учреждениях напоминают нам Гоголя — поездку «носа»

майора Ковалева по Невскому проспекту, в Казанский собор и в присутственные места.

Булгаков любил Гоголя. Нельзя сказать, чтобы Гоголь оказал прямое влияние на него, потому что Булгаков был сам по себе большой художник слова. Но можно сказать, что некоторые образы Булгакова были навеяны Гоголем. Фининспектор Римский переживает кошмарную ночь в своем кабинете. Ему является сперва превращенный в вампира Варенуха, а затем голая девица, рука которой покрыта «трупной зеленью». Римского спасает крик петуха. Петух кричит и в «Вие», когда страшный «позеленевший» труп панночки угрожает Хоме.

Булгаков проявил огромное воображение и тонкое чувство юмора в описании разнообразных авантюр бесов в Москве, которые создали большую путаницу во многих советских учреждениях. Некоторые из этих фантастических происшествий выглядят почти реально в условиях советской действительности, как бестолковый обмен телеграммами между Степой Лиходеевым и театром «Варьете». Червонцы превращаются то в доллары, то в этикетки от винных бутылок, в результате чего целый ряд лиц арестованы по подозрению в связи с заграницей.

Но есть в романе и действительно фантастический элемент, поданный Булгаковым в его подлинно колдовском виде: волшебный крем Азazelлы, который превращает Маргариту и Наташу в ведьм, а Николая Ивановича — в борова; полеты ведьм на классических щетках или на борове; необычайно эффектный «великий бал у Сатаны».

Полон таинственности последний полет Мастера, Маргариты и демонов над «грустной вечерней землей». В этой главе исчезает смех и пропадают шутки.

Булгаков изображает в несколько торжественном стиле сонм адских духов, которые превращаются в мрачных средневековых рыцарей. Даже Мастер изменился: на нем появились откуда-то черный плащ, ботфорты и шпоры. Демоны летят при свете «багровой полной луны».

Луна сопровождает многих действующих лиц романа — Мастера и Маргариту, Понтия Пилата, поэта Ивана и даже Николая Ивановича. Почти во всех мистических и оккультных произведениях «нечистая сила» или привидения появляются в полночь, при луне, как необходимом ассортименте всего таинственного и волшебного.

У Гоголя и в «Майской ночи», и в «Ночи под Рождество», и в «Портрете» — всюду светит месяц. Русалки «греются» в лучах его, ведьмы и чорт водят хороводы вокруг таинственно-

го светила. Серебряное сияние придает жизнь портрету одержимого бесами старого ростовщика.

Загадочное вампирическое создание Эллис в «Призраках» Тургенева появляется при свете месяца.

У Булгакова луна не ассортимент стиля. Луна определяет собою стиль повествования. Когда Берлиоз гибнет под трамваем, последнее, что он видит, это — «позлащенная луна», которая «мелькнула... но уже разваливаясь на куски».

Полная луна «висела на небе» вс время волшебного полета Маргариты. А когда, уходя с бала, «она оглянулась на окно, в котором сияла луна», женщина спросила:

— «А вот чего я не понимаю... что же это все полночь да полночь, а ведь давно уже должно быть утро?...»

— «Праздничную полночь приятно немного и задержать», — ответил Воланд. Сатана может остановить и луну, и полночь, потому что для духов времени не существует.

Луна играет странную мистическую роль в истории Понтия Пилата. В пасхальную ночь она заливает своим светом фантастический город Ершалаим и «невиданные в мире пятисвечия, пылающие над храмом». В окрестности Ершалаима, около масличной рощи, при луне убивают Иуду. Даже во сне Пилат видит лунную «прозрачную голубую дорогу», по которой он идет вместе с бродячим философом. И свое освобождение от двухтысячелетних душевных мытарств прокуратор получает в полнолуние.

«Луна властвует и играет, луна танцует и шалит» и наяву, и в грезах Ивана (в эпилоге). Она обрушивает «потоки света... в комнате начинается лунное наводнение»... На этом гимне мистической луне заканчивается книга Булгакова.

Основа мистики этого оригинального произведения в искуплении грехов, проблеме, которая волнует и будет всегда волновать философов и богословов.

Ни Мастер, ни Маргарита, ни Пилат не заслужили того, чтобы попасть в мир «света», но они выстрадали прощение.

По своей натуре Булгаков, как и многие другие большие писатели, был чувствителен к добру, истине и красоте. Это выразилось в его образах Мастера, создавшего рассказ о Пилате; Маргариты, страдающей за Мастера, Пилата, Фриду и Ивана; наконец, в образе Ивана, душа которого ищет выхода в миры иные.

Но не менее чуток был Булгаков ко тьме, людской пошлости и злу. Вот почему он отдает так много дани inferнальной стихии в своих произведениях, как «Роковые яйца», «Собачье сердце» и «Мастер и Маргарита».

В. Сергеевич

Памяти княгини Белосельской-Белозерской

Последняя четверть 1969 г. ознаменовалась для русского зарубежья, в частности для русских американцев, тяжелой утратой — сканчалась княгиня Светлана Ричардовна Белосельская-Белозерская — человек большой души и неутомимая деятельница на поприще служения ближним.

С деятельностью покойной княгини мне пришлось познакомиться по собственному опыту еще двенадцать лет тому назад, в Бразилии, когда мне нужен был аффидевит для въезда в Америку. Один аффидевит у меня уже был от моего, тоже покойного ныне, кузена А. М. Кривошеева, но этого было недостаточно, т. к. кузен мой кроме меня выписал еще из Франции семью племянника — трех человек. Американское консульство в Рио-де-Жанейро потребовало добавочного аффидевита.

Найти второго гаранта было нелегко. Тогда, в конце пятидесятых годов, многие русские устремились из Бразилии в Америку и почти каждый из моих американских друзей успел уже взять кого-то на свою ответственность. Но тут мне посоветовали обратиться к князю и княгине Белосельским-Белозерским. Я возразила, что они меня совсем не знают.

— Это ничего не значит, — ответили мне. — Напишите и будьте уверены, что аффидевит получите.

Я написала и меньше чем через месяц американское консульство известило меня, что мой аффидевит пришел. Рядом с подписью князя стояла и подпись его супруги.

Против моего ожидания я тогда в Америку не попала, т. к. из-за чересчур большого наплыва заявлений мою очередь отодвинули на два года. За это время срок старых аффидевотов истек и потребовались новые. Просить о них вторично было неловко, но все же пришлось. И опять я получила свой аффидевит без всякой проволочки.

Позднее, приехав в Сан Франциско, я узнала, что таких аффидевотов князь и княгиня Белосельские-Белозерские выдали несколько тысяч — начиная от застрявших в Европе так называемых « ДИ-ПИ », « перемещенных », которым угрожала выдача в СССР, и кончая теми русскими людьми, жизнь которых в других странах не наладилась.

— Ясно, голубушка наша о своих русских старается, — сказала мне одна простая русская женщина, приехавшая в США по такому же аффидевиту. Она была очень удивлена, узнав, что княгиня — американка.

В то время княгиня носила имя Флоренс, но позднее, присоединившись к православию, она приняла имя Светлана. Связь ее с православием началась много раньше. Русскую церковь в Нью-Йорке когда-то посещал и любил ее отец, Ричард Теллер Крэйн: прихожане нередко видели его на клиросе, подпевавшим в хоре.

Возможно, что кроме этой симпатии к русской церкви, покойная княгиня унаследовала от своего отца и другое — глубокое христианское сознание ответственности за то многое, что ей было отпущено Богом.

Выйдя замуж за Рюриковича, князя Сергея Сергеевича Белосельского-Белозерского, она целиком разделила его попечения о менее счастливых русских, в частности, о стариках, больных и калеках, о домах призрения и о русской гимназии в Нью-Йорке.

О широкой благотворительной деятельности супругов Белосельских-Белозерских знает вся Америка, но сама княгиня не ограничивалась только оказанием помощи через официальные организации. Много раз помогала она людям в совершенно частном порядке, скромно, незаметно, с деликатностью, присущей только очень чутким натурам.

Несчастья в большинстве случаев происходят неожиданно. Совсем незадолго до рокового исхода князь и княгиня Белосельские парадно отпраздновали свою серебряную свадьбу. А вскоре после этого княгиня слегла.

Болела она недолго. 21-го октября ее не стало.

О том, насколько популярна была Светлана Ричардовна среди русских, свидетельствует то, что в течение нескольких дней после ее кончины, страницы нью-йоркской газеты «Новое Русское Слово» были забиты траурными объявлениями от различных организаций и частных лиц и прочувствованными статьями и заметками, посвященными ее памяти.

В одной из этих статей, автор ее Н. Кадесников говорит :

« Несмотря на свое чисто американское происхождение, княгиня Флоренс явилась не только любящей и преданной женой и другом, но и верным спутником и неизменным вдохновителем князя Сергея Сергеевича в его обширной и разнообразной общественно-благотворительной деятельности.

« Оценив и искренне полюбив русскую культуру, усвоив русские традиции и обычаи, а одновременно вникнув в основы нашей религии, княгиня Флоренс перешла в православие, причем отнюдь не для «проформы», а по велению своего сердца. При св. крещении она была наречена Светланой. И, как вся ее дальнейшая жизнь показала, — не случайно : все ее мы-

сли, чувства, стремления и общественная деятельность были ярким лучом, освещающим верный путь многим тысячам русских людей в зарубежь».

Дальше в той же статье Н. Кадесников говорит :

« Княгиня Светлана Белосельская в пору беспримерного российского лихолетья была больше русской, чем многие представители славных русских фамилий, живущие « с избытком » в странах свободного мира и забывшие о своем первородстве и, казалось бы, связанной с этим ответственности ».

Кончина княгини была подлинно христианской. В последние дни ее посетил ее духовник, привезший для нее из Иерусалима, из Храма Гроба Господня Св. Дары. Принятием Св. Тайн завершилась земная жизнь этой замечательной женщины.

Отпевали княгиню в Синодальном Соборе, в Нью-Йорке. Чин отпевания совершали Архиепископ Никон Вашингтонский и Флоридский, Архиепископ Серафим Чикагский, Епископ Лавр Мэнхэттенский и Епископ Андрей Роклэндский, в сослужении с Протопресвитером Георгием (Граббе), Архимандритами Антонием, Геласием и Иннокентием, митрофорным Протоиереем Петром Мочарским, Митрофорным Протоиереем Н. Кравченко и другими иереями, при двух протодиаконах.

Слово о покойной сказал на английском языке протопресвитер Георгий, а на русском — Архиепископ Серафим.

Среди прибывших отдать последний долг покойной были княжна Вера Константиновна, дочь Вел. Князя Константина Константиновича, князь Т. К. Багратион-Мухранский, Б. В. Сергиевский, всё Представительство Российских Эмигрантов в полном составе, делегации от многочисленных русских национальных и культурно-просветительных организаций во главе со своими председателями, педагоги и ученики Св. Сергиевской Гимназии, которая была многим обязана княгине, и многочисленные друзья и знакомые семьи Белосельских-Белозерских.

Прощание с покойной продолжалось около часа. Гроб с телом княгини было вынесен из церкви педагогами и учениками Св. Сергиевской гимназии, после чего похоронная процессия направилась в Ипсвич, в штате Массачузетс. На кладбище Ипсвича была отслужена лития, и прах княгини был предан земле.

Память о ней будет долго жить среди русских в зарубежье.

Ю. Крузенштерн-Петерек

О зрелищах за декабрь

« Один день в смерти Жоз Эгг »

Название трудно переводимое, и с английского, и с французского. Автор, Питер Никольс, англичанин, не захотел или не сумел дать более точное название своей пьесе, вырванной из его сердца, из растревоженной души.

Думаю, что не скажу ничего нового, предполагая, что настоящие трагедии чаще всего пишутся кровью, если не физической, то душевной. Беспощадный рок наградил автора ребёнком лишённым не только всех человеческих свойств, но даже животной приспособленности к жизни; это существо осуждённое жить как растение. Девочка не говорит, не ходит, не реагирует ни на что и в течение десяти уже истёкших лет отцу и матери приходится отдавать всё свободное время на уход за своей беспомощной дочерью.

Это личное несчастье породило драматическое произведение, которое нельзя классифицировать.

Естественная реакция живых и молодых людей заставляет их вести почти нормальный образ существования, с беспрерывной оглядкой на свое несчастье.

Они порою кажутся даже веселыми, любят, ревнуют, с иронией относятся к некоторым безнадежным попыткам излечения своей дочери, т. е. к разным шарлатанам взявшимся за невозможное. От поры до времени чувствуется, что их нервы находятся в состоянии максимальной напряжённости, которая может вылиться в непоправимую драму, но какой-то инстинкт самосохранения заставляет их разрядить назревающий кризис шуткой, гримасой, разговором о чуждых им предметах.

Ловлю себя на том, что я рассказываю уже не о пьесе, но о спектакле, который поставлен в Театре « Гетэ-Монпарнас ».

Не знаю, соответствует ли исполнение, которое мы увидели в театре, мысли автора, его заданию, но позволю себе выразить не только восхищение игрой артистов, а также их огромной проникновенностью в душевное состояние воплощаемых героев. Не сомневаюсь, что режиссёр, господин Фагадо, дал общий, высокий тон спектаклю.

Не думайте, что перед вами предстанет тяжкая драма. В том вся соль, что, в данном исполнении, пьесу можно назвать комедией и это позволяет зрителю провести исключи-

тельно интересный вечер. Остроумие автора с удивительным тактом передается Жаном Рошфором, играющим отца. Нет, он не играет — он живёт жизнью человека, уставшего от своего горя и посему относящегося ко всему с юмором. Этот юмор не гоголевский, это не смех сквозь слёзы. Артист носит замечательную маску веселья, настолько убедительную, что зритель порою принимает его смех всерьёз и смеётся вместе с ним и... и вдруг стыдится своего смеха, как бы почувствовав, что артист его ввёл в заблуждение. Жан Рошфор окарикатуривает детских врачей, агентов социального страхования, духовных лиц, к которым он обращался для спасения своего ребёнка. Карикатура смешная, но сквозь нее видно страшное озлобление, признание банкротства всего и всех перед роком.

Появление в их квартире двух благополучных мещан, в ругательном смысле этого слова, состоятельного преуспевшего человека, отца нормальных детей и его недалекой жены, брезгливо относящейся ко всему, что может обеспокоить ее жирное счастье, их дешёвые, близорукие советы вызывают в Бриане взрыв сарказма и приступ отчаяния. Он готов уничтожить несчастное создание, но бесконечная материнская любовь спасает уже похолодевшее тело существа, которое даже нельзя назвать ребёнком. Нервы отца сдали. Он уходит, покидает всё. Сомневаюсь — окончательно ли?

Чудесной партнёршей Жану Рошфору оказалась Марта Келлер, проявляющая чудо материнской привязанности и самоотверженности. Ее мягкая улыбка выражает покорность перед несправедливостью судьбы и необычайную чуткость по отношению к мужу; очаровательность каждого движения и прелестный венский акцент создают некий ореол вокруг персонажа. Это не мешает ей участвовать в весёлых скетчах, придуманных ее мужем, Брианом.

Нам часто приходится удивляться искусству актёров, но эта пара, Жан Рошфор и Марта Келлер, переходят за пределы искусства, — настолько они живут в своих персонажах. Они заставляют зрителя забыть, что он в театре и ему почти становится неловко, словно он подсматривает за событиями происходящими в этом доме, за переживаниями, не предназначенными для чужих глаз.

Прекрасна, тоже, в кратких и выразительных сценках пара вышеупомянутых гостей в исполнении Нелли Виньон и Вильяма Сабатье.

В действие вторгается мать Бриана, нарушающая своей моральной и психологической близорукостью неустойчивое равновесие, на котором держится возможность существования се-

мы. У автора оказалось достаточно вкуса, чтобы ввести её, как комический элемент, разряжающий частично тягостную атмосферу последних сцен.

Очень умно появление «больной» девочки, после первого акта, играющей в обруч и сообщающей об антракте. Дескать, не принимайте всё это всерьёз.

По поводу фильма « Андрей Рублев »

« Преподобный Андрей, радонежский иконописец прозванием Рублёв, писалше многия святыя иконы чудны зело и украшены. Бе той Андрей прежде живяше в послушании преподобнаго отца Никона Радонежскаго. Той повеле ему при себе написати образ Пресвятыя Троицы, в похвалу отцу своему, Святому Сергию Чудотворцу. Последи же живяше в Андроникове монастыре, со другом своим Данилом, и zde скончаса ».

« Сказания о святых иконописцах »

Изд. И. П. Сахарова.

Предвижу все громы, которые посыпятся на мою голову за смелость некоторой критики по поводу виденной мною кинематографической картины « Андрей Рублёв ».

Начну с внешних впечатлений. Снимки показались мне бледно-серыми, часто не очень ясными. Возможно, что виной тому был неважный экран.

С первого же кадра дождевая завеса делает туманным пейзаж и действие. С малыми перерывами дождь идёт на протяжении всего фильма. т. е. около 12 лет. В соответствии с этим русский пейзаж — это сплошные лужи, болота, топкая грязь и глина. Мне, конечно, возразят, что это необходимо для задачи специального настроения. Добавлю, что картина снята не в красках, кроме последних десяти минут. Ни для кого не секрет, что XV век не отличался особой мягкостью нравов ни в России, ни на Западе. Татарские погромы вряд ли проходили под флагом высокой человечности. Но трудно допустить, что на этом мрачном историческом фоне не было ни одной радужной минуты, ни одного проблеска веселья, или, просто, картины мирной жизни.

Фильм, в течение трёх с лишним часов, показывает одни ужасы, зверство, насилия, членовредительство, пытки и беспричинное, беспредметное издевательство над человеком. В любой области искусства трудно найти творение, написанное одной черной краской. Это и монотонно, и лишает рельефности особо интересные моменты или сюжет.

Кроме того, некоторые кадры показались мне ненужно затянутыми и, потому, ослабляющими внимание зрителя.

Что касается сюжета, в котором великий Рублёв, судя по заголовку, имел право на преимущественное место, то, к сожалению, мы, его поклонники, остались, как говорят французы, « голодными ».

Если его биография в подробностях не известна, то всё же не мало элементов установлено с достаточной точностью, что не вполне соответствует освещению картины. Совершенно ясно, что художники, сделавшие этот фильм, имели в виду нарисовать широкую фреску эпохи и что Рублёв был лишь, как бы, ориентировочным пунктом. В таком случае, следовало дать произведению другое название. Нам показали эпопею эпохи, в которую случайно попал **тоже и Рублёв**. И здесь позволю себе быть несколько несогласным с некоторыми обрамлениями его биографии.

Ссылаюсь на стр. 116-ю III-го тома « Истории Русского Искусства » и мнение И. Э. Грабаря. Следы ранней деятельности Рублёва сохранились в Звенигороде, ставшем резиденцией, с 1388 года, князя Юрия, сына Дмитрия Донского. Юрий Дмитриевич прожил там до 1425 года. Был он крестником Сергия Радонежского, « часто посещал его обитель и щедро ее одаривал ». — « Юрий Дмитриевич поддерживал оживлённые сношения с обителью Сергия как раз в те годы, когда в ней жил Рублёв ». Несомненно, что Рублёву пришлось быть свидетелем результатов татарского погрома в городе Владимире, куда он был послан Московским Великим князем для восстановления Успенского собора. Но никаких признаков каких-то княжеских зверств, с выкалыванием глаз художникам-иконописцам, нигде найти нельзя. Слишком большим уважением пользовались они со стороны, хотя бы, князя Юрия, слишком были ценимы, чтобы версия оказалась правдоподобной. Слухи о подобных насилиях, во избежание конкуренции со стороны соперников, вошли в устные легендарные хроники. В данном фильме этот эпизод приведен в серии всевозможных ужасов для сгущения и так не радостных образов.

Кульминационным пунктом фильма нужно считать татарский набег на город Владимир и разорение храма татаринком Талычей, через два года после работы в нём Андрея Рублёва и Даниила Чёрного. Творцы фильма хотят доказать, что ужас этого нашествия был как-бы отправным пунктом великого творчества Рублёва. Но из вышесказанного видно, что художник в это время не только был уже в полном расцвете своего таланта, но и слава о нем распространилась по всем княжествам.

Переходя к игре артистов, участников фильма, позволю себе остановиться на трёх, исполняющих второстепенные роли. Артист, играющий в первом кадре скомороха, замученного какими-то княжескими слугами, очень ярко скомпановал своего героя. Очень интересен в роли ключаря Патрикея Юрий Никулин. Ему удался трагический образ замученного монаха, не выдавшего спрятанных людей и драгоценную «кузнь». («Сия же злоба склочися от своих братий христиан», говорит со скорбью летописец). Хорош молодой артист, играющий литейщика колокола. (Сцена отливки колокола очень интересна, хотя тоже непомерно затянута). Остальные артисты мне показались или чересчур страшными злодеями или слишком «сальными».

Мне очень прискорбно, что я не обнаружил в себе всеобщего восхищения картиной, о которой во всей печати был разговор как о шедевре. Возможно, что уж слишком много восхищения я слышал заранее.

О московском цирке

Часто приходится слышать для определения нелепости затеянного театрального предприятия слово «цирк». Неудачные попытки смешить публику называют «клоунадой». Насколько термины эти несправедливы, мы могли убедиться по спектаклю, показанному московским цирком. Не страдая никаким «квасным» патриотизмом, я смею заверить наших читателей, что вся программа составлена из лучших номеров циркового репертуара с достижением максимального театрального совершенства. К сожалению, мы не могли оценить искусство джигитовки из-за болезни лошадей, что лишило спектакль нужного разнообразия. Но во всех остальных номерах царит не только ловкость, сила, смелость, но и элегантность, эстетика и вкус. Будь это Давидовичи, вертящиеся по-двое, по-трое или в одиночку в двойных колесах, прыгуны Довеико, проделывающие невероятные прыжки с математической точностью, Тамара Мордвинова, совершающая под куполом эластичные фигуры и полёты, или Любовь Орлова с Геннадием Карпи, опровергающие всякое понятие о невозможном в смысле эквилибристики на одноколёсном велосипеде, все они, так же как и другие, о которых разговор будет ниже, поражают чеканностью отделки своих номеров. Грачёвы, жонглирующие 14-ю бутылками в самых фантастических позициях, Канарский и Лавин, партерные силачи выказывающие сверхчеловеческую мускульную работу, проделывают свои упражнения с такой кажущейся лёгкостью, что непосвященный зритель вряд ли отдаёт себе отчет

в невероятной и каждодневной тренировке, на основании природных данных, проделываемой этими артистами. Наше удовольствие, получаемое от красоты ансамбля, связанное с удивлением, не омрачается сознанием огромной опасности многих упражнений, т. к. акробаты прицеплены, по крайней мере так кажется, к еле видимому тросу.

К другой группе номеров относятся превосходная дрессировщица собак, управляющая своей четвероногой труппой как опытный танцмейстер, и Иоланта Ольховикова со своими многочисленными попугаями, разных пород. На этом номере хочется остановиться особо, т. к. он удивляет своей оригинальностью. Ее пернатые артисты говорят по приказу, составляют интересные группировки, вертятся и доказывают, что попугай совсем не глупая птица. Но каким терпением и трудом это достигнуто, можно лишь догадываться. О медведях Кудрявцева уже столько написано, что мало можно добавить. Меня особо поразило как бы дружеское, совместное усилие и удовольствие зверей и их руководителя, получаемое от удачных номеров на велосипеде, мотоцикле и пр. Незаслуженно, чуть было не забыл упомянуть об Ивановых — канатоходцах. Нам еще никогда не пришлось видеть ни хождения по канату в туфельках на высоких каблуках, ни такой парной работы, относящей Ивановых к лучшим мировым артистам этого жанра.

Перехожу ко второй части программы, целиком занятой фокусником или, как теперь говорят, «иллюзионистом». В данном случае слово «иллюзия» вполне уместно.

Создается впечатление осуществления иррационального, невозможного, граничащего с чудом. Поскольку ни в какие чудеса, а, в особенности, цирковые, мы уже не верим, то приходится призадуматься над невероятной ловкостью и замечательными аппаратами, которые создают иллюзию сжигания артистки на ваших глазах, непонятного перемещения персонажей, замены женщины львом и проч. Даже сам фокусник, знаменитый Игорь Кио, ухитряется исчезнуть на глазах зрителей и с невинным видом немедленно появляется из кулис. Всё это проделывается так, точно он сам удивляется, что вы не понимаете, как это просто.

Весь спектакль проходит при непрерывном участии конферансье, клоуна Юрия Никулина. Все ваши представления о клоуне ничего общего не имеют с умными номерами этого артиста, напоминающего лучшие выступления Анатолия и Владимира Дуровых, плюс невозмутимость Бэстэр Китона, наивность Макса Линдера и трогательность Чарли Чаплина. Как сказано, я также видел Никулина в небольшой роли монаха всё в том же нашумевшем фильме «Рублёв», и персонаж, дан-

ный Никулиным, запомнился больше всех других участников фильма своей рельефностью, сочностью и трагичностью. Таким образом, слово клоун, благодаря артисту величины Никулина, получает звучание далеко переходящее за привычный образ «рыжего помогай», намозолившего глаза на всех цирковых аренах мира. Следует пожалеть, что недостаточное знание французского языка не позволяет артисту вступить в более близкий контакт с местными зрителями. Но мимика Никулина настолько выразительна, что она почти заменяет слово. Хотелось бы больше его присутствия, более частого появления на арене.

«Итальянцы в Париже»

Почти сто сорок лет просуществовал в Париже Итальянский театр. Начал он свою карьеру как гастороллирующая труппа, постепенно оседавшая, в конце слившаяся с французским театром и пользовавшаяся равными правами с «Театром Мольера». В первом периоде своего пребывания в Париже труппа ставила почти исключительно комедии Масок или «Комедии дель Артэ». К несчастью для актёров этого театра, лет через сорок после их установления в Париже они стали играть тоже по-французски и ставить французские комедии. «К несчастью» потому, что неосторожно была сыграна комедия Де Фатувиля «Ложная Скромница», в которой Мадам де Ментенон, не без основания, увидела карикатуру на себя. «Итальянская Комедия» была не только закрыта, но и все актёры высланы из Франции. Случилось это в 1697 году и лишь в 1716 г. театр возобновил свою деятельность в Париже. Один из артистов высланного театра составил сборник комедий, иггранных труппой до ее высылки, и этот сборник послужил документом для полного ознакомления последующих поколений не только с репертуаром, но и с характером основных действовавших лиц. Назывался сборник: «Все комедии и Французские сцены, иггранные итальянскими комедиантами в течение всего времени, когда они были на службе».

«Комеди Франсэз» воспользовалась переделкой этого документа двумя мастерами диалога, Шарлем Шара и Андрэ Жиллем, и выпустила спектакль под названием «Итальянцы в Париже». Для спектакля мобилизован молодой состав труппы, играющий под специально написанную музыку Ван Париса и под руководством Ле Пулэн. Перед зрителями вновь предстали классические персонажи Панталона, Доктора, Арлекина, Медзетина, Коломбины, Кормилицы, Нотариуса и пр.

Специально написанный занавес с изображением в пер-

спективе старого Парижа вызвал аплодисменты. Тем же художником, Пьером Клайеттом задуманы костюмы, обладающие нужной пестротой и живописностью. Молодые артисты не жалеют своих сил и талантов, чтобы дать максимальное движение и забавность спектаклю. Арлекин поражает акробатическими приемами. Играющий его Жан-Люк Моро, недавний пришелец в труппе этого театра, обладает всеми качествами персонажа; прекрасная Коломбина — Катерина Гижель поражает мимикой, подвижностью и способностью к танцам. Пикантное личико талантливой Поль Ноэль каждой гримаской иллюстрирует приключения своего персонажа, дочери молодящегося Панталона. Сам он, в исполнении Мишеля Омона, превосходит.

Забавны, подвижны, в достаточной степени карикатурны два охотника за богатыми невестами: Синтио (Мишель Дюшоуа) и Октав (Симо Эйн). Можно похвалить каждого исполнителя в отдельности, бешенный темп их игры, танцев, смену декораций... Как будто бы все превосходно — и все же чувствуешь, что чего-то не хватает, или, может быть, слишком много, тяжеловато... Пожалуй, очень уж старательно, надуманно, намеренно, что находится в противоречии с непосредственностью итальянского прототипа. Возможно, что видимая искусственность спектакля, его абсолютная законченность, даже чеканность находятся вне импровизации, которую мы имели возможность оценить у подлинных итальянцев, приехавших недавно в Париж с « Пикколо Театро де Милано ». Предполагаю, что и они теперь не позволяют себе много импровизаций или отсебятины, но природный темперамент, соответствующий данного рода спектаклю, и наследственное понимание своих масок играют большую роль в несравнимом совершенстве показанных пьес. Еще раз приходишь к выводу, что национальный гений играет большую роль в театре данного народа, создавшего только ему свойственные персонажи.

« Две сиротки » (шарж)

Признаюсь, что питаю некоторую слабость к спектаклям, сделанным Жаком Фабри.

Каждая его неудача вызывает во мне глубокое сожаление, но не разочарование, т. к. я верю в его талант, многогранные способности и в роли артиста, и как режиссера, и как организатора труппы и открывателя талантов. Каждый его успех мне кажется вполне заслуженным не только в данном случае, но и, как бы, воздаянием должного за всю его работу в театре. Напомню, кто такой Жак Фабри.

Мы открыли его во главе молодой труппы с десяток лет тому назад, когда он сыграл «Семью Арлекина»; засим большой успех встретил его спектакль «Ницета и Благородство»; последовали «Гусары», «Королевская Кобылица» и др. пьесы, привлекая внимание, всюду чувствовалось острое понимание психологии зрителя, пришедшего повеселиться в театр остроумия, комических находок, легкой сатиры и своеобразного подхода к пьесам классического репертуара...

В этой группе особенно запечатлелись в памяти «Виндзорские Проказницы» Шекспира. Не зная происхождения Жака Фабри, не могу утверждать, что в нем чувствуется итальянская кровь, но на всем его творчестве лежит печать естественности, лёгкости импровизации, свойственная трансальпийским комикам.

Ныне Жак Фабри взялся за пародию на знаменитую мелодраму Эннери и Гормона «Две Сиротки», которая, между прочим, была поставлена Станиславским в Московском Художественном Театре в 1927 году, под названием «Сёстры Жерар».

Пародия сделана Евгением Миреа и Жак Фабри в нескольких словах выражает благодарность автору за сохранение уважения к оригиналу. Мы, в свою очередь, должны быть благодарны Фабри за его умеренность в шарже, за его осторожность по отношению к пьесе, которая заставляла наших дедов проливать слезы над трагической судьбой двух подростков, попавших, силой случая, в самые трагические передрыги, благополучно кончившиеся благодаря «неожиданной развязке».

Мы находимся в периоде не только «переоценки ценностей», но и насмешки надо всем, что доставляло надежду нашим предкам на лучшее будущее человека, на развитие в нем гуманных свойств и т. п. Одним из средств пробуждения в наивных душах добрых чувств были мелодрамы, рассказывавшие о посрамлении зла и торжестве добродетели. В первые годы следовавшие за «великой бескровной», мне пришлось быть свидетелем необычайного успеха на русских народных сценах так называемых «мелодрам», как напр. «Трильби», «Казнь» Ге, «Мечта Любви» Косоротова, «Роман» Шельдона и т. п. Казалось, что после всех пережитых ужасов и жестокостей массовый зритель инстинктивно потянулся к спектаклям, в которых зло было наказано. Возле меня сидели суровые «товарищи» и потихонечку смахивали слёзы... Так что, не будем забивать «осиновый кол» в мелодраму, — она еще может пригодиться.

Возвращаюсь к «шутке», сделанной Жаком Фабри в Театре «Варьетэ». Пред зрителем предстает своего рода феерия,

богатая красками, музыкой, танцами, театральными трюками, настолько шитыми белыми нитками, настолько видимыми самым непосвященным зрителем и «невооружённым глазом», что их наивность становится глубоко театральной. Постановщику удалось самые неожиданные смещения жанров спектакля: пантомима, марионетки, шарж, персонифицированные, подвижные декорации, водевиль с переодеванием, пение...

Театральные теоретики давно мечтают об «абсолютном театре», т. е. о синтезе разных сценических ответвлений в одном спектакле. Фабри, в данной постановке, почти достиг этого слияния: одна категория не только переходит в другую, но как бы дополняет ее, дает логическое разрешение запутанному положению.

Двух сестер играют очаровательные молоденькие артистки, Дельфин Дэзье и Даниель Видаль. Видаль обладает небольшим, но очаровательным голосом и умением его подать. Несмотря на видимость пародии, — сестры порою кажутся просто трогательными. Сам Фабри буквально не покидает сцены. Он и рассказывает содержание, изображает множество персонажей, дирижирует плясками, словом, заправляет и направляет всю игру.

Среди участвующих привлекает внимание прекрасный певец Тео Сарапо, одно из открытий Эдит Пиаф. Он не только прекрасно поет, но оказался весьма удовлетворительным артистом.

Хочется пожелать этому спектаклю длительного успеха, которого он заслуживает. (Независимо от моей слабости к творчеству Жака Фабри).

П.С. — Для успокоения чувствительных зрительниц, спешу добавить, что одну из сироток во-время спасают от ужасного сатира и публичного дома, а ее слепую сестру оперирует талантливый доктор и она прозревает.

Л. Доминик

МАРК ШАГАЛ В GRAND PALAIS

Имя Шагала уже давно приобрело мировую славу. Новая выставка его творчества — огромна. Показаны произведения с 1908 по 1969 год. 61 год работы: живопись масляными красками и гуашью; театральные декорации и костюмы; стенная роспись; скульптура; керамика; витражи; ковры...

Сюжеты:

Громадная рыба с птичьими крыльями и с мужской рукой, держащей скрипку, летит над речным пейзажем, опираясь на громадные часы (которые тоже летят, но без крыльев). Внизу, на берегу реки лежат, обнявшись, молодой парень и уродливая девушка с обнаженными шарами своих грудей. Нищенские домики стоят на берегах, склонившись на бок.

Другое: «Комедианты». Совершенно диспропорциональная женщина, наряженная в какой-то цирковой костюм; в руке — скорченная скрипка; над головой — огромная голова птицы; внизу — Сена, три моста и два Собора Парижской Богоматери; в центре картины, в воздухе — две головы телят и рядом с ними, параллельно с упомянутой женщиной, скользит другая человеческая фигура с невероятно распухшей головой (быть может, маска) и с тремя кистями рук. В правом углу наверху, набросаны на небе едва заметные контуры двух крохотных человеческих лиц.

Еще раз — Собор Парижской Богоматери, над которым расцветают букеты, более крупные, чем Собор. Слева от Собора, облокотившись на него, стоит двухэтажная голая женщина. Еще левее и выше, в небе, летит на крыльях какой-то теленок, а над ним — что-то вроде солнца. По другую сторону от Собора, в небе, летит в вертикальной позе рыба с телячьей головой. Около нее — луна, а над луной — еще одна голова теленка, держащего в руке трехсвечник. Еще ниже — младенец рисует птицу на мольберте и над ним — очень крупная нагая женщина, с двойной головой и с тремя глазами, упоирается рукой на какую-то птичку. Между ног у этой женщины лежит голый младенец, а в нижнем левом углу этой картины стоит крохотная деревенская телега с лошастью.

Нужно добавить, что рыба и теленок присутствуют почти на всех картинах Шагала. В картине «Hommage à Gaughin» теленок даже играет на скрипке.

«Вдвоем над букетами»: длинный молодой человек, в пиджаке и брюках, лежит, прижавшись к голой девушке, и

ласкает рукой ее грудь. Лежат они на цветочных букетах, стоящих на крышах крохотных избушек, над которыми возвышается теленок.

« Портрет Вавы ». Она сидит на стуле. На ее животе лежат, обнявшись, двое влюбленных. За головой Вавы — голова теленка, за которой — Эйфелева башня, а под Эйфелевой башней — Парижская Опера. Над головами теленка и Вавы — профиль сердитого женского лица, может быть — той же Вавы, а в небе, над лунным серпом, — опять летает всё та же крылатая рыба.

« Крестьянин » : внизу картины — серия смятых искривленных домиков, а в небе — уже два теленка (один вниз головой другой вверх головой), играющие на скрипках. В том же небе — двухголовый мальчик с букетом.

И опять — телята, скрипки, опрокинутые домики, петухи, голые женщины, крылатые рыбы и подсвечники... даже телята с мужским лицом, в шляпе и с цветами на ягодицах.

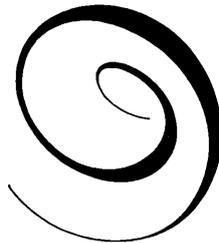
Марк Шагал сказал одному французскому журналисту :

— Я ходил по Луне, когда еще не существовали космонавты! В моих картинах, мои персонажи всегда были в небе и в воздухе, и все говорили мне : « Как вы можете делать это? ». Для меня это было возбуждением. Но теперь это осуществилось и я рад.

Тем лучше для Шагала. Но если я не ошибаюсь, то Ангелы или какойнибудь неудачливый Икар летали в небесах еще недели за две или за три до того, как об этом стал мечтать Шагал.

Марк Шагал гениален. Пожелаем ему еще более крупных успехов.

М. Григоровский

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАМЕТКИ

Родион Березов : «Разлука», роман. Изд. Раузена, Нью-Йорк, 1965-1967

Летом 1914-го, по окончании гимназии, выросшая в семье дальних родственников круглая сирота Лида Белкина, вместо того, чтобы поступить — как мечтала — на высшие женские курсы, вышла замуж за «волевого, остроумного интересного брүнета высокого роста, с гипнотизирующим взглядом черных, круглых как у кота, глаз». И стала таким образом «дамой-купчихой», женой приехавшего в Москву из Сибири, с целью открытия гастрономических магазинов, Константина Михайловича Лихачова, человека весьма богатого и энергичного. От ее имени, в первом лице, и ведется повествование.

Всем пишущим известно, что одних наблюдений и сопоставлений мало чтобы очертить характер персонажей, что авторам надо как можно ясней прочувствовать, чтобы не сказать пережить, внутренние побуждения героев. В этом смысле Родион Березов, в романе «Разлука», взялся за нечто особенно трудное: написать от имени женщины. Скажем тут же, что с задачей этой он справился не без блеска, хотя изложение, — особенно диалоги и вообще разговоры, — не всегда переданы в безупречно женской тональности.

Но это больше оговорка чем критическое замечание. Размер и размах задуманной фрески, эпоха, среда, война, длительность охваченного периода, многочисленные поездки и перемены мест жительства, — да и многое другое, чего не перечислишь, — вынудили автора не ограничить сюжет лишь «описанием длинной истории жизни» Лидии Лихачовой. И если всё затронутое, и иногда с большими подробностями переданное автором, и предложено читателю в преломлении, так сказать, «автобиографическом», то почти везде к этому «автобиографическому» само присоединилось нечто общее, нечто больше относящееся к самому отрезку истории, чем к восприятию этого отрезка героиней романа.

Следуя усвоенному нами правилу стараться отыскать в каждом произведении, о котором приходится писать, главный, первенствующий замысел, то, что, по мнению нашему, автор больше всего прочувствовал и из-за чего написал книгу, — рассказ ли, роман ли, — скажем без промедления, что в «Разлуке», на наш взгляд, можно найти две различных темы.

Конечно, они тесно одна с другой связаны: больше того, вторая, без первой, не могла бы возникнуть. Но водораздел между ними настолько отчетлив, что можно позволить себе догадку: не задумал ли автор первоначально только первую тему и не присоединил ли к ней вторую позже? Возможно ведь, что под влиянием многочисленных писем, полученных им от читателей, которым хотелось узнать о «дальнейшей судьбе» Лидии Лихачовой, он не пожелал — или не решился — не проследить каждого до конца и написал род продолжения. Такая догадка тем более допустима, что роман «Разлука» — верней, «главы из романа» — заполняют вторую половину первой книги двух-томного собрания, названного автором «Вечно живет». Главам этим предшествует одиннадцать рассказов. Та часть «Разлуки», которая входит в первый том, не что иное, как глубоко задуманный, в некоторых отношениях удивительный, психологический роман, в то время как вышедшая двумя годами позже вторая часть — в большой степени романсированный репортаж. Правда, в репортаже этом на каждом шагу натыкаешься на продолжения и разветвления того, что составило основную тему части первой. Но все же и быту, и среде, и персонажам уделено столько места и внимания, что впечатление «репортажа» перевешивает, чего о части первой сказать нельзя никак.

Возвращаясь к главам вступительным, отметим, что надежный «грубоватой нежностью» Константин Лихачов оказался, вскоре после брака, непереносимым мужем. Непереносимым из-за ревности! О ревности было много и многими написано и если Отелло ее классический тип, то всех разновидностей этого недуга он все же не исчерпывает. Теперь говорят, что физическое «местонахождение» ревности селезенка, и что с помощью соответствующих пилюль она может быть устранена. Так это или не так — покажет медицинское будущее. В случае Константина Лихачова ревность оказалась обстоятельством весьма существенным, приведшим к результатам бедственного характера. Но в положенный срок чудесное исцеление пришло само, без пилюль. Почти чудесно оно пришло!

В начале войны 14-18 гг. Лихачов, как указано, открывал в Москве первоклассные гастрономические магазины и наживал большие деньги. Соответственно он баловал молодую жену: серебристые песцы, чернобурые лисицы, жемчуга, туалеты, ковры, парижские духи и украшенное кружевами шелковое белье, черепаховые гребешки, бриллианты... Но, при этом, ревность! И какая! Ревность ко всем и ко всему, вызванная ею тираническая подозрительность, всякого сорта провер-

ки, слезка, каждые пять минут телефонные звонки из конторы: дома ли, мол, и одна ли? И упреки, и угрозы, и грубая брань, и слезы, и мольбы, чуть ли не побои, — словом, все краски палитры. Доведенная, иной раз, до иступления Лидия Лихачова, которой « рабская покорность была чужда » и которую было « трудно задобрить и подкупить подарками », бросала ему все меха под ноги и кричала: « Возьми! Облагодетельствуй ими более достойную... Мучитель, тиран, деспот... »

Но время шло и у Лидии родился сын. — Это одно. — Война же подчиняла себе всё больше сторон человеческих отношений — это другое. Дальновидным и умудренным житейским опытом, могло казаться, что недалеко дни, когда война и то, что из нее вытекает, подчинят себе вообще Все Отношения и что решительная беда не за горами. Лихачов решил принять меры.

— Поедем, пока не поздно, в наш богоспасаемый Омск, — сказал он, вернувшись с очередного митинга. — Дело идет к полному краху. Керенский слишком близорук...

И уехали.

В Омске Лихачов купил дом, завел выездных лошадей, нанял кухарку. Жизнь там была совсем другой, чем в столице. Можно было отдохнуть от « политической напряженности ». — « Я заметила, — пишет Лидия, — что начинаю полнеть и походить на своих невесток, которых ничуть не беспокоила дородность. Они, наоборот, соревновались полнотой бюстов, округленностью плеч и пышностью бедер ». Мужья, показывая жен гостям, спрашивали: « ну чем не царицы? » — имея в виду императриц послепетровского периода, портреты которых висели на почетных местах.

В Омске революции не то, что не замечали, но не думали, что смена власти может отразиться на частных статутах. « Ни-чье сердце не сжималось от предчувствия катастрофических событий. Все были полны жаждой жизни... » — пишет Лидия.

Применительно к этому периоду автор, в подстрочном примечании, сообщает, что « в главе второй (пропущенной) описан разрыв с мужем и его отъезд в Москву ». О том, что и как в этой второй главе рассказано, можно судить по появляющимся в дальнейшем изложении ссылкам на нее. По-видимому, там кутили, веселились, влюблялись, ухаживали, много пили, вкусно ели. И случилось так, что Вася Пермьяков явился, в обществе развеселых друзей, лунной ночью к Лихачовым, закутал Лидию в доху и повез кататься на тройке. В результате ревнивый муж уехал в Москву, бросив ожидавшую второго ребенка жену, в некотором смысле, на произвол судьбы. Поступив тогда на службу в советское учреждение Лидия дождалась

разрешения от бремени и тоже направилась в Москву. И тут вот и делится автор своим замыслом — всей глубиной своего замысла! — с читателями. Во время путешествия в транссибирском поезде, в котором, из-за иностранных пассажиров, сохранились еще дореволюционные навыки, пульмановский вагон и вагон-ресторан, Лидия знакомится с неким Гриневым, инженером, привилегированным из-за его специальности золотоискателя, — человеком весьма культурным, гуманным, видимо в средствах не стесненным, благожелательным и внимательным. Из разговоров вытекает, что Гринев бездетен и что для его жены бездетность — источник непрекращающейся грусти. Лидия же Лихачова, с двумя сыновьями, из которых второго она еще кормит грудью, едет в Москву, сама не зная, что ее там ждет. Происходит тогда обмен, так сказать «джентльмен-агримент», или взаимное духовное соглашение с крепкими земными корнями — нечто, вообще, весьма трудно определяемое, нечто такое, что, не будь пронизательного описания Родиона Березова (к тому же «предоставленного» им женщине, которая сама плод его авторского воображения) — можно было бы принять за вымысел, имеющий целью удивить читателя. Простота и размеренность изложения этот соблазн устраняют и уступка малыша, который мог показаться матери в слишком трудное время ношей непосильной, бездетной и незнакомой женщине, кажется оправданной. Следует за тем неожиданное и молниеносное примирение с мужем. И, разумеется, это обстоятельство еще больше усложняет внутреннюю проблему, которая, как мы позволяем себе думать, и была главной темой автора, той, ради которой он написал роман. В том или ином аспекте он к этой главной теме возвращается всё время. Именно она служит ему отправной точкой для страниц, из которых многие, как например эпизод поездки в Кисловодск чтобы взглянуть на «уступленного» сына, — но тайно, так, чтобы он продолжал быть уверенным, что его мать жена инженера золотоискателя, — подводят читателя как бы вплотную к затронутому автором вопросу, ставят его лицом к лицу с переживаниями матери, в трудную минуту решившейся расстаться с трехмесячным сыном, поручив его никогда ею не виданной женщине.

Но если материнские права, материнские обязанности и, больше всего, материнская любовь, в той или иной форме, приковывают внимание автора, то фоном им служит широко развернутая картина московского быта двадцатых и тридцатых годов, потом приближение, потом начало войны.

Случайно оказавшаяся в захваченном немцами городе Лидия поступает в один из штабов переводчицей и когда начина-

ется отступление, следует за германской армией. Впрочем, другого выхода и не было. Остаться на месте значило бы быть расстрелянной как « изменница родине » и выпавшая на ее долю, после долгих мытарств, судьба « ди-пи » сложилась естественно, как бы сама по себе.

Мытарства и приключения, трагические развязки для большинства и хэппи-энд для меньшинства описаны много раз, и в « Разлуке » нового к этим описаниям — репортажам прибавлено немного. Отметим однако, что оказавшись в совсем неожиданном для нее « дипистском » состоянии, Лидия, лишь вскользь упоминаящая и первого мужа, погибшего в концлагере за полярным кругом, и второго, мобилизованного в первые дни войны, и сына Михаила, тоже мобилизованного, с вниманием возвращается к « главной теме » — т. е. к тому, что она « поступила не по матерински, отдав четырехмесячного крошку совершенно чужому человеку ». Повторим: для поиска в этой области Родион Березов и написал « Разлуку ». И еще повторим: всё, что находится за пределами этой главной и основной темы, — романсированный репортаж.

Надо отметить, что некоторые разделы этого репортажа весьма интересны. Конечно, мы не имеем в виду последовательные испытания, выпавшие на долю Лидии и ее близких во времена военного коммунизма, потом Нэпа, потом начала Сталиничины, террора, чисток и т. п. Об этом, как о мытарствах ди-пи, было написано немало и, так же как в вопросе ди-пи, Березов, искусно все излагающий, нового прибавляет не так много. Надобно, разумеется, учесть, что перо свое он предоставил Лидии, и что Лидия всё видит своими глазами (хотя, повторим, порой, в строках « ее » звучат не совсем женские нотки). И часто Лидия говорит и рассказывает о виденном так, что оно представляется читателю в особенном освещении. В романсированном репортаже о жизни в Москве очень много места отведено литературным собраниям, знакомствам и дружбе с писателями и поэтами, спектаклям, чтению стихов, обсуждениям вопросов творчества. Обеды, гости, встречи, поездки за город, пикники — всякие, вообще, проявления интенсивной умственной жизни всё время натякающейся на партийный контроль, вгонявший ее в столь же непоколебимые, сколь нелепые рамки. Перечислять имена было бы праздной попыткой схематизации богатейшей череды образов, сочетаний, перспектив, эпизодов. С каждым из них связана какая-нибудь история и в них центр тяжести, из-за них, этих аспектов отношений между писателями, писательницами, мужьями, женами, любовниками и любовницами, романсированный репортаж о литературной жизни в Москве двадцатых и тридцатых годов позволено

счесть отличающимся от того, что на эти темы до сих пор было написано. Больше всего внимания уделено Есенину, и, в прямой зависимости, не раз упомянута Айседора Дункан. История постепенного падения и грангиньольского самоубийства поэта рассказана с большой тщательностью. Цитаты стихов Есенина многочисленны. Применительно к поэту да будет нам позволено избрать второе сочленение латинской пословицы « de mortibus aut bene, aut nihil », не присоединившись таким образом к оценкам его творчества, приводимым Лидией Лихачовой, ни к ее собственной оценке. Из ряда других зарисовок надлежит выделить образ Брюсова, краткий и яркий. В общем всё, о чем говорится в части романсированного репортажа, весьма удачно, и даже приближающаяся к метаморфозе встреча сыновей Лидии в Москве, когда узнаем, что « уступленный неизвестной женщине » малыш за годы разлуки стал богатым и знаменитым, и архихэппиэндное прибытие в С.Ш.А. матери после войны написаны увлекательно, и если может временами показаться, что Родион Березов не жалеет места, то недочет этот в большой мере заслонен множественностью и разнообразием образов, силуэтов, сочетаний и описаний.

Скажем — вернее, еще раз повторим — в заключение, что несмотря на то, что при чтении части второй желание знать, « что будет дальше », все время возбуждено, все же главное сказано в части первой, там, где автор уделил максимум внимания проблеме вечной и общечеловеческой, ни с какими приводящими обстоятельствами не связанной, и что именно это придает особый вес книге Родиона Березова.

Я. Н. Горбов

На пороге 70-х годов

Три основных направления отчетливо различимы в политике советского правительства в начале наступившего года :

1) Продолжающееся « похолодание » внутри России и всего советского блока — старание « заморозить » в них всякое свободное развитие, восстановлением, насколько возможно, сталинских « установок » и методов властвования;

2) Очень осторожная, даже робкая попытка осуществить некоторую « оттепель » в отношениях с Западом;

3) Предпринятая уже в истекшем году попытка урегулировать отношения с Красным Китаем, судьба которой ныне окутана непроницаемой тайной, — официально известно только, что переговоры не прерваны, и больше ровно ничего.

Сразу бросается в глаза, что и « похолодание » во внутренней политике, и курс на некоторую « оттепель » в отношении Запада представляют собой — противоречивые — попытки Кремля реагировать на обстоятельства, возникшие помимо его. В первом случае, это просто реакция страха перед ростом живых сил, более или менее по всему европейскому « социалистическому лагерю », — страха, достигшего пароксизма в период чехословацкой « весны » и с тех пор не отпускающего правящую верхушку КПСС. С другой стороны, проявленная Никсоном готовность вступить в уже ранее намеченные переговоры, затем перемена правительства в Западной Германии и предпринятая Бонном новая « восточная политика », в сочетании с экономическими затруднениями, заставляющими советскую власть стремиться к сокращению расходов на вооружение, привели ее к необходимости вступить в предлагаемый ей « диалог » с Западным миром. А по всей вероятности, больше всего привела ее к этому чрезвычайная сомнительность результатов, к которым могут привести завязанные ею переговоры с Китаем.

Здесь инициатива исходила несомненно от Кремля. Но и эта инициатива, сама по себе довольно унижительная, была в сущности вынужденной. При брожении внутри советского блока, с его колеблющимися партийно-коммунистическими устоями, дальнейшее обострение идеологической распри с китайскими « догматиками » и прямая угроза войны на Дальнем Востоке стали слишком опасными для Кремлевской диктатуры. Скольконибудь прочное примирение с Пекином на маломаль-

ски приемлемых условиях избавило бы советскую власть и от необходимости откликаться на новые веяния в Вашингтоне и в Бонне, по меньшей мере позволило бы ей тянуть и выжидать на Западе еще больше, чем она это делает сейчас. Отправив Косыгина в Пекин, прекратив, — в общем, односторонне, — полемике с китайскими коммунистами, настояв на открытии переговоров, притом там, где китайцы были на это согласны, а именно в Пекине, попытавшись даже восстановить отношения с европейским клеветом Мао Цзе-дуна — Албанией, советское правительство сделало всё, что могло, чтобы смягчить роковой для него конфликт, взорвавший единство мирового коммунизма и принуждающий СССР к большей сговорчивости на Западе.

Признаемся : день за днем, раньше сообщений об американо-советских переговорах в Хельсинки, раньше московских, варшавских, восточно-берлинских и иных откликов на те или иные заявления Вилли Брандта, мы прежде всего ищем в газетах Парижа, Лондона, Вашингтона — и Москвы каких либо сведений о самом важном, о том, от чего зависит, по всей вероятности, весь ход мировой политики и судьба нынешнего внутреннего « курса » в СССР : о том, что происходит на советско-китайской конференции в Пекине. И кроме редких и скудных косвенных данных не находим ровно ничего, вот уже сколько времени. Даже удивительно, что мировая печать как-то примирилась с этим молчанием и почти перестала проявлять интерес к тому, что за ним стоит. Лучшее уж было бы изо дня в день печатать на первых страницах, под соответствующим заголовком, огромный вопросительный знак... Ведь сама эта неизвестность симптоматична, официальное молчание с каждым днем становится красноречивее, оно всё яснее говорит о том, что попытка не удастся, никакого компромиса нет — и не будет, если только не случится чего-то нежданного-негаданного, вовсе никакому предвидению не поддающегося.

Может быть на советских верхах еще возлагают последнее упование на это « авось », но упование столь шаткое, что оно уже не помешало им еще больше раздражить китайцев демонстративным показом необычайного советско-американского благополучия в Хельсинки, и не позволило им воздержаться от первых кивков в сторону нового Боннского правительства, несмотря на немалые трудности, возникающие от этого в их собственном лагере.

Дело в том, что малейший намек на какой либо флирт между Москвою и Бонном наталкивается на саботаж Ульбрихта, ортодоксальнейшего из ортодоксальных красных европейских властителей, того, который, окончательно нагнав на

Брежнев панику, более всех спровоцировал интервенцию в Чехословакии и после этого стал временами выступать чуть ли не фактическим лидером всего советского блока. Чтобы приступить теперь к какому ни есть «диалогу» с Бонном, Москве пришлось «ставить на место» восточно-германского диктатора, явно зазнавшегося после своего чехословацкого триумфа, и пришлось тащить его на веревке для участия в этом «диалоге», каковое участие он теперь принимает с очевидной неохотой и в пределах, по возможности минимальных. Конечно, несмотря на очень заметное материальное — военное и экономическое — усиление Восточной Германии за последние годы, у самого Ульбрихта нет достаточно сил, чтоб очень упираться, когда московские властители тащат его не туда, куда ему хочется. В этом смысле, лондонский «Экономист» мог недавно назвать его «бумажным тигром». Но как и в разгар чехословацкого кризиса, действительная сила Ульбрихта внутри коммунистического мира по-прежнему заключается в том, что он в крайней форме выражает настроения, вообще существующие среди правящих партийных олигархий, в том числе и в особенности в Москве. Если кремлевская олигархия теперь и повлекла Ульбрихта на веревке к «диалогу», то он может еще лелеять надежду ее переубедить, так как сама она тащит его довольно нерешительно. Тот же английский журнал без сомнения правильно отмечает главную помеху в этом деле:

«Есть люди в Москве, которые и после захвата Чехословакии сильно сомневаются в прочности коммунистического блока и боятся центробежных сил, которые могут быть вызваны проникновением германской торговли и его политическими последствиями. В еще более общей форме, они боятся, что в конце концов не станет возможным сочетать внешнюю политику, направленную на уменьшение международного напряжения, с бдительностью, идеологическим подавлением и политическим зажимом внутри блока» (подчеркнуто нами).

Вопреки туману, который усиленно напускается московской партийной верхушкой, подлинное сближение с Западом, которое станет совершенно неизбежным в случае провала попыток примирения с Китаем, действительно, не может не повести к той внутренней «конвергенции», которую в самой России уже предрек Акад. Сахаров и которая так обеспокоила правоверных советских партийцев. Сколько нибудь плодотворное и прочное сотрудничество нашей страны со странами свободного мира немислимо без устранения в Советском Союзе методов и самого духа тоталитарной диктатуры, пока еще составляющей непреодолимую преграду между ним и остальным культурным человечеством. Чехословацкая драма со всем, что

за нею последовало, показала окончательно, раз и навсегда, неспособность тиранического однопартийного строя к какой бы то ни было творческой эволюции, будь то в международных сношениях или во внутренней политике. Обуреваемая болезненным страхом за свое собственное существование и от этого впадающая то и дело в новые припадки жестокости, однопартийная власть может держаться лишь при условии полной изоляции полоненных ею народов от окружающего мира.

В новой книге Светланы Аллилуевой есть красочный рассказ о том, как сталинские клеветы вроде Молотова, потеряв власть, стали взирать с восхищением на Мао Цзе-дуна. Наверно, и среди теперешних наследников Сталина в глубине души многие были бы не прочь эту «улучшенную» китайскую модель сталинизма применить к сегодняшней России. Только сделать это, по всей очевидности, уже нельзя. Им и приходится ограничиваться «бдительностью, идеологическим подавлением и политическим зажимом» в тех пределах, которые еще возможны — пока неустранимые закономерности общемирового развития не вызовут той внутренней «конвергенции» России и Запада, при которой и эта «бдительность», и этот зажим отпадут сами собой, вместе с однопартийной диктатурой.

**
*

Дело именно в этом: в невозможности для партийных диктаторов пересмотреть в своей системе что либо существенное без подрыва своей собственной власти. Об этом красноречиво говорят секретные чехословацкие документы, которые до завершения «нормализации» удалось перебросить за границу. Исползованные теперь в новой книге находящегося в изгнании известного чехословацкого публициста Павла Тигрида, они подтверждают лишний раз, что, конечно, международные предложения интервенции были чистым вымыслом, — по собственным словам Брежнева в разговоре с Дубчеком, Черником и Гусаксом в октябре 1968 г. всё дело было в сохранности партийной монополии на власть. Эти и подобные данные дают П. Тигриду основание считать, что «сентиментальный марксист» Дубчек с самого начала предавался иллюзиям: «легальная революция» предпринятая в Чехословакии заранее была обречена на успех — при сохранении однопартийной диктатуры во всем остальном советском блоке и прежде всего в самой России.

К этому нужно добавить, что, показательным образом, страх каким бы то ни было «пересмотром» подорвать партийную

власть очень сильно сказывается теперь вовсе и не только у советских брежневых и их «верных союзников» вроде Ульбрихта. Несмотря на осуждение интервенции в Чехословакии Румынией и Югославией, усиление партийного зажима и какой-то откат от прежнего относительного «либерализма» произошли за последние месяцы и в обеих этих странах, словно и на Чаушеску, и даже на Тито, чехословацкий опыт произвел всё-таки устрашающее впечатление: как бы не возникла из первых зачатков свободы — свобода настоящая, и тогда конец всякому однопартийному владычеству, также и у них самих. «Либерализм» румынского «особого пути в коммунизм» всегда бы более чем сомнительным, он стал было расцветать только перед самой советской интервенцией в Праге, когда партийная верхушка в Бухаресте почувствовала и над собой прямую угрозу со стороны СССР и поэтому особо нуждалась в национальном единении. Не приходится удивляться тому, что по миновании острой угрозы этот «либерализм» тоже стал быстро увядать. Но вот — Югославия, та из коммунистических стран, которая — до пражской «весны» — пользовалась бесспорно наибольшей свободой, и притом в особенности свободой печати, менее всего совместимой с тоталитарным режимом. Разумеется, эта свобода и здесь оставалась всегда относительной: мы никогда не забывали, не имеем права и не можем забыть о том, что друг и свидетель подлинной России, проф. М. Михайлов, в титистской Югославии попал в тюрьму, где и находится до сих пор, за свои правдивые статьи и за намерение основать подлинно независимый легально-оппозиционный орган печати. Можно было однако надеяться, что при отталкивании Тито от брежневской нео-сталинщины после захвата Чехословакии, заточению проф. Михайлова будет положен конец. Это казалось логичным. А на деле теперь возобладали, как будто, обратная тенденция. Уже репрессии против редакции органа Союза сербских писателей «Книжевне Новине», с особой смелостью выступившей против захватчиков Чехословакии, трудно было объяснить одним только стремлением правящих белградских кругов — снизить слишком опасное напряжение между ними и Кремлем. Дальнейшее показало, что боязнь свободной печати, а тем самым и всякой реальной свободы вообще, имеет и у правящих югославских коммунистов гораздо более общую основу. Дело не меняется от того, что за самое последнее время официальная критика обрушилась также на внезапно себя проявивших приверженцев сталинского «монолитного блока», в Югославии обзываемых «коминформистами»: просто — однопартийная власть (как и полагается при всяком тоталитарном режиме) допускает только одну, свою

собственную «линию» и поэтому подавляет одновременно все «уклоны», как «вправо» так и «влево» и куда бы то ни было вообще. Постановление по делам печати, радио и телевидения, недавно принятое югославским партийным президиумом, не оставляет на этот счет никакого сомнения: резко «призывая к порядку» журналистов как печатной, так и устной прессы, оно обвиняет их в «драматизации» внутренних противоречий в югославском социалистическом обществе и в желании утвердить свою «автономность» среди этого общества.

По сути дела, это не что иное, как особый вариант всё той же пресловутой сталинской «теории бесконфликтности» — «социалистическое общество» как таковое никаких «внутренних противоречий» не может порождать и поэтому намерять в печати на что либо подобное воспрещается, — а журналист (как, вероятно, и писатель), вместо какой-то там «автономности», снова получает, тоже по-сталински, назначение простого винтика в коллективе, т. е. на самом деле в руках единой правящей партии. При всех местных и иных различиях, это в основе своей то же самое, что в Советском Союзе стараются теперь отстоять, по директивам партийной верхушки, всякие кочетовы и прочие исключатели Солженицына.

Мы потому остановились на этом югославском примере, что он, пожалуй, более всего характерен для узких пределов, дальше которых никакое раскрепощение не может идти — пока сохраняется самый принцип однопартийной диктатуры. Если даже Тито, рискнувший больше всех остальных красных диктаторов вводить некоторые элементы свободы в свой однопартийный режим, теперь, по-видимому, испугался последствий и резко попятился назад, — то чего ждать от более «правоверных» коммунистических олигархий, давно застывших в косной неподвижности от смертельной боязни каких бы то ни было перемен?

И всё же, никаким Брежневым уже сейчас не под силу избегать любых перемен везде и во всем. Нехотя и со всякими предосторожностями, их политика в отношении Запада начинает меняться уже теперь. Крик, заранее поднятый партийным пропагандным аппаратом против «теории конвергенции», представляет собой едва ли даже не главную из этих предосторожностей. Но сомнительно, чтоб можно было превентивным криком избежать последствий уже начинающегося исторического сдвига.

Сам этот крик косвенно подтверждает распространенность, по крайней мере в высших научных и технических кругах Советского Союза, тех именно взглядов, которые приводят в смятение косных и малокультурных партийных аппаратчиков.

Общемировой и научно-технический прогресс нашего времени сам собой ведет к образованию соответствующих ему новых социально-экономических структур, которые во всех развитых странах не могут не быть более или менее однородными и в свою очередь требуют создания соответствующих политических условий и гарантий: это и есть «теория конвергенции», на которую официальная советская печать не обратила бы столько неблагосклонного внимания, если бы в России ее разделял один единственный Академик Сахаров.

Не входя в детали, которые частью могут быть спорными, правильность этого общего прогноза трудно оспаривать серьезно. От выраженных в нем требований современной эпохи всё же можно было бы отмахиваться в течение некоторого времени — не будь той международно-политической обстановки, которая существует в действительности, т. е. в первую очередь давления на Советский Союз со стороны Китая. Именно оно требует не в некоем, еще неопределенном будущем, а сейчас же, прямого сотрудничества России с передовыми странами Запада, сотрудничества технического во всяком случае, которое, при умножении человеческих контактов, неизбежно выльется с сотрудничеством всяческим, во всестороннее общение с взаимными влияниями, т. е. во внутреннее сближение — «конвергенцию» обеих сторон. А так как диктаторская партийная власть именно этого боится, понимая, что для нее это — начало конца, то вывод ясен: с помощью объективных данных, — надо надеяться, невозможности сговора Москвы с Пекином, — этого должны добиться, своим неуклонно возрастающим давлением, все подлинно культурные люди России и все те, кто озабочен судьбами страны, а не сохранением кастовых привилегий КПСС.

**
*

Известно, что итальянских коммунистов еще более раздражили некоторые выпады Кочетова в его «романе» — неосталинском манифесте, разобранным нами в нашем прошлом выпуске. Отчасти от этого их печать стала еще усерднее передавать из Москвы действительно ценные сведения. И среди прочего сообщила, что на хамское предложение «Союза советских писателей» уехать за границу А. И. Солженицын не только ответил отказом, но и добавил:

— Пусть те, кто хочет, уезжают в Китай.

Еще раз, наш замечательный писатель попал, как говорится, в самую точку. Следует желать, чтобы все те, кому это нравится, поскорее убрались из России в царство Мао Цзе-дуна. А Солженицын и все, кто в России дышит с ним одним ду-

хом, должны, конечно, до самой крайней возможности оставаться в России и там вести борьбу за гласность, за честность, за достоинство и права человека, за оздоровление России и ее очищение от всякой гнили и мерзости, как о том и написал Солженицын в своем последнем письме советскому так называемому «Союзу писателей».

Эту борьбу, за которую по самой конституции СССР никого нельзя «карать» в законном порядке, в России ведут уже многие и многие. Силой вещей, силой своего исключительного таланта и своей исключительной правдивости, а также — добавим — по исключительной глупости партийного руководства литературой, знаменем этой борьбы стал теперь Солженицын. По различным совпадающим сведениям, частью из тех же итальянских коммунистических источников, протесты со всех концов страны хлынули потоком в московский «Союз писателей», после того, как он себя «отставил» от Солженицына. Через иностранные радио и всякими иными путями, в Россию, наверно, доходят сведения и о том, что возмущение также проявилось в иностранном мире. Опубликованное в Англии воззвание целого ряда известных писателей разных стран, призывающее к бойкоту связей с Советским Союзом пока там происходят подобные безобразия, само по себе свидетельствует о том, что никакому внутреннему сближению с культурным Западом не бывать — без глубокого изменения созданной властью моральной атмосферы в России. Это тоже — реальная поддержка тем, кто борется «там».

Нет надобности говорить, что тем более мы, русские изгнанники, находящиеся здесь на свободе, обязаны всеми возможными средствами морально поддерживать эту борьбу. Но необходимо подчеркнуть, что делать это надо не безрассудно. Здесь, на свободе, ни на мгновение нельзя забывать о древнем и основном медицинском правиле: «Прежде всего — не вредить».

На конкретном примере, это означает вот что. Почти под самый Новый год, созданный года два тому назад в Париже французский Союз писателей счел нужным, не без основания, особым сообщением предупредить общественность о том, что на Западе ведутся какие-то переговоры об издании одного из драматических произведений Солженицына, «публикация которого всегда воспрещалась писателем и разглашение которого вопреки его воле послужило основой для политических обвинений, выдвинутых с тех пор против автора».

Речь идет, по-видимому, о «Пире победителей» — драме, написанной Солженицыным еще в концентрационном лагере. По дополнительным сведениям, появившимся во французской

печати, рукопись этого произведения, издавать которое сам писатель, как сказано, не желал, была уже года четыре тому назад «изъята» у него органами КГБ. К этому можно добавить слух, согласно которому на квартире у Солженицына в Рязани совсем недавно был произведен новый обыск.

Совершенно ясно, кто заинтересован в том, чтобы создавать предлоги для преследования и самого знаменитого писателя, и тех кругов вообще, которые в борьбе за гласность, за честность, за достоинство и права человека в России сознательно и последовательно придерживаются рамок советской легальности. В данном случае, нет и никакого сомнения в том, что «компрометирующие» материалы могли быть подкинuty за границу только теми, кто ими завладел: органами КГБ. Поэтому необходимо на весь мир утвердить ту истину, что ни сам автор, и никто из порядочных людей, им восхищающихся, не отвечают за произвольное обращение с материалами, о которых только сам Солженицын имеет право судить, подлежат ли они опубликованию или нет. Необходимо довести до сознания самых широких кругов всего мира, что за эти и подобные махинации КГБ только сам КГБ и отвечает: полицейские провокации, заранее вскрытые, не могут служить «оправданием» для каких либо репрессий, которые только еще больше опозорили бы перед мировым общественным мнением самих провокаторов и тех, кто ими командует.

И уж, конечно, не дай Бог таким провокациям потакать, «под каким бы то ни было предлогом», как и сказано в уже цитированном сообщении французского Союза писателей. Слишком велики ценности, сегодня отстаиваемые в России ее лучшими людьми, слишком тягостно и без того их нынешнее положение, чтоб еще более его отягощать дешевой заграничной рекламой, не связанной ни с каким риском для тех, кто на нее бы польстился.

Замечательно то, что при всех этих тягостях, дуновения подлинной бодрости доходят и сюда, за границу, от духовно свободных кругов современной России. Как ни усиливается зажим — на него умеют там отвечать иногда просто смехом. Рассказ о «завещании Чуковского», попавший даже в западную печать (в орган германской социалдемократии «Форвэртс»), по-видимому, — легенда; но и такие легенды многозначительны. Будто бы Чуковский, незадолго до кончины, созвал к себе целую кучу около-литературных партийных зубров и огласил им свое завещание: одну четверть наследства — сыну, другую — дочери, третью — Синявскому, четвертую — Солженицыну; от растерянности, блюстители партийных устоев будто бы даже расписались в том, что заслушали и прочитанное усвоили.

Повторяем, насколько можно судить, ничего подобного не было, да, вероятно, и быть не могло. Тем не менее, чуть ли не по всей Москве некоторое время этому верили — и хихикали в кулак.

При таком отношении к партийному правоверию, можно понять заключительный вывод П. Тигрида: всё теперь подавлено в Чехословакии — но «мощная помощь может внезапно притти из разных частей советской империи, из самой России в особенности». И не мы, а Андрэ Фонтэн в «Ле Монд» добавляет:

«О такой возможности всё чаще приходится слышать, и не только на Западе». На это вся надежда. Но тем более: «прежде всего — не верить».

Кн. С. Оболенский

«РУССКАЯ МЫСЛЬ»

«LA PENSÉE RUSSE»

Главный Редактор: Зинаида ШАХОВСКАЯ

«Русская Мысль» — самая большая русская еженедельная газета на Западе. Она выходит в Париже, каждый четверг на 12-ти страницах большого формата и предлагает своим читателям широкий обзор международных событий, статьи о вопросах религии и философии, о науке, литературе и искусстве, интересные архивные материалы, документы о жизни в СССР.

Все, кто интересуется русским вопросом, читают
«Русскую Мысль»

Адрес РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ:

LA «PENSÉE RUSSE», 91, rue du Faubourg-Saint-Denis, Paris 10^e

Tél. : 824-83-16

C.C.P. 5883-44 Paris

Прием по делам редакции и конторы ежедневно от 10 до 18 ч., кроме суббот и воскресений.

В экстренных случаях звонить в типографию: 636-01-29

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА : на 3 мес. — 22,50 фр.

на 6 мес. — 42,00 фр.

на год — 84,00 фр.

ДЛЯ ЗАГРАНИЦЫ : на 3 мес. — 25,00 фр.

на 6 мес. — 48,00 фр.

на год — 96,00 фр.

Цена отдельного № 2,00 фр.

Наши представители за-границей:

АВСТРИЯ : Frau Kira Wolff, Bartensteingasse 8, Wien I.

АРГЕНТИНА : Mr. Jorge Knircha. Villa Balester, Jose Hernandez 149 dep.
2, Prov. Buenos-Aires.

БЕЛЬГИЯ : « La Sentinelle ». Belgique. Boite postale 31. Ixelles-4 (Compte
postal 3925.03).

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ : Iskander Ltd., 56, Ennismore Gardens, London S.W.7

ГОЛЛАНДИЯ : N. V. Martinus Nijhoff-Librairie. B. P. 269, 9, Lange Voor-
hout. La Haye. Pays-Bas.

ЗАП. ГЕРМАНИЯ : Dipl.-Ing. N. Alimov. München 22. Liebigstrasse 16/II.

США : « Slavonic Bazaar », 31 Middle Street, Bridgeport, Conn. — 06603,
Mrs. M. S. Kingston. Russian Book Store « Russ », 443, Balboa Street.
San-Francisco, 18. Calif. 94118, U.S.A.

ВЕНЕЦУЭЛА : Mme G. Balitzky Sur 5, № 88. Caracas.

БРАЗИЛИЯ : Mr. L. Rubanov. Livraria « KNIGA ». Rua Quintino Bocaiuva,
22 - 2.º - S/8 — Caixa Postal 8405. Sao-Paulo.

АВСТРАЛИЯ : «Unification », 497 Collins St., Melbourne, C. I., Australie.

Г Р А Н И

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА, НАУКИ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

**Журнал « ГРАНИ » публикует произведения, которые по условиям
цензуры не могут быть изданы на Родине.**

В частности, в « Граниях » были опубликованы произведения
Б. Пастернака, А. Солженицына, М. Нарицы, В. Тарсиса, Евгении
Гинзбург, А. Платонова и др.; материалы ряда подпольных журналов,
документы и т. п.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ

Непосредственно из издательства — на 4 номера, включая переписку :
в США и Канаде — дол. 7, **в Германии и во всех других странах** — НМ 26
или эквивалент в местной валюте. При подписке через представителей,
соответственно : дол. — 10, НМ — 30. В розничной продаже : дол. — 2,50
НМ — 7,50.

Подписную плату следует посылать почтовым заграничным переводом
или чеком в письме по адресу :

POSSEV-VERLAG

D 623 Frankfurt/Main 80, Flurscheideweg 15

или банковским переводом на :

Konto 215 640, Dresdner Bank, Frankfurt/Main

Из Германии удобнее всего пересылать на :

Konto 33 461, Postscheckamt, Frankfurt/Main.

ПОДПИСКА НА
НЕЗАВИСИМЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ВОЗРОЖДЕНИЕ

принимается временно по адресу :

М. Serge Obolensky,
Chemin de la Côte-du-Moulin, L'Etang-la-Ville, 78 — France
С.С.Р. 21148 15 — Paris.

Банковские чеки и почтовые переводы должны быть выписаны
обязательно на имя М. Serge Obolensky с пометкой
« для **Возрождения** ».

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ

Во Франции :

на 12 номеров 80 фр.

на 6 номеров 45 фр.

Заграницей :

на 12 номеров 21 долл., или 8 фунтов ст. 8 шилл., или 80 НМ.

на 6 номеров 12 долл., или 4 фунта ст. 16 шилл., или 45 НМ.

Цена отдельного номера :

Во Франции : 8 франков.

Заграницей : 2,50 долл., или 1 фунт ст., или 9 НМ.

**Не забудьте возобновлять Вашу подписку своевременно : от
регулярного поступления средств зависит успех нашего
издания.**